

МОЛОДОЙ ИСТОРИК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

YOUNG HISTORIAN

ACADEMIC JOURNAL

ОСНОВАН В 2025
FOUNDED IN 2025

НОМЕР 2 2025 ИЮНЬ
NUMBER 2 2025 JUNE

МОЛОДОЙ ИСТОРИК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

YOUNG HISTORIAN

ACADEMIC JOURNAL

ОСНОВАН В 2025

FOUNDED IN 2025

NO. 2

2025

MOLODOI ISTORIK YOUNG HISTORIAN

Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

The main content of the YOUNG HISTORIAN consists of scientific articles, scientific abstracts, scientific reviews, the subject of which corresponds to the group of scientific specialties 5.6 “Historical Sciences” according to the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded, approved by Order № 118 of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated February 24, 2021:

5.6. Historical sciences:

- 5.6.1. Russian history
- 5.6.2. World history
- 5.6.3. Archaeology
- 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography
- 5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research
- 5.6.6. History of science and technology
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy
- 5.6.8. Records management, document science, archival science

The purpose and scope: THE “YOUNG HISTORIAN” is an academic, peer-reviewed journal aimed at promoting the scientific research of young scholars in the field of history. The journal is a platform for the exchange of opinions and discussions between young historians and the publication of scientific and historical researches and materials of theoretical and (or) practical significance.

Journal objectives:

- Selection and publication of original and high-quality scientific materials by young historians;
- Involvement of young scholars, students, postgraduates, applicants for academic degrees in publishing and activities of the journal;
- Ensuring objective and independent review of published articles by domestic and foreign historians;
- Promotion of international cooperation in the field of historical science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Editorial staff office: 6, Miuskaya Square, Moscow, 125047

E-mail: molodoi.istorik@rggu.ru

МОЛОДОЙ ИСТОРИК

Научный журнал

Выходит 4 номера электронной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Основное содержание МОЛОДОЙ ИСТОРИК состоит из научных статей, научных обзоров, научных рецензий, тематика которых соответствует группе научных специальностей 5.6 «Исторические науки» согласно номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются учёные степени, утверждённой приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118:

5.6. Исторические науки:

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.6.3. Археология

5.6.4. Этнология, антропология и этнография

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.6. История науки и техники

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.6.8. Документалистика, документоведение, архивоведение

Цели и область: МОЛОДОЙ ИСТОРИК – академический, рецензируемый журнал, нацеленный на продвижение научных исследований молодых учёных в области истории. Журнал является платформой для обмена мнениями и дискуссий между молодыми историками и публикации научно-исторических исследований и материалов, имеющих теоретическую и (или) практическую значимость.

Задачи журнала:

- отбор и публикация оригинальных и качественных научных материалов молодых историков;
- привлечение молодых научных сотрудников, студентов, аспирантов, соискателей учёных степеней к публикационной активности и деятельности журнала;
- обеспечение объективного и независимого рецензирования публикуемых статей отечественными и зарубежными историками;
- содействие развитию международного сотрудничества в области исторической науки. Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Адрес редакции: 125047, Москва, Мнусская пл., 6

Электронный адрес: molodoi.istorik@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive secretary

S.A. Tagiltseva, master's student, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

P.A. Alipov, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M.M. Chernigovskiy, Cand. of Sci. (History), Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I.B. Antonova, Cand. of Sci. (Pedagogy), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*editor of English text*)

D.A. Baklanov, graduate student, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*editor*)

Executive editor:

P.A. Alipov, Cand. of Sci. (History), RSUH

M.M. Chernigovskiy, Cand. of Sci. (History), SPSU

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный секретарь

С.А. Тагильцева, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

П.А. Алипов, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М.М. Черниговский, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И.Б. Антонова, кандидат педагогических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*выпускающий редактор английского текста*)

Д.А. Бакланов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор*)

Ответственные за выпуск:

П.А. Алипов, кандидат исторических наук, РГГУ

М.М. Черниговский, кандидат исторических наук, СПбГУ

СОДЕРЖАНИЕ

История России Нового времени

Мария А. Новикова

Роль печатных письменников в сфере частной переписки в первой трети XVIII века

10

Иван М. Булыга

Политика Д.Ф. Трепова по аграрному вопросу

21

История Советского Союза:
культурные, социальные и
идеологические аспекты

Анастасия В. Волкова

Социальное конструирование жилищного пространства в 1920–1930-х гг.: дискуссии о советизации общества

30

Николай Б. Копысов

Дискуссия о спортивных соревнованиях в системе советской физкультуры 1920-х гг.

40

Яна С. Якунина

Как блокадница стала защитницей целого города: психологический портрет женщины и её успех выживания в военном Ленинграде

52

Наталья М. Емельянова

Социальное положение советских художниц в 1930-х – начале 1950-х гг.

62

Виктория О. Торбик

Краеведческая периодика СССР в 1950–1980-е гг.: тенденции развития и влияние на прессу современной России

86

CONTENTS

The History of Modern Russia

Maria A. Novikova

Letter writing manuals in Russian epistolary culture in the first third of the XVIII century

Ivan M. Bulyga

D.F. Trepov's policy on the agrarian issue

The history of the Soviet Union:
cultural, social, and ideological aspects

Anastasia V. Volkova

Social construction of housing space in the 1920s-1930s; debates on the Sovietization of society

Nikolay B. Kopysov

Debates on sports competitions in Soviet physical education in the 1920s

Yana S. Yakunina

How a blockade runner became a defender of an entire city: a psychological portrait of a woman who managed to survive in military Leningrad

Natalya M. Emelyanova

Social status of Soviet female artists in the 1930s – early 1950s

Viktorina O. Torbik

Local history periodicals of the USSR in the 1950–1980s; development tendencies and influence on the press of modern Russia

Сергей Д. Гай

«Луче сдь умру. Не иду».
Аутоагрессивное поведение в Древней
Руси на примере смерти
Глеба Ростиславича в 1178 г.

104

Мария С. Иванова

История о том, как три проститутки
кооператив развалили: опыт швейной
мастерской г-жи Полянскй в
контексте эпохи романа «Что делать?»

121

Илья В. Пашков

Дореволюционное научное наследие
С.Ф. Платонова в советской
историографии

137

История международных отношений и
внешней политики

Анастасия В. Широких

Проблема российской собственности на
Святой Земле (конец XIX – начало XX века)

156

Никита С. Панаев

Основные тенденции и проблемы торгово-
экономического взаимодействия РСФСР
(СССР) и Великобритании 1919–1929 гг.

171

Евгений А. Родионов

Миротворческая деятельность Российской
Федерации в рамках грузино-абхазского
конфликта 1994–2008 гг.

180

Научная жизнь

Артём В. Крестьянинов, Владимир И. Мухин

«Казанские исторические чтения»:
межуниверситетский студенческий диалог

191

Sergey D. Gay

«Luche sde umru. Ne idu».
Autoaggressive behavior in Ancient Rus
on the example of
Gleb Rostislavich's death in 1178 AD

Maria S. Ivanova

The story of how three prostitutes
ruined a cooperative: the experience of
Ms. Polyanskaya's sewing workshop in
the context of “What to Do?” novel

Ilya V. Pashkov

Pre-revolutionary scholar heritage of
S.F. Platonov in Soviet historiography

History of international relations
and foreign policy

Anastasia V. Shirokih

The problem of Russian property in the
Holy Land (late XIX – early XX century)

Nikita. S. Panaev

The main trends and problems of trade and
economic cooperation between the RSFSR
(USSR) and Great Britain in 1919–1929

Evgeny A. Rodionov

Peacekeeping activities of the Russian
Federation in the framework of the
Georgian-Abkhaz conflict of 1994–2008

Scientific life

Artem V. Krestyaninov, Vladimir I. Mukhin

“Kazan historical readings”:
inter-university student dialogue

УДК 93/94

Роль печатных письмовников в сфере частной переписки в первой трети XVIII века

Мария А. Новикова

Санкт-Петербургский институт истории РАН

Санкт-Петербург, Россия, novimary7@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется влияние первого русского печатного письмовника «Приклады, како пишутся комплименты разные на немецком языке...» на частную переписку русской элиты первой трети XVIII в. Цель исследования – проследить использование предложенных в письмовнике образцов посланий в эпистолярной практике указанного периода. В статье проанализированы три редакции «Прикладов...», а также письма из собрания Отдела рукописей Российской национальной библиотеки и материалов Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН. Было выявлено, что посредством письмовника происходило внедрение европейских норм и изменение эпистолярного этикета. Письмовник расширил тематику посланий, задавая новые поводы для переписки. Вместе с тем авторы редко копировали его образцы дословно: реальные послания были короче и проще по содержанию, чем шаблонные тексты из письмовника. В частных письмах всегда прослеживается индивидуальный стиль автора. В тексте статьи приведены примеры сопоставления образца текста послания письмовника с письмами русской элиты первой трети XVIII в. Таким образом, «Приклады, како пишутся комплименты разные на немецком языке...» задавали новые эпистолярные стандарты, однако их использование было избирательным.

Ключевые слова: эпистолярный этикет, частные письма, письмовник, история России

Для цитирования: Новикова М.А. Роль печатных письмовников в сфере частной переписки в первой трети XVIII века // Молодой историк. 2025. № 2. С. 10-20.

Letter writing manuals in Russian epistolary culture
in the first third of the XVIII century

Maria A. Novikova

*Saint-Petersburg Institute of History Russian Academy of Sciences
Saint-Petersburg, Russia, novimary7@gmail.com*

Abstract. The article investigates the influence of the first Russian print letter writing manual «*Priklady, kako pishutsya komplimenty raznye na nemeckom yazyke...*» to the private correspondence of the Russian elite of the first third of the 18th century. The aim of the study is to trace the use of the models of messages proposed in the letter book in the real epistolary practice of this period. The article analyzes three editions of print letter writing manual, as well as letters from the collection of the National library of Russia and materials of the archive of the Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. It was revealed that the introduction of European norms and the reform of epistolary etiquette took place through the letter writer. The letter writer expanded the subject of the messages, giving new reasons for correspondence. However, the authors rarely copied its samples verbatim: real messages were shorter and simpler than standard texts from a letter writer. Private letters reveal the author's personal style. In the text of the article there are examples of comparison of the sample text of a letter from the writer with real letters from the Russian elite of the first third of the XVIII century. Thus, print letter writing manuals asked for new epistolary standards, but their assimilation was selective.

Keywords: epistolary etiquette, private letters, letter writing manuals, history of Russia

For citation: Novikova, M.A. (2025), "Letter writing manuals in Russian epistolary culture in the first third of the XVIII century", *Young Historian*, no. 2., pp. 10-20.

Процессы европеизации и секуляризации в рамках внутренней политики Петра I нашли свое отражение и в эпистолярной культуре. В частности, в апреле 1708 г. в России вышел сборник образцов для написания писем – «Приклады, како пишутся комплименты разные на немецком языке...» [Кузьмина 2021]. Текст был переведен с немецкого языка. Считается, что автором письмовника является глава Посольского приказа М.П. Шафиров, который использовал для составления «Прикладов...» тексты письмовников Каспара Давида фон Штилера и Августа Бозе [Полонский 2013].

Настоящее исследование ставит своей целью проследить, использовались ли образцы посланий, предложенные в «Прикладах...», в реальной практике частной письменной коммуникации. Для этого были изучены несколько редакций письмовника «Приклады, како пишутся комплименты разные на немецком языке...» за апрель 1708 г.¹, ноябрь 1708 г.² и февраль 1712 г.³ из Отдела редких книг Российской Национальной библиотеки (РНБ), а также письма из собрания Отдела рукописей РНБ и материалы Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН.

В период с 1708 по 1725 гг. было выпущено четыре редакции печатного письмовника [Быкова, Гуревич 1955]. Содержательно письмовник стал отражением абсолютно новой культурной практики и лишь внешне заимствовал древнерусский установленный эпистолярный формуляр. До выпуска «Прикладов...» тексты рукописных письмовников выстраивались в рамках древнерусского эпистолярного образца [Демин 1963].

Первый письмовник содержал 101 образец просительных, уведомительных, благодарственных и пригласительных писем. В «Прикладах...» осуществляется обращение к различным аспектам

¹ ОРК РНБ. П–2.

² ОРК РНБ. П–7.

³ ОРК РНБ. П–56.

повседневной жизни общества. Присутствуют образцы писем по случаю праздников, поступления на службу, рождения, смерти и др. В письмовнике представлена не только одна или несколько вариаций посланий, приуроченных к той или иной жизненной ситуации, но также и предполагаемые ответы на них.

Тираж первого издания оценивается примерно в 300 экземпляров [Полонский 2013]. Формат в восьмую часть листа был связан с утилитарными целями письмовника. Вторая редакция с дополнениями была издана в том же 1708 г. не ранее 11 ноября. В ней присутствовали важные нововведения: появились 24 письма и 5 ответов на них, где приводились образцы переписки незнатных лиц, а также образцы писем к женщинам. Ещё две редакции вышли в 1712 и 1725 гг. без дополнений [Кузьмина 2021].

В письмовнике сохраняется классическая композиция письма, включающая прескрипт, семантему и клаузулу [Новикова 2024]. Однако, в отличие от писем, происходит переосмысление формы и вводится большое количество гипербола в эпистолярные формулы. Преимущественно это проявляется в прескрипте и клаузуле. «Приклады...» за счёт немецкого влияния видоизменяли русский эпистолярный язык. Происходило сильное «утяжеление» эпистолярных формул. В письмовнике содержится большое количество неологизмов и заимствований из европейских языков. Примером различия эпистолярных формул в «Прикладах...» и частных письмах является использование в письмовнике обращения «приятнолюбезный сродственник», которое не встречается в материалах частной переписки первой трети XVIII в. [Полонский 2013]. Основным вариантом обращения в изученном комплексе писем выступает: «всемиловитейший государь» или «всемиловитейшая государыня». Далее следует обозначение социального статуса, имени и отчества адресата.

Определяющее значение в эпистолярной культуре первой трети XVIII в. играло социальное положение корреспондентов. Большинство писем в письмовнике написаны от лица человека, находящегося на военной или гражданской службе, и адресовано к вышестоящему или «равному» по социальному положению. Обозначение социального статуса адресата сохраняется даже при наличии родственных связей между коммуникантами. Частные

письма рассматриваемого периода также подчинены строгой иерархии в отношениях между корреспондентами. Зачастую семантика писем включает целый ряд близких друг другу по смыслу хвалебных характеристик адресата. Это продиктовано необходимостью расположить к себе собеседника. Однако, если участники переписки равны по социальному статусу или автор находится на более высоком уровне, чем адресат, тогда подчеркивание иерархии в письме становится менее выраженным.

Письмовник сохраняет определённые нормы религиозного этикета в образцах для написания писем. Однако в нем отсутствуют примеры учительных посланий, что было характерно для традиции рукописных письмовников вплоть до конца XVII в. Упоминание Бога в большинстве образцов письмовника присутствует в прескрипте и клаузуле послания. В семантике обращение к Богу наиболее часто выражено в «сожалетельных» и «утешительных» письмах. Частные письма первой трети XVIII в. также содержат формулы религиозного этикета. Например: «здравие твое да сохранит десница Божия»⁴, «здравие вапа да сохранит десница Божия ва многия лета»⁵, «здравие ваше Господу в сохранения передаю»⁶, «В милости Божье здравствуй на веки»⁷ и т.д. Помимо этого, проявлением религиозности в письмах выступает невербальная форма – начертание небольшого креста наверху листа. Таким образом автор благословлял получателя письма.

Усиленное восхваление адресата присутствует как в образцах посланий в письмовнике, так и в самих письмах. Однако сами формулы различаются. Зачастую семантика частной корреспонденции включает целый ряд близких друг другу по смыслу хвалебных характеристик адресата. Это продиктовано необходимостью расположить к себе собеседника. Ряд исследователей XVIII в. предполагает, что «Приклады...» служили проводником патрон-клиентской системы социального поведения в частной письменной коммуникации. Такая организация общения позволяла автору письма выстраивать отношения с вышестоящей

⁴ ОР РНБ. Ф. 480. Оп. 1. № 16.

⁵ ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. № 143.

⁶ ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. № 95.

⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 256. Оп. 1. Д. 47. Л. 8.

особой так, чтобы предполагаемый покровитель мог ощутить себя в роли исключительного благодетеля.

Собственное положение автора значительно принижено и в тексте письмовника, и в письмах. Зачастую в клаузуле частных писем присутствует общеупотребительная с XVII в. в переписке подпись «раб/раба ваш/ваша». Текст письмовника предлагает подпись, заменяющую «раб» на слово «слуга», тем самым убирая из эпистолярного этикета подпись «раб». При этом 1 марта 1702 г. был издан указ Петра I «о форме прошений подаваемых на Высочайшее имя», согласно которому «на Москве и во всех городах Российскаго Царства Царевичам и Боярам и Окольниким и Думным и Ближним и служилым и иноземцам и купецким и чернослободцам и всякаго чину людям писать в челобитных, Свою Государскую честь, новым изложением <...> а по прошении совершить Вашего Величества нижайший раб и под тем писать челобитчикам имена свои с прозванием и месяц и число и год <...>»⁸. Так, в переписке была официально закреплена длительное время существовавшая форма самоопределения русского подданного.

Необходимо отметить, что в 1720-е гг. начинается постепенное изменение письменного самоопределения автора, и формула «нижайший раб» в подписи встречается только по отношению к царским особам [Полонский 2013]. Основной формулой становится использование подписи «слуга». Например, «при сем писавы слуга вашей милости Борис Глазатой декабря 2 дня 1732 году»⁹ и «государь мой, ваш покорной и верной слуга Алексей Заборовский из Москвы августа 12 дня 1731 году»¹⁰. Выработка и закрепление новой нормы эпистолярного этикета происходили под влиянием «Прикладов...». Большое воздействие на это оказывала европейская традиция письменной коммуникации.

Сравнение конкретных примеров писем на определённые темы с текстами образцов из письмовника показывает, что корреспонденты первой трети XVIII в. не списывали текст послания с «Прикладов...». Содержание частных писем namного

⁸ Полный свод законов Российской империи. Собрание первое. СПб, 1830. Т. IV. № 1899. С. 189.

⁹ ОР РНБ. Ф. 1054. Оп. 1. № 1.

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 1054. Оп. 1. № 2.

проще и короче, чем образцы, которые приводятся в письмовнике. Однако большинство посланий шаблонны и повторяют определённые эпистолярные формулы. В качестве примера приводим рекомендуемый образец поздравления с днем рождения из письмовника «Приклады, како пишутся комплименты разные на немецком языке...» и примеры текстов частных писем русской элиты первой трети XVIII в., написанные на эту тему:

Княжеское поздравительное писание, при прилучившемся дни рождения¹¹:

«Понеже к вашей любви счастливое и благословенное благополучие, всегда наше первейшее желание есть, того ради мы по достоинности радуемся, егда мы увидели, что ваша любовь сего дня рождения паки при здравии, и добром удовольствии дожили. И ради сего мы не могли оставить сию нашу радость сим писанием объявити, и вам особливо приятносроднически все саможелаемые счастья душевные и телесные верно желаем, дабы вы в радости и в непрерывном умножении счастья, еще много неисчетных лет со удовольствием видеть свое житие к божией чести, и вашей земли, и государств, и вашим княжеским высокопринадлежащим к благополучению и пользе было. И при том божие благословение и помощь пребогатую получитьи, и егда мы вашей любви приятносродническия услужения показать достойны будем, то вы изволите нас всегда употреблять. Между тем же мы безотменно пребываем вашей любви и прочая».

Головкина Екатерина письмо царевне Прасковье Ивановне от 31 октября 1726 г.¹²:

«<...> Всеподаниша вашево высочества поздравляю с днем рождения государыню царевну Екатерину Ивановну и от сердца моего желаю вам в радости и в добром здравии купно всохраниться <...>».

¹¹ ОРК РНБ. П–2. С. 56–58.

¹² ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. № 143.

Герцогиня курляндская Анна Ивановна письмо царевне Праксовье Ивановне¹³.

От 16 ноября 1726 г.:

«<...> Поздравляю вас, свет мой, з дражайшего имениницею её императорского величества и желаю от сердца ее величеству многа лет здравствовать в добрам здаровье и щаслива, и чтобы Бог её величества желания все исполнит. Также поздравляю з драгими имениницами: сестрицею царевною Екатериною Ивановною и принцесою нашею племянницею. Им желаю здравствовать многа лет <...>».

От 29 ноября 1726 г.:

«<...> Поздравляю вам з драгою имениницею в день раждения племянницы нашай и желаю ей драгой многа лет здравствовать».

От 13 декабря 1726 г.:

«<...> А ныне не хотела оставит чтоб не поздравоват з драгою имениницею ее высочества государыни сестрицы цесаревны Елизавет Петровны днем раждения ее высочества, с которым торжеством поздравляю <...>».

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что формирование особенностей эпистолярной культуры первой трети XVIII в. происходило как под влиянием печатных письмовников, так и под воздействием существующей русской письменной традиции. «Приклады...» расширяли представления людей о возможных поводах написания частных писем. Эпистолярный заимствовал этикетные формы и сохранял упорядоченную структурную организацию письма. В содержательном плане, несмотря на шаблонность формул, тексты носят индивидуальный характер. Определение источника формирования шаблонов посланий требует сравнения текстов писем с другими письмовниками первой трети XVIII в., а также с иностранной корреспонденцией.

¹³ ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. № 129.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор статьи выражает особую благодарность библиотекарю 1-й категории Отдела редких книг РНБ Натальи Александровне Вревской за оказанную помощь при проведении данного исследования.

ACKNOWLEDGMENTS

The author of this article would like to express his special gratitude to Natalia Alexandrovna Vrevskaya, a 1st category librarian at the Rare Books Department of the Russian National Library, for her assistance in conducting this research.

ЛИТЕРАТУРА

- Быкова, Гуревич 1955 – *Быкова Т.А., Гуревич М.М. Описание изданий гражданской печати 1708 – январь 1725 г.* М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.
- Демин 1963 – *Демин А.С.* Русские письмовники XVI–XVII веков. (К вопросу о русской эпистолярной культуре): Дис. ... канд. филол. наук. Институт русской литературы. Л., 1963. 454 с.
- Кузьмина 2021 – *Кузьмина М.Д.* Первый русский печатный письмовник в истории развития эпистолярного жанра // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2020): XX Всероссийская научная конференции. СПб: СПбГУПТД, 2021. С. 118–127.
- Новикова 2024 – *Новикова М.А.* Русское частное письмо первой четверти XVIII в. как материальное явление // *Ноябрьские чтения-2023: Сборник статей по итогам XV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных.* Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2023 г. СПб: Скифия-принт, 2024. С. 364–369.
- Полонский 2013 – *Полонский Д.Г.* Первый русский печатный письмовник и его роль в формировании эпистолярной культуры Нового времени // *Стародруки і рідкісні видання в університетській бібліотеці: матеріали II міжнародних книгознавчих читань.* Одеса, 2013. С. 244–260.

REFERENCES

- Bykova, T.A. and Gurevich, M.M. (1955), *Opisanie izdaniy grazhdanskoy pechati 1708 – yanvar 1725 g.* [Description of civil press publications 1708 – January 1725], Izd-vo AN SSSR, Moscow; Leningrad, USSR.
- Demin, A.S. (1963), *Russkie pismovniki XVI-XVII vekov (K voprosu o russkoy epistolyarnoy kulture)* [Russian letter-writing manuals of the 16th–17th centuries (On the issue of Russian epistolary culture)], Ph.D. Thesis (Philology), Institute of Russian Literature, Leningrad, USSR.
- Kuzmina, M.D. (2021), “The first Russian printed letter-writing manual in the history of epistolary genre development”, in *Pechat i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskie chteniya – 2020): Materialy XX Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Print and Word of St. Petersburg (Petersburg Readings – 2020): Proceedings of the 20th All-Russian Scientific Conference], SPbGUPTiD, Saint Petersburg, Russia, pp. 118–127.
- Novikova, M.A. (2024), “Russian private letters of the first quarter of the 18th century as a material phenomenon”, in *Noyabrskie chteniya-2023: Sbornik statey po itogam XV Vserossiyskoy konferentsii* [November Readings-2023: Proceedings of the 15th All-Russian Conference], Skifiya-print, Saint Petersburg, Russia, pp. 364–369.
- Polonsky, D.G. (2013), “The first Russian printed letter-writing manual and its role in the formation of New Age epistolary culture”, in *Starodruki i ridkiesni vidannya v universitet'skiy bibliyetsi: materiali II mizhnarodnikh knigoznavchikh chitan* [Old Prints and Rare Editions in University Libraries: Proceedings of the 2nd International Bibliographic Readings], Odesa, Ukraine, pp. 244–260.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мария А. Новикова, студент бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет; лаборант Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН, Санкт-Петербург, Россия; 197110, Россия, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7; novimary7@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria A. Novikova, bachelor student, Saint Petersburg State University; Laboratory assistant of the Scientific and Historical Archive of the Saint-Petersburg Institute of History Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia; 197110, Russia, Saint Petersburg, Petrozavodskaya st., 7; novimary7@gmail.com

Политика Д.Ф. Трепова по аграрному вопросу

Иван М. Булыга

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, BIM0503@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается политика Д.Ф. Трепова в аграрной сфере в 1905–1906 гг. Проанализировано развитие взглядов сановника на решение аграрного вопроса, исследуются проекты предлагаемых им преобразований, рассматривается роль Д.Ф. Трепова в принятии политических решений и его влияние на кадровые назначения. Проведен анализ малоизученных делопроизводственных материалов, находящихся в фонде Канцелярии Санкт-Петербургского генерал-губернатора в ЦГИА СПб, включающих записку Д.Ф. Трепова по аграрному вопросу, а также предложения общественных и государственных деятелей, поступивших сановнику для ознакомления. Сделан вывод о широко распространившихся в начале XX в. среди высшей бюрократии взглядах Трепова на аграрный вопрос, значимой роли генерал-губернатора Санкт-Петербурга в создании Особого совещания под председательством И.Л. Горемыкина и об отсутствии принципиальной разницы между его проектом преобразований с аграрными реформами П.А. Столыпина.

Ключевые слова: Д.Ф. Трепов, Николай II, И.Л. Горемыкин, аграрный вопрос, Первая русская революция

Для цитирования: Булыга И.М. Политика Д.Ф. Трепова по аграрному вопросу // Молодой историк. 2025. № 2. С. 21-29.

D.F. Trepov's policy on the agrarian issue

Ivan M. Bulyga

*Saint Petersburg State University,**Saint Petersburg, Russia, BIM0503@yandex.ru*

Abstract. The article deals with D.F. Trepov's policy in the agrarian sphere in 1905–1906. The development of the dignitary's views on the solution of the agrarian issue is analyzed, the projects of his proposed transformations are studied, the role of D.F. Trepov in making political decisions and his influence on personnel appointments is considered. The article analyzes understudied office records, deposited in the fonds of the Office of the St. Petersburg governor-general in the Central State Historical Archive of St. Petersburg, including D.F. Trepov's note on the agrarian issue, as well as the proposals made by public and state figures, received by the dignitary for review. It is concluded that Trepov's views on the agrarian issue were widely spread among the top bureaucracy in the early 20th century, that the governor-general of St. Petersburg played a significant role in creating the Special Meeting chaired by I.L. Goremykin, and that his project of changes was fundamentally similar to the agrarian reforms proposed by P.A. Stolypin.

Keywords: D.F. Trepov, Nicholas II, I.L. Goremykin, agrarian issue, the First Russian Revolution

For citation: Bulyga, I.M. “D.F. Trepov's policy on the agrarian issue”, *Young Historian*, 2025, no. 2, pp. 21-29.

Д.Ф. Трепов играл значительную роль в государственной политике 1905–1906 гг. Помимо своих прямых полномочий, объем которых позволял некоторым современникам говорить о сановнике как о «диктаторе»¹, Трепов активно участвовал в разработке проектов преобразований в разных областях государственного устройства, в том числе и в аграрной сфере. Анализу взглядов

¹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. Т. 2. СПб., 2003. С. 285; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М, 2000. С. 676.

сановника на аграрный вопрос, определению его роли в подготовке реформаторских проектов, а также исследованию влияния Трепова на принятие политических решений в аграрной политике посвящена данная статья.

В историографии взгляды сановника на реформы с разной степенью подробности рассматривались в общих работах, посвященных аграрной сфере начала XX в. Г.М. Дейч считает, что в начале 1905 г. Трепов, понимая, что только репрессивными мерами невозможно добиться успокоения общественной ситуации, предпринял попытку расколоть «буржуазную оппозицию» и привлечь на сторону правительства крестьянство [Дейч 1971, с. 152]. В исследовании М.С. Симоновой утверждается, что взгляды Трепова на аграрный вопрос были типичны для представителей правящей бюрократии того периода и предполагали «оживления монархических иллюзий крестьянства» [Симонова 1987, с. 218]. В фундаментальной работе «Кризис самодержавия в России. 1895–1917» причины действий сановника обосновываются боязнью перед крестьянскими выступлениями и захватами помещичьих земель [Дякин 1984, с. 248].

Начальник Главного управления по делам печати А.В. Бельгард вспоминал, что Трепов сразу после назначения на должность санкт-петербургского генерал-губернатора считал необходимым, чтобы император объявил о коренной аграрной реформе с отчуждением части помещичьих земель². Взгляды генерал-губернатора отражены в составленной им объемной записке под названием «Земельная политика и крестьянский вопрос», представленной императору 8 марта 1905 г. и сохранившейся в фонде Канцелярии санкт-петербургского генерал-губернатора в ЦГИА СПб³.

Из ее анализа видно, что Трепов в начале 1905 г. не был сторонником принудительного отчуждения помещичьей земли. В записке генерал-губернатор подробно обосновывает мысль, что в данный момент преобразования в аграрной сфере представляют собой более важный вопрос, чем создание учреждения народного

² Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009. С. 229.

³ ЦГИА СПб. Ф. 2075. Оп. 2. Д. 79. Л. 1–21.

представительства⁴. Он считал, что только получение крестьянами помощи от государства в вопросе приобретения земли удержит их от революционных выступлений⁵. Генерал-губернатор выступал за реформу по созданию крепкого зажиточного крестьянства, для которого была бы чужда революционная агитация.

Для проведения реформы сановник предлагал продажу казенных земель и оброчных статей; расширение деятельности Крестьянского банка; создание краткосрочного правительственного кредита; улучшение организации переселения крестьян на свободные государственные земли. Главный принцип, который, по мнению Трепова, нужно было принять правительству для проведения реформы, заключался в необходимости отказаться от системы общинного землепользования⁶. Подчеркивалась неприкосновенность помещичьих земель, а также предлагалось сосредоточить деятельность по аграрному вопросу в одном учреждении, а именно в Министерстве земледелия и государственных имуществ, преобразовав его в Главное управление по земельным делам и сельскому хозяйству⁷.

Указанные Треповым меры к решению аграрного вопроса не являлись уникальными. По мнению Г.М. Дейча, предложения сановника были схожи с идеями будущей столыпинской реформы [Дейч 1971, с. 156]. К похожим проектам реформ сановники приходили и ранее [Тюкавкин 2001, с. 126–148]. Однако записка Трепова сыграла роль в борьбе в правительственных верхах за контроль над политикой в аграрной сфере.

Записка была направлена против С.Ю. Витте. Генерал-губернатор обвинял сановника в поиске причин «хозяйственного расстройтва» крестьян в несоответствии законодательства «потребности населения в прочном правопорядке»⁸. Трепов считал, что действительные причины экономического оскудения коренятся в экономических условиях их жизни. В записке встречаются и резкие высказывания относительно финансовой политики Витте.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 5 об.

⁶ Там же. Л. 9–9 об.

⁷ Там же. Л. 19–19 об.

⁸ Там же. Л. 13 об.

Например, Трепов отмечает, что «ценою истощения сельскохозяйственного населения воздалась Китайско-Восточная железная дорога и новые города на Дальнем Востоке, в так называемой Виттезии»⁹.

Генерал-губернатор был близок к кругам, настроенным против С.Ю. Витте. В.И. Гурко отмечал, что И.А. Горемыкин был хорошо знаком с братом генерал-губернатора, В.Ф. Треповым, бывшим во время управления Горемыкиным Министерством внутренних дел директором Департамента общих дел. Он указывал, что два брата Треповых и Горемыкин организовали «центр борьбы» с Витте, в котором критиковались его действия и рассматривались способы его отставки¹⁰. О существовании «объединения» упоминает в мемуарах и сам Витте¹¹. Наличие тесных связей между Д.Ф. Треповым и Горемыкиным весной 1905 г. подтверждается и другими источниками. Например, в письме Трепова к Горемыкину 30 мая 1905 г. генерал-губернатор сообщает, что А.В. Кривошеин «предположен к назначению губернатором в Тверь» и рекомендует Горемыкину, если последний считает деятельность Кривошеина полезной, «провести его в товарищи главноуправляющего или же в директора Департамента» и переговорить с ним¹². Кривошеин не покинул столицу, вскоре был назначен товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием, чему, как следует из письма, посодействовал и генерал-губернатор.

Известно, что Трепов еще в феврале 1905 г. разрабатывал проект указа Сенату об упразднении Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности Витте¹³, а 30 марта появился рескрипт на имя Горемыкина, согласно которому образовывалось другое Особое совещание, чьей задачей являлось наметить практические пути укрепления крестьянского землевладения. В рескрипте отмечались меры, необходимые для решения этой задачи: предоставление крестьянам «удобнейших способов» пользования отведенными им наделными землями;

⁹ Там же. Л. 14 об.

¹⁰ Гурко В. И. Указ. соч. С. 640.

¹¹ Из архива С.Ю. Витте... С. 484.

¹² РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 1271. Л. 1.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 2075. Оп. 2. Д. 79. Л. 23–30.

облегчение переселения; расширение крестьянского землевладения при помощи Крестьянского банка и ограничение крестьянских наделов от земель помещиков¹⁴. Можно говорить об очевидной связи записки Трепова с упразднением Совещания под председательством Витте и образования нового Совещания, возглавляемого Горемыкиным.

Разработка мер по аграрной политике сосредоточилась в Совещании под председательством Горемыкина, однако Трепов продолжил и самостоятельную деятельность в данной сфере. В сентябре 1905 г. в интервью британскому журналисту У. Стэду, в котором генерал-губернатор изложил «программу» преобразований, он коснулся и аграрного вопроса, предлагая в качестве реформаторских мер уничтожение чересполосицы, расширение деятельности Крестьянского банка, создание мелiorативного кредита для крестьян, «лучшую организацию переселений», а также увеличение крестьянских наделов¹⁵.

После опубликования Манифеста 17 октября Трепов стал выступать за принудительное отчуждение помещичьих земель. Доказывая необходимость данной меры, он был готов отдать даром половину земли своего поместья¹⁶. Трепов, занимавший должность товарища министра внутренних дел с мая по октябрь 1905 г., непосредственно координировал деятельность губернаторов по борьбе с крестьянскими выступлениями, поэтому был хорошо осведомлен о ситуации в деревне. Кроме того, сановник соотносил свою политику со скорым созывом Государственной думы, где, по его словам, было необходимо создать консервативную партию, на которую можно было бы опереться правительству при взаимодействии с Думой [Глебова 2003, с. 194].

Проект реформы по отчуждению помещичьих земель не был в итоге принят царем, но останется впоследствии в кадетской программе. Несмотря на неудачу проекта, Трепов продолжил участвовать в аграрной политике. Об этом свидетельствует

¹⁴ Высочайший рескрипт, данный на имя члена Государственного совета, сенатора, действительного тайного советника Горемыкина // Правительственный вестник. 1 апреля. С. 1.

¹⁵ Русские ведомости. 1905. 15 сентября. С. 3.

¹⁶ Из архива С.Ю. Витте... С. 281.

большое количество записок по аграрному вопросу, которые различные общественные и государственные деятели присылали сановнику. Только в Канцелярии Санкт-Петербургского генерал-губернатора отложилось 9 таких записок¹⁷. Некоторые предложения вызвали интерес у Трепова, и он оставлял их краткие характеристики. Например, в июне 1906 г. ему была подана записка анонимного автора, в которой высказывались мысли о политических преобразованиях. Относительно аграрной сферы автор считал необходимым создать зажиточный слой крестьян-собственников, которые станут опорой правительства. Трепов был согласен с мнением автора, отмечая, что мысли по аграрной реформе «заслуживают особого внимания»¹⁸.

Трепов считал разрешение аграрного вопроса важнейшей задачей правительственной политики. Он выступал за создание слоя крестьянских частных собственников, которые бы стали лояльными правительству и отошли от участия в революционном движении. Взгляды сановника нельзя считать уникальными, однако его поддержка необходимых преобразований оказывала влияние на политику правительства и принятие решений императора. Трепов, как представляется, сыграл значительную роль в закрытии Виттевского Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и создании Совещания под председательством Горемыкина, повлиял на назначение Кривошеина товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием. Осенью 1905 г. под влиянием революционных событий и в связи со скорым созывом Государственной думы взгляды Трепова изменились, и он стал поддерживать проект по принудительному отчуждению помещичьих земель. Проект не был реализован, однако сановник продолжил участвовать в политике по аграрному вопросу до своей смерти в сентябре 1906 г., отстаивая принцип формирования в деревне прослойки частных собственников-крестьян.

В своих воспоминаниях Витте указывает, что Столыпин повезло. Если бы Трепов не умер в сентябре 1906 г., то стал бы серьезным противником председателя Совета министров в борьбе

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 2075. Оп. 2. Д. 79.

¹⁸ РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 625. Л. 50 а.

за влияние на государственную политику¹⁹. У них были серьезные разногласия по вопросу о роспуске Государственной думы, что стало одной из причин отхода Трепова от активной политической деятельности летом 1906 г. Однако, исходя из анализа взглядов Трепова на преобразования в аграрной сфере, можно предположить, что сановник поддержал бы аграрные реформы Столыпина.

ЛИТЕРАТУРА

- Глебова 2003 – *Глебова И.И.* Задача государства – «Создание твердо сплоченной консервативной партии порядка» (из официальной переписки Николая II и Д.Ф. Трепова) // Россия и современный мир. 2003. № 3. С. 180–197.
- Дейч 1971 – *Дейч Г.М.* К истории аграрной политики царского правительства в первые месяцы революции 1905–1907 гг. // Ученые записки. Т. 298: Вопросы истории СССР. XIX–XX вв. 1971. С. 145–157.
- Дякин 1984 – Кризис самодержавия в России, 1895–1917 / Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, Б.Б. Дубенцов [и др.]; редкол.: В.С. Дякин (отв. ред.) [и др.]. Л.: Наука : Ленингр. отделение, 1984. 664 с.
- Симонова 1987 – *Симонова М.С.* Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М.: Издательство Академии наук СССР, 1987. 252 с.
- Тюкавкин 2001 – *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М.: «Памятники исторической мысли», 2001. 304 с.

REFERENCES

- Deitch, G.M. (1971), “To the history of the agrarian policy of the tsarist government in the first months of the revolution of 1905–1907”, *Uchenye zapiski, Issues of the history of the USSR. XIX–XX centuries*, vol. 298, pp. 145–157.

¹⁹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Том 1. Рассказы в стенографической записи. СПб, 2003. С. 802.

- Dyakin, V.S. (1984), Anan'ich B.V., Ganelin R.S. and Dubencov B.B., *Krizis samoderzhaviya v Rossii, 1895–1917* [The Crisis of Autocracy in Russia, 1895–1917], in Dyakin, V.S. (ed.), Nauka, Leningrad, USSR.
- Glebova, I.I. (2003), “The task of the state is ‘the creation of a strongly unified conservative party of order’ (from the official correspondence between Nicholas II and D.F. Trepov”, *Russia and the Modern World*, vol. 3, pp. 180–197.
- Simonova, M.S. (1987), *Krizis agrarnoj politiki carizma nakanune pervoj rossijskoj revolyucii* [The crisis of agrarian policy of tsarism on the eve of the first Russian revolution], Nauka, Moscow, USSR.
- Tyukavkin, V.G. (2001), *Velikorusskoe krest'yanstvo i Stolypinskaya agrarnaya reforma* [The Great Russian peasantry and Stolypin's agrarian reform], Pamyatniki istoricheskoy mysli, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иван М. Булыга, студент бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5; BIM0503@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan M. Bulyga, bachelor student, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 5, Mendelevskaya line, Saint Petersburg, Russia, 199034; BIM0503@yandex.ru

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА: КУЛЬТУРНЫЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

УДК 725.03

Социальное конструирование жилищного пространства в
1920–1930-х гг.: дискуссии о советизации общества

Анастасия В. Волкова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, ananas199@lenta.ru*

Аннотация. В статье рассматривается программа градостроительства 1920–1930-х гг. в контексте конструирования «нового человека». На государственном уровне решение жилищного вопроса предполагало не только обеспечение советских граждан жилой площадью, но и внедрение советского быта. В этой связи дискуссии архитекторов о проектировании социалистических домов отображают творческие подходы к формированию социальной среды населения. Акцентирование внимания на профессиональных размышлениях о жилищном пространстве способствует выявлению изменившихся представлений об идеологическом содержании жилого дома.

Ключевые слова: советская архитектура, жилищная политика, советизация общества, социальная история, градостроительство

Для цитирования: Волкова А.В. Социальное конструирование жилищного пространства в 1920–1930-х гг.: дискуссии о советизации общества // Молодой историк. 2025. № 2. С. 30-39.

© Волкова А.В., 2025

Social construction of housing space in the 1920s-1930s:
debates on the Sovietization of society

Anastasia V. Volkova

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, ananas199@lenta.ru

Abstract. The article examines the urban planning program of the 1920s-1930s in the context of constructing a “new man”. At the state level, the solution of housing problems did not involve providing Soviet citizens with living space only but introducing Soviet everyday life as well. In this regard, the architects’ debates on the socialist houses design reflect creative approaches to shaping the social environment of the population. Professional reflections on the housing space helps to identify changes in the apartment building ideology.

Keywords: Soviet architecture, housing policy, Sovietization of society, social history, urban planning

For citation: Volkova, A.V. (2025), “Social Construction of Housing Space in the 1920s-1930s: debates on the Sovietization of Society”, *Young Historian*, 2025, no. 2, pp. 30-39.

Программа жилищного строительства предполагала не только внедрение научно-технических достижений, но и конструировала социальное пространство общества, где жилые дома становились средством выражения идей эпохи. Архитекторы, приступая к созданию жилищных объектов, пытались сформулировать новое художественное содержание жилого дома, основанного на революционном отрицании всех предшествующих достижений в искусстве, а также композиционную роль жилого дома в организации личной и общественной жизни¹.

В историографическом пространстве актуальность изучения жилищной политики 1920–1930-х гг. обуславливается наличием идеологических, культурно-социальных факторов, с помощью которых конструировалась социальная реальность.

¹ РГАЛИ. Ф. 2423. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 35.

В частности, обращение к проблеме строительства жилищного и социально-общественного пространства города способствует открытию «завесы» процесса «советизации общества». Исследователи В.Э. Хазанова, Ж.А. Хамитова, Е.В. Барышева [Хазанова 1980; Хамитова 2013; Барышева 2015], применяя социокультурный подход, рассматривают формирование детского, городского и личного пространства в градостроительстве в контексте перевоспитания граждан. Историк архитектуры М.Г. Меерович рассматривал жилищную политику как меру регулирования миграционных потоков и как меру дисциплинарного контроля [Меерович 2004; Меерович 2014]. Однако научные труды не охватывают процессы творческой работы советских зодчих в теоретизировании в контексте выполнения государственного задания о создании «нового человека».

В начале 1920-х гг. на законодательном уровне понятие «новый быт» не имело точного определения. Представления о том, как должен был жить советский человек, и какой тип дома соответствовал бы новой системе отношений, были расплывчатыми. В соответствии с этим государство обязывало архитекторов создавать вариативные проекты жилищных условий с помощью которых реорганизовывался бы быт.

Переосмысление социальной роли человека и его внутриличных отношений являлось фундаментальным принципом в проектировании. Индивидуальность сознания заменялась коллективным. Женщина переставала быть «хранительницей очага», а воспитание детей переносилось в общественное пространство². Градостроители, учитывая новые формы бытового уклада, предлагали увеличить строительство общественно-коммунальных предприятий, внедрить практику размещения дошкольных учреждений на первых этажах жилых домов, уменьшить значимость личного пространства.

Дом в системе социальной организации представлялся только как спальное место. Досуговая и трудовая деятельность

² Барц М. Зеленый город // Современная архитектура. 1930. № 1-2. С. 34; Сабсович Л. О проектировании жилых комбинатов // Современная архитектура. 1930. № 3. С. 12.

переносились в места общего пользования. В частности, архитекторы И.А. Фомин и В. Кузьмин, размышляя о реорганизации быта, предлагали начинать трудовой день в столовых и фабриках-кухнях. В нерабочее время трудящиеся должны были посещать избы-читальни, клубы³.

Предложенная социальная организация проецировалась также на городской ландшафт. Главной тенденцией в проектировании являлась «микросистемность» жилого дома, то есть проектное решение одного объекта определяло дальнейшую структуру улицы, района, и в конечном итоге, города. Согласно идеи А.С. Никольского, создание городского пространства являлось конечной целью градостроителя, но для достижения цельного и художественного образа города требовался предварительный этап⁴. «Микросистемность» стала темой обсуждений на страницах профильных изданий. В журналах «Современная архитектура» и «Строительство Москвы» проекты жилья нового типа для трудящихся демонстрировали идею создания дома с учетом предоставления обслуживающих заведений (магазины, детские сады и ясли)⁵, а жилой дом рассматривался как композиционный центр в проектировании⁶.

Социальное и идеологическое значение жилого дома открывалось с помощью понятий «организмизм», «функциональность», «рациональность». Архитекторы использовали данную терминологию с целью объяснения идейных принципов, которыми руководствовались в проектировании.

³ Кузьмин В. О рабочем жилищном строительстве // Современная архитектура. 1928. № 3. С. 83; Фомин И.А. Революция и задачи нового строительства // Мастера советской архитектуры об архитектуре. М., 1975. С. 123.

⁴ Никольский А.С. Введение в архитектуру. Первое собеседование 16/XI-27 г. // Мастера советской архитектуры об архитектуре. М., 1975. С. 496.

⁵ Вегман Г.Г. Проект жилья нового типа для трудящихся. Рабочее жилище для малосемейных // Современная архитектура. 1927. № 4–5. С. 132–133; Владимиров В.М. Проект жилья нового типа для трудящихся // Современная архитектура. 1927. № 4–5. С. 134–135.

⁶ Дом жилищно-строительного кооператива сотрудников Льноторга // Строительство Москвы. 1927. № 2. С. 9–10; Николаев И.С. Постройка 1-го дома милиции // Строительство Москвы. 1929. № 1. С. 6–9.

Жилой дом как «организм» строго регулировался или, как писали советские зодчие, организовывался⁷. Логистика передвижения от жилья до общественно-административных предприятий становилась координирующим фактором, вовлекавшим людей в идеологическое пространство. «Функциональность» жилья заключалась в анализе производственных, бытовых, биологических процессов. Вопросы квартирной планировки решались с точки зрения переориентации домашнего хозяйства. Призыв к созданию «рационального» проекта означал соблюдение экономических расчетов и устранение психовоздействующих раздражителей.

В первой половине 1930-х гг. творческие концепции подверглись государственной критике. В постановлении «О работе по перестройке быта» от 1930 г., решении пленума ЦК ВКП (б) «О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР» от 1931 г. идеи об обобщественном быте признавались несостоятельными и экономически нерентабельными⁸. Одновременно с этим также отмечалось, что проектирование и строительство жилищ, способствовавших постепенному переходу на социалистический быт, необходимо было продолжать.

В соответствии с политикой государства риторика дискуссий сменилась на поддержание жилищных проектов, в которых демонстрировался «переходный тип» домашнего хозяйства. В 1920-х гг. подобная архитектурная практика уже существовала, но не была столь популярна. Главные идеи «переходного быта» заключались в отрицании принудительной ликвидации семьи как института, освобождении женщин от домашних обязанностей, приобщении к коллективным формам досуга и воспитания детей. В градостроительстве это отразилось в дискуссиях о социальных функциях жилого дома. Планировка

⁷ Вегман Г.Г. Укрупненное жилье // Современная архитектура. 1927. № 1. С. 14.

⁸ О работе по перестройке быта: Постановление ЦК ВКП(б). 16 мая 1930 г. // Современная архитектура. 1930. № 1–2. С. 3; О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР: Резолюция пленума ЦК ВКП (б) 11–15 июня 1931 г. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5. С. 326.

жилых ячеек должна была предусматривать ведение как традиционного быта, так и коллективного. Наличие альтернативы создавало условия для приобщения общества к общественно-бытовому обслуживанию. В конструировании жилищного пространства появилось понимание того, что сон – это не единственная потребность в домашнем отдыхе. Предоставление индивидуальной рекреации расширяло досуговые возможности рабочего. Рабочий день мог завершиться в домашней обстановке для семейного времяпровождения и восстановления сил⁹.

С точки зрения подходов проектирования архитекторы увеличили значение масштабов и художественного оформления в гражданском строительстве. Объявление архитектурного конкурса на «Дворец Советов» в 1931 г. способствовало продвижению идеи создания квартальной системы, которая обсуждалась в рамках журнальной полемики в 1920-х гг.¹⁰ Превращение «замкнутого жилого дома» в «жилую систему кварталов» подчёркивало важность пространственной организации не только одной административной единицы, но и целой сети общественных заведений, обслуживающих советских граждан. Зона идеологического воздействия расширялась, и человек подвергался перевоспитанию за пределами своего места проживания.

Архитекторы, раскрывая главные идеи данного метода, характеризовали свои проекты как «гармоничные» и «органичные» продукты, где процессы жизнедеятельности тесно связаны. Планомерное распределение жилых и общество-коммунальных объектов на городском пространстве, в понимании И.И. Леонидова, сделало бы коллективный досуг частью повседневной жизни общества¹¹. Архитектор А.В. Щусев считал, что пространство, в котором учтены функциональные и

⁹ Сильченков А.Н. Новая система жилых зданий // Строительство Москвы. 1930. № 4. С. 18.

¹⁰ Соболев И.Н. Проект жилья нового типа для трудящихся // Современная архитектура. 1927. № 4–5. С. 142–143.

¹¹ Леонидов И.И. Из пояснительной записки к проекту «социалистическое расселение при магнитогорском комбинате» // Мастера советской архитектуры об архитектуре. М., 1975. С. 537.

промышленные, санитарно-гигиенические факторы, создавало бы условия для достижения в обществе удовлетворённой атмосферы¹².

Вместе с тем трансформировался и образ жилого дома в творческом сознании. Градостроители считали, что создание жилпроектов должно основываться на функциональном проектировании. Попытка регулировать бытовые процессы так и оставалась главной задачей архитекторов, но в связи с усилением курса на индустриализацию научно-технические знания и разработка новых строительных техник считались необходимыми «инструментами», без которых новое общество нельзя было построить¹³.

Высказывание А.В. Щусева о том, что каждое сооружение должно иметь не только технический, но и художественный образ определяло символическое значение жилого дома – синтез науки и искусства¹⁴. В проектах жилищных сооружений требовалось показать внедрение научно-технических достижений, «переходных» форм быта, продемонстрировав и архитектурный стиль. Уверенность в том, что организация жилищного пространства сильнее способствовала конструированию нового человека, сменилась пониманием того, что экстерьер также транслировал идейное содержание. Данная идея становилась массовой, особенно после окончания строительства жилого дома на Моховой улице в 1934 г.

Начиная со второй половины 1930-х гг. логически завершаются творческие споры о формах жилищной организации и об идейном содержании градостроительства¹⁵. Лозунг

¹² Щусев А.В. Архитектурная организация города // Мастера советской архитектуры об архитектуре. М., 1975. С. 176.

¹³ Милаютин Н.А. Конструктивизм и функционализм к характеристике архитектурных течений XX века // Архитектура СССР. 1935. № 8. С. 8–10.

¹⁴ Щусев А.В. Наши разногласия // Мастера советской архитектуры об архитектуре. М., 1975. С. 185.

¹⁵ О генеральном плане реконструкции города Москвы: постановление СНК СССР, ЦК ВКП (б) от 10 июля 1935 г. // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]. М., 2011–2023.

URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354627#mode/inspect/page/3/zoom/4>.

«Сталинская забота о человеке», означающий, что жилой дом должен обеспечивать как индивидуальное, так и коллективное ведение хозяйства. Выстраивается собирательный образ вокруг качеств комфорта и уюта, признавая, что большую часть времени человек проводит дома¹⁶.

В вопросах конструирования городского пространства появлялись дискуссии об «ансамблевом» жилищном строительстве. «Ансамбль» становился важным термином в описании жилищного проектирования, включавшим в себя ранние принципы «органичный, организованный». В понимании И.В. Жолтовского «ансамбль» не просто сумма однородных или разнородных элементов, а некое органическое целое, в котором все части подчинены одной архитектурной идеи¹⁷. Согласно утверждению Л.А. Ильина, «ансамбль» может восприниматься по частям или запечатлеться в памяти как сумма целостных и связанных между собой объектов»¹⁸.

Таким образом, ансамблевый метод проектирования становится итогом творческих дискуссий. Организация пространства жилого дома из замкнутой системы становится открытой, что приводит к идее увеличения масштабов идеологического воздействия. В результате оформление городского ландшафта и архитектурного стиля становятся взаимодополняющими элементами, с помощью которых процессы советизации общества объективируются в образы жилых домов.

¹⁶ Иофан Б.М. Архитектура жилого дома // Жилище. Вопросы проектирования и строительства жилых зданий. Материалы II пленума правления союза советских архитекторов СССР 23–27 дек. 1937 год. М., 1938. С. 40–41.

¹⁷ Жолтовский И.В. Об ансамбле // Мастера советской архитектуры об архитектуре. М., 1975. С. 45.

¹⁸ Ильин Л.А. Ансамбль в архитектуре города // Мастера советской архитектуры об архитектуре. М., 1975. С. 289.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья выполнена в рамках проекта РГГУ «История советской повседневности в оптике социального конструирования» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

ACKNOWLEDGEMENTS

This article was carried out within the RSUH project “The History of Soviet Everyday Life in the Lens of Social Construction” (“Student Project Research Teams of the RSUH” contest).

ЛИТЕРАТУРА

- Барышева 2015 — *Барышева Е.В.* Личное пространство в повседневной жизни СССР: 1920–1930-е годы // Россия и современный мир. 2015. № 4. С. 200–211.
- Меерович 2004 — *Меерович М.Г.* Рождение и смерть жилищной кооперации: Жилищная политика в СССР: 1924–1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2004. 272 с.
- Меерович 2014 — *Меерович М.Г.* Расселенческая доктрина России сегодня и 100 лет назад. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 227 с.
- Хазанова 1980 — *Хазанова В.* Советская архитектура первой пятилетки. Проблемы города будущего. М.: Наука, 1980. 351 с.
- Хамитова 2013 — *Хамитова Ж.А.* Советская журнальная периодика 1930-х гг. как источник по истории формирования детского пространства социалистического города: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. 24 с.

REFERENCES

- Barysheva, E.V. (2015), “Personal space in everyday life of the USSR, 1920–1930s”, *Rossiya i sovremennyyi mir*, no. 4, pp. 200–211.
- Khamitova, Zh.A. (2013), *Sovetskaya zhurnal'naya periodika 1930-kh gg. kak istochnik po istorii formirovaniya detskogo prostranstva sotsialisticheskogo goroda* [Soviet magazine periodicals of the 1930s as a source on

the history of the formation of the children's space of the socialist city], Abstract of Ph.D. dissertation (History), Kazan, Russia.

Khazanova, V. (1980), *Sovetskaya arkhitektura pervoi pyatiletki: Problemy goroda budu-shchego* [Soviet architecture of the first five-year plan. Problems of the city of the future], Nauka, Moscow, USSR.

Meerovich, M.G. (2004), *Rozhdenie i smert' zbilishchnoi kooperatsii: Zbilishchnaya politika v SSSR: 1924–1937 gg. (sotsial'no-kul'turnyi i sotsial'no-organizatsionnyi aspekty)* [The Birth and Death of Housing Cooperation: Housing Policy in the USSR: 1924–1937 (Socio-Cultural and Socio-Organizational Aspects)], Izdatel'stvo IGU, Irkutsk, Russia.

Meerovich, M.G. (2014), *Rasselencheskaya doktrina Rossii segodnya i 100let nazad* [The settlement doctrine of Russia today and 100 years ago], Izdatel'stvo IGU, Irkutsk, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анастасия В. Волкова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ananas199@lenta.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia V. Volkova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ananas199@lenta.ru

Дискуссия о спортивных соревнованиях
в системе советской физкультуры 1920-х гг.

Николай Б. Копысов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kopysov.nb@rggu.ru*

Аннотация. В статье поднимается проблема места и роли соревнований в системе советской физкультуры. При создании концепции развития физкультуры в СССР руководители советским спортом столкнулись с немалым количеством разногласий и неоднозначных трактовок. Наибольшие расхождения касались целесообразности проведения соревнований. Автор рассматривает разницу в мнениях по этому вопросу, используя делопроизводственные документы Высшего Совета Физической Культуры (ВСФК) и Красного Спортивного Интернационала (КСИ), а также периодическую печать. Особое внимание уделено дискуссии, развернувшейся на III Конгрессе КСИ. Автор приходит к выводу о том, руководство партии и советской физкультуры выбрали компромиссный вариант развития этого направления.

Ключевые слова: история спорта, спорт в СССР, спорт высоких достижений, физическая культура, ВСФК

Для цитирования: Копысов Н.Б. Дискуссия о спортивных соревнованиях в системе советской физкультуры 1920-х гг. // Молодой историк. 2025. № 2. С. 40-51.

Debates on sports competitions
in Soviet physical education in the 1920s

Nikolay B. Kopysov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kopysov.nb@rsggu.ru*

Abstract. The article raises the problem of place and role of competitions in the Soviet physical culture system. When creating the concept of physical education development in the USSR, the leaders of Soviet sports faced a considerable number of disagreements and ambiguous interpretations. The most significant disagreement concerned the issue of the expediency of conducting competitions. The author examines these points of view using the materials of the Supreme Council of Physical Culture VSFC and the Red Sports International (RSI), along with periodicals. Special attention is paid to the discussion that unfolded at the III Congress of the RSI. The author comes to the conclusion that the leadership of the party and the Soviet physical culture chose a compromise option in this matter.

Keywords: history of sports, sports in the USSR, high-performance sports, physical culture, VSFC

For citation: Kopysov, N.B. (2025), “Debates on sports competitions in Soviet physical education in the 1920s”, *Young Historian*, no. 2, pp. 40-51.

Введение

Рассматривая вопросы становления спорта высоких достижений в СССР, исследователи традиционно обращаются к 1930-м гг., когда были заложены основные принципы его развития на многие десятилетия. Однако период с 1923 г. по 1925 г. стал одним из ключевых для определения места и роли спорта и соревнований в системе советской физкультуры. Вопрос развития советской физкультуры и спорта в 1920-е гг. интересует зарубежных и отечественных исследователей. Американский историк Р. Эдельман рассмотрел первые шаги советской власти в этой

сфере, говоря о складывании общественного интереса к формирующемуся явлению [Эдельман 2008]. Среди отечественных ученых необходимо отметить А.Н. Филиппова и А.В. Хорошеву, обращавшихся к рассматриваемому периоду в контексте становления органов управления физкультурой [Филиппов 2012], международным контактам в области спорта [Хорошева 2018] и др., и К.А. Алексеева, заострившего особое внимание на дискуссии в советской прессе о необходимости соревнований [Алексеев 2020].

Дискуссия о соревнованиях

В июне 1923 г. при ВЦИК были созданы высший и местные советы физической культуры (ВСФК и СФК), задачами которых являлись координация научной деятельности и организация всех мероприятий в области физкультуры, а также ее пропаганда и агитация по всей стране. С этого момента начинается институционализированное развитие физкультуры и спорта в СССР как гражданской отрасли. Свою позицию о том, в каком ключе должна развиваться отечественная физическая культура, государство высказывало достаточно четко. Отвечая на вопрос – «зачем советскому государству нужна физкультура?», члены ВСФК К.А. Мехоношин и Е.П. Радин выделили ее основные задачи, подкрепляя свои слова цитатами К. Маркса.

Во-первых, физкультура необходима для противостояния физическому вырождению трудящихся, а также она позволяет нивелировать недуги и увечья, вызванные физическим трудом¹. Во-вторых, занятия физкультурой способствуют укреплению дисциплины и духу коллективизма, что особенно важно для советского общества². В-третьих, хорошей физической подготовки требует грядущая война за мировую революцию³. Иными словами, основная цель заключалась в оздоровлении граждан и их физическом развитии. «Человеческий организм должен быть подготовлен к труду и обороне – другими словами – здоров и

¹ ГА РФ. Ф. Р-7576. Оп. 2. Д. 3. Л. 146.

² Там же.

³ Там же.

всесторонне развиты»⁴. Именно поэтому спорт рассматривался лишь в качестве одного из средств достижения этой задачи. Его цель – создание соревновательного элемента, нужного лишь для того, чтобы сделать занятия физкультурой интересными и привлекательными для пролетарских масс⁵ или как обучающий механизм⁶. Обратившись к постановлению о создании ВСФК, можно заметить, что слово «спорт» в нем не фигурирует вовсе, что только подтверждает его второстепенность по отношению к физкультуре⁷.

Именно поэтому вопрос о соревнованиях в 1920-е гг. стал наиболее дискуссионным в среде руководства отечественной физкультурой. Одной из первых тем, вынесенных на обсуждение пленума ВСФК, был вопрос о целесообразности создания спортивных обществ. Как отмечает К.П. Бакешин, первые советские спортивные общества были созданы еще в 1918–1919 гг. Их деятельность была ориентирована, в первую очередь на допризывную военную подготовку [Бакешин 2019]. Однако необходимость дальнейшего развития частных спортивных обществ вызвала определенные сомнения. Против них выступали А.И. Фоминых и В.Н. Руссо, считая, что подобные организации воплотят в себе все отрицательные черты буржуазного спорта – закрытость от широких масс трудящихся и ориентацию лишь на спортивную составляющую физкультурной работы⁸. Им возражали С.Ф. Баронов и Д.М. Ребрик. По мнению последнего, спортивные общества будут не препятствием для трудящихся, а, наоборот, их проводником к занятиям физкультурой. Ребрик считал, что спорт и подвижные игры «служат могучим средством развития тела и воспитания воли» и необходимы для практического

⁴ Радин Е. Физкультура, как часть советского строительства // Известия. 1924. 2 сен. С. 8.

⁵ О култработе профсоюзов: из постановления пленума ВЦСПС от 12–17 апреля 1923 г. // Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам советской физической культуры и спорта 1917–1957 гг. / сост. И.Г. Чудинов. М., 1959. С. 48.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-7576. Оп. 2. Д. 3. Л. 147.

⁷ О высшем и местных советах физической культуры трудящихся РСФСР: декрет ВЦИК от 27 июня 1923 г. // Основные постановления... С. 9.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-7576. Оп. 1. Д. 1.

трудового применения, а не как конечная цель или средство развлечения праздных людей⁹.

Консенсус о недопустимости спорта как самоцели существовал еще до создания ВСФК. В этой связи вопрос о целесообразности культивирования соревнований как таковых оставался открытым. Считалось, что стремление победить соперника, поставить рекорд – исключительно буржуазная практика, пагубно влияющая на развитие физической культуры. «Для буржуазии, для которой спорт является искусством, интересна лишь состязательная сторона, интересно лишь рекордсменство... Что же может дать такой спорт рабочей молодежи? Конечно, все что угодно, но только не здоровье и силу»¹⁰. Такие взгляды, набравшие наибольший вес в 1922–1923 гг., просуществовали вплоть до начала следующего десятилетия.

Дискуссия о соревнованиях активно развернулась на III Конгрессе КСИ, где были обсуждены основные элементы советской физкультуры и сформулированы задачи их развития. Важность игр как обучающего элемента в физкультурной работе отметил Е.П. Радин. Из этого он выводил и необходимость соревнований, при условии отказа от бездумной погони за рекордами¹¹. К.А. Мехоношин сформулировал позицию ВСФК по этому вопросу¹². Во-первых, спортивные соревнования могли создать здоровую конкурентную среду, усиливающую эффективность занятий физкультурой. Во-вторых, в соревнованиях должны были быть заложены основы социальности и коллективизма, отвечающие задачам социалистического строительства. В-третьих, соревнования, являясь не только средством досуга, но и крупным событием, позволяли привлекать к занятию физкультурой все больше людей, что было особенно важно в контексте вопроса массовости¹³.

⁹ Там же.

¹⁰ Израилев А. Рабочая молодежь и спорт буржуазии // Известия спорта. 1923. № 5. С. 4.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-7576. Оп. 2. Д. 3. Л. 94.

¹² Там же. Л. 150.

¹³ Итоги работы и очередные задачи профсоюзов: из резолюции XV конференции ВКП(б) от 26 октября – 3 ноября 1926 г. // Основные постановления... С. 14.

Реализация спортивной политики и борьба с «уклонами»

Однако с такой позицией согласиться смогли не все. Наиболее ярким противником соревнований был Г. Лемберг, оспоривший тезис о воспитании коллективизма. По его мнению, соревнования, наоборот, воспитывают вредную конкуренцию и индивидуальные наклонности, являются вредным буржуазным пережитком и временным злом, которое надо постепенно изживать¹⁴. Ему возражал А.А. Зикмунд, считавший, что конкуренция в пролетарской физкультуре тоже должна иметь значение, пусть и другое, а соревнования останутся и при коммунизме, будут находиться при строгом научном контроле и работать исключительно на пользу обществу¹⁵. При этом Зикмунд отметил, что основной формой советской физкультуры все же должен быть нормальный урок с учетом всех физиологических особенностей человека, а ее главными правилами станут гигиена труда и быта.

В этой системе соревнованиям отводилась вспомогательная роль альтернативного средства «злоупотреблению гимнастическими снарядами». Они должны были быть построены на истории рабочего класса и его основных принципах, сводящихся к формуле «коллектив – все, одиночка – ничего»¹⁶. Для тренировочного процесса в рамках подготовки к соревнованиям допускалось «так называемое мастерство», необходимое для выявления высших достижений и совершенствования техники. По мнению Зикмунда, добросовестная работа в рамках этой системы и правильное применение методики пролетарской физкультуры позволят советской молодежи показывать спортивные результаты, сравнимые с результатами буржуазных спортсменов¹⁷.

На Конгрессе были обсуждены и виды спорта, вызывающие наибольший интерес. Помимо стрелкового спорта, отвечавшего одной из ключевых задач военной подготовки трудящихся, очень важной считалась работа по культивации лыжного и водного

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-7576. Оп. 2. Д. 3. Л. 203.

¹⁵ Там же. Л. 265.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7576. Оп. 2. Д. 3. Л. 259.

¹⁷ Там же. Л. 267.

спорта. Необходимой представлялась и легкая атлетика при условии упрощения спортивного инвентаря, чтобы сделать ее доступной для всех слоев населения. Бокс и борьба виделись нужными как «способ правильной оценки своих сил и развития ловкости»¹⁸.

Отдельного внимания удостоился футбол, упоминавшийся скорее в негативном ключе. Сразу несколько делегатов выступили с характеристикой проблем в этой области. Чрезмерное увлечение футболом в своем регионе назвал «громаднейшей ненормальностью» делегат от Донбасса Бабичев: «С семи лет до глубокой старости занимаются люди одним только футболом. ... Наблюдается тот эгоизм, с которым люди увлекаются футболом»¹⁹. Другие же делегаты отмечали зашкаливающую грубость и недисциплинированность многих футболистов, что постепенно становилось одной из главных проблем советского спорта. Отдельно высказался про футбол и А.А. Зикмунд, отметив недопустимость существования футбола в его нынешнем виде, заключавшемся в «простой гонке мяча»²⁰. Соглашаясь с делегатами, он еще раз напомнил основные принципы советской физкультуры: «Надо поставить во главу угла дисциплину и соблюдение правил, а не количество битых колов»²¹. Последние два слова, по всей видимости, неверно переданные составителем протокола, можно интерпретировать как «разбитых голов» или «забитых голов».

В обоих случаях это характеризовало две основные проблемы футбола в стране – чрезмерная недисциплинированность и излишняя нацеленность на результат. Подобная популярность футбола у рабочих и непривлекательность в глазах советского руководства ставило его в двоякое положение. С одной стороны, игра позволяла вовлекать в физкультурную работу широкие массы трудящихся, с другой – несла в себе «опасные» буржуазные элементы.

Негативная репутация футбольных матчей распространялась и на другие соревнования, что оставляло вопрос

¹⁸ Там же. Л. 271.

¹⁹ Там же. Л. 267.

²⁰ Там же. Л. 264.

²¹ Там же.

их целесообразности открытым, несмотря на заявления членов ВСФК на III Конгрессе КСИ. Это приводило к различным эксцессам на местах и в низовых организациях. Реагируя на разногласия, ВСФК в январе 1925 г. выпустил резолюцию по развернувшейся дискуссии. Признавая абсолютно верной практическую линию местных СФК по вопросу соревнований, заключающуюся в их проведении в рамках реализации физкультурной политики, Президиум поручил Научно-техническому комитету как можно скорее разработать методические рекомендации с указаниями принципов применения соревновательного элемента, а «Красному спорту» – провести открытые дискуссии с разъяснениями о правильности выбранной стратегии²².

Обвиняя оппозицию в грубой демагогии и внесении элементов личной склоки, Президиум указал печатным органам на необходимость провести «самую решительную борьбу с дезорганизационной деятельностью худших элементов оппозиции»²³. Во исполнение этой резолюции «Красный спорт», именуя оппозицию ВСФК по вопросам соревнований «левым уклоном», выступал с критикой некоторых перегибов со стороны местных властей. В частности, упоминается опыт организации физкультуры в Самаре в 1925 г., где местная администрация полностью свела ее к посещениям нормального урока, исключив всякого рода соревновательную деятельность, что, несомненно, критикуется редактором издания²⁴. Вмешательство в ситуацию ЦК РКП(б) позволило существенно снизить накал данного спора. В июле 1925 г. было издано постановление, в котором роль спортивных соревнований четко сформулирована: «В вопросе относительно соревнований необходимо исходить из того положения, что применяемые в соответствии с научными требованиями соревнования должны быть одним из способов

²² ГА РФ. Ф. Р-7576. Оп. 1. Д. 13. Л. 5.

²³ Там же.

²⁴ Еще один из уклонов через край в советской физкультуре // Там же.

11 янв. С. 2.

вовлечения масс в физкультуру и выявления достижений в ней, как индивидуальных, так и, особенно, целых коллективов»²⁵.

Отметим, что ВСФК боролся с отклонениями от своей генеральной линии не только в отношении отказа от соревнований, но и их чрезмерного развития в сторону профессионализма и рекордсменства. Так, в конце 1925 г. Научно-технический комитет провел масштабную кампанию по борьбе с профессиональным боксом, цирковой борьбой и акробатикой. Называя такие явления абсолютно чуждыми советской физкультуре, ВСФК пусть и не запретил их полностью, но существенно сократил область их применения²⁶. Другой пример – обращение ВСФК к местным СФК в середине 1926 г. Одним из проблемных мест физкультуры в регионах был признан спорт, принимающий «формы, не имеющие ничего общего с основными принципами и задачами советской физкультуры».

Помимо вышеописанных проблем футбола, вмещавшего в себя «чемпионство и скрытые формы профессионализма», критике подверглись и некоторые индивидуальные виды спорта, которые «страдают культом одиночек-полупрофессионалов»²⁷. Бороться с подобными явлениями ВСФК считало нужным при помощи качественного усиления работы физкультурных организаций. Среди необходимых мер называлось усиление педагогической и разъяснительной работы в личных беседах и прессе, приближение физкультуры к иной политико-просветительской работе и улучшение качества инструкторского состава, чтобы он был способен найти здоровый выход естественному стремлению молодежи к совершенствованию и соревнованию²⁸. Заметим, что, борясь с отклонениями от своей генеральной линии, ВСФК, в первую очередь обращал внимание на организационные недостатки в работе местных советов, не стремясь применить санкции к отдельным физкультурникам или кружкам, что позволяет

²⁵ Из постановления ЦК РКП(б) от 13 июля 1925 г. Основные постановления... С. 12.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-7576. Оп. 1. Д. 13. Л. 87.

²⁷ Там же. Д. 19. Л. 52.

²⁸ Там же. Л. 53.

говорить об исчерпании дискуссии в высшем руководстве Совета уже к концу 1925 г.

Как мы можем видеть, вопрос о целесообразности спортивных соревнований стал для руководства советской физкультурой самым неоднозначным. Сочетание очевидных преимуществ для повышения качественных и количественных показателей физкультурной работы с элементами, считавшимися буржуазными, породило крайне полярные мнения среди членов ВСФК и КСИ, названных впоследствии «левым» и «правым» уклоном. В ходе длительной дискуссии руководители как ВСФК, так и РКП(б) все же выбрали компромиссный вариант, ставший в итоге основной моделью развития советского спорта на ближайшее десятилетие.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья выполнена в рамках проекта РГГУ «История советской повседневности в оптике социального конструирования» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

ACKNOWLEDGEMENTS

This article was carried out within the RSUH project “The History of Soviet Everyday Life in the Lens of Social Construction” (“Student Project Research Teams of the RSUH” contest).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев 2020 – *Алексеев К.А.* Газетная дискуссия о необходимости соревнований как эпизод борьбы за власть в советской физкультуре в середине 1920-х годов // Медиаскоп. 2020. Вып. 1: Электронный журнал. URL: <http://www.mediascope.ru/2612> (дата обращения 27.04.2025).
- Бакешин 2019 – *Бакешин К.П.* Роль Всевобуча в становлении советского физкультурно-спортивного движения в

- постреволюционную эпоху (1918–1923) // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2019. № 5. С. 33–37.
- Филиппов 2012 – *Филиппов А.Н.* Международные контакты советского спорта 1920-х – 1930-х годов: противостояние Красного и Люцернского спортинтернационалов // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. № 1. С. 338–341.
- Хорошева 2018 – *Хорошева А.В.* Высший совет физической культуры (1920–1936): от координации к жесткому контролю // Уроки Октября и практики советской системы (1920–1950-е годы). Материалы X международной научной конференции (Москва, 5–7 декабря 2017 г.). М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 848–857.
- Эдельман 2008 – Эдельман Р. Серьезная забава: История зрелищного спорта в СССР. М.: Советский спорт, 2008. 398 с.

REFERENCES

- Alekseyev, K.A. (2019), “The newspaper discussion about the necessity of the competitions as an episode of the struggle for power in Soviet physical culture in the mid-1920s”, *Mediascope*, vol. 1, available at: <http://www.mediascope.ru/2612> (Accessed 27.04.2025).
- Bakeshin, K.P. (2019), “The role of Vsevoluch in the formation of the Soviet physical culture and sports movement in the post-revolutionary era (1918–1923)”, *Uchenye zapiski Universiteta imeni P.F. Lesgafta*, no. 5, pp. 33–37.
- Edelman, R. (2008), *Ser'eznaya zabava: Istoriya zrelishchnogo sporta v SSSR* [Serious fun: a history of spectator sports in the USSR], Sovetskiy sport, Moscow, Russia.
- Filippov, A.N. (2012), “International contacts of the Soviet Sports in the 1920s and 1930s: the confrontation between the Red and Lucerne Sports Internationals”, *Vestnik KGU*, no. 1, pp. 338–341.
- Khorosheva A.V. (2018), “The Supreme Council of Physical Culture (1920–1936): from coordination to strict control”, in *Uroki Oktyabrya i praktiki sovetskoi sistemy (1920–1950-e gody). Materialy X mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 5–7 dekabrya 2017 g.)* [Lessons of October and the practice of the Soviet system

(1920-1950s). Proceedings of the X International Scientific Conference (Moscow, December 5–7, 2017)], The Political Encyclopedia, Moscow, Russia, pp. 848–857.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Б. Копысов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kopysov_n@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay B. Kopysov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kopysov_n@mail.ru

Как блокадница стала защитницей целого города:
психологический портрет женщины и её успех выживания
в военном Ленинграде

Яна С. Якунина

Красноярский государственный педагогический университет

им. В.П. Астафьева

Красноярск, Россия, yanobka050607@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию психологического портрета женщины-блокадницы, которая стала защитницей целого города в суровых условиях военного Ленинграда. Проведён анализ особенностей её внутренней стойкости, мотивации и механизмов выживания в экстремальных условиях блокады, когда каждый день был борьбой за жизнь. Особое внимание уделяется женской психологии в формировании силы духа и способности к сопротивлению, а также влиянию социального и исторического контекста на личность. В работе рассматриваются ключевые факторы, способствовавшие успешному преодолению психологического и физического напряжения, а также значимость женского опыта в общей истории обороны Ленинграда. Кроме того, в статье исследуется то, каким образом личные переживания и воспоминания героини формировали уникальный взгляд на события того времени и помогли сохранить историческую память. Подчеркивается, что изучение таких частных случаев способствует более глубокому пониманию человеческой природы в экстремальных условиях.

Ключевые слова: блокадница, психологический портрет, выживание в блокаде, стрессоустойчивость, женщина в Великой Отечественной войне

Для цитирования: Якунина Я.С. Как блокадница стала защитницей целого города: психологический портрет женщины и её успех выживания в военном Ленинграде // Молодой историк. 2025. № 2. С. 52-61.

How a blockade runner became a defender of an entire city:
a psychological portrait of a woman who managed to survive
in military Leningrad

Yana S. Yakunina

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev
Krasnoyarsk, Russia, yanobka050607@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the psychological portrait of a blockade woman who became the defender of an entire city in the harsh conditions of military Leningrad. The paper examines features of her inner resilience, motivation and mechanisms of survival in the extreme conditions of the blockade, when every day was a struggle for life. Special attention is paid to the role of women's psychology in the formation of mental strength and the ability to resist, as well as the influence of the social and historical context on personality. The author analyzes the key factors that contributed to the successful overcoming of psychological and physical stress, and the importance of women's experience in the overall history of the defense of Leningrad. In addition, the article explores how the heroine's personal experiences and memories shaped a unique view of the events of that time and helped preserve historical memory. It is emphasized that the study of such special cases contributes to a deeper understanding of human nature in extreme conditions.

Keywords: blockade woman, psychological portrait, survival in the blockade, stress resistance, a woman in the Great Patriotic War

For citation: Yakunina, Ya. S. (2025), "How a blockade runner became a defender of an entire city: a psychological portrait of a woman who managed to survive in military Leningrad", *Young Historian*, no. 2, pp. 52-61.

Ленинградская блокада – одна из самых трагичных и героических страниц Великой Отечественной войны. Город, окружённый врагом, пережил нечеловеческие испытания: голод, холод, бомбёжки и постоянную опасность. Среди миллионов жителей были женщины-блокадницы, чья сила духа и стойкость стали символом выживания и защиты целого города. В этой статье мы подробно рассмотрим психологический портрет такой женщины, её внутреннюю мотивацию и особенности, которые позволили ей не просто выжить, но и стать настоящей защитницей Ленинграда.

С 8 сентября 1941 г. по 27 января 1944 г. Ленинград находился в осаде немецко-фашистских войск. В течение 872 дней город был изолирован, все поставки продовольствия и топлива были практически прекращены. Жители сталкивались с голодом, холодом, разрушениями, потерей близких и постоянной угрозой жизни. В этих условиях особую роль играли женщины – они не только заботились о семьях, но и работали на заводах, в госпиталях, участвовали в обороне и поддержании жизнедеятельности города. Многие из них потеряли близких, но продолжали бороться и поддерживать окружающих [Соболев 2013, с. 184].

Жизнь в условиях постоянной опасности и дефицита ресурсов требовала от женщин способности контролировать свои эмоции. Паника, отчаяние могли привести к потере сил и даже смерти. Блокадницы учились сдерживать страх, горе и усталость, чтобы сохранять ясность мышления и принимать важные решения [Яров 2018, с. 203]. В воспоминаниях Валентины Гризодубовой, летчицы и участницы обороны Ленинграда, оживает картина ожесточенной борьбы, развернувшейся на два фронта: против врага и против суровой реальности блокадного города. Лишь вера и любовь, словно маяки, освещали путь, и неугасаемая надежда на лучшее помогла Ленинграду выстоять¹. Женщины, жительницы блокадного города, наряду с остальной частью населения, до последнего верили в победу и не думали сдаваться. Их вера помогла пережить и преодолеть то страшное и невыносимое время. Исследования психологов показывают, что в экстремальных

¹ См.: Гризодубова В.С. Мемуары. М.: Советский писатель, 1967. С. 41.

условиях выживают те, кто умеет переключать внимание и использовать методы саморегуляции – глубокое дыхание, внутренние диалоги, сосредоточенность на конкретных действиях [Франкл 1990, с. 213]. Главным сосредоточением была победа. Только ради неё основная часть населения, в том числе и женщины, не сломалась и шла к своей цели.

Для многих женщин блокада стала не просто испытанием, а миссией. Желание сохранить жизнь своим детям, защитить родной город и память о погибших близких давало силы идти дальше. В блокадном Ленинграде женщины боролись за выживание, добывая еду, ухаживая за больными. Но одной из самых важных задач было сохранить детство, защитить детей от ужасов войны. Как отвлечь их от голода и бомбежек? Как вернуть им радость? Женщины отдавали детям последнее, делились теплом и надеждой. Несмотря на войну, они находили силы устраивать праздники, наряжали елки в госпиталях и бомбоубежищах, чтобы дети могли хоть ненадолго забыть о кошмаре блокады [Магаева, Тервонен 2011, с. 106]. Дмитрий Тарасевич, переживший блокаду, с особым трепетом вспоминает 1942 г., как его мама отдавала последнее. Она берегла теплые вещи не для себя, а для того, чтобы выменять их на картофельную кожуру, которая в те дни ценилась на вес золота².

В памяти Галины Завинской, прошедшей блокадный Ленинград ребенком, навсегда останется эпизод из детства: в детском саду воспитатели варили кисель... из обоев! «Я не знаю, как это делалось, но помню шутки взрослых: интересно, какой сегодня кисель – в полоску или в цветочек?»³.

Психолог Виктор Франкл в своих работах подчёркивал важность наличия смысла в жизни для преодоления страданий – именно это ощущали блокадницы. Мотивы могли быть разными: материнская любовь, патриотизм, вера в будущее, чувство долга. Этот внутренний стержень помогал не сломаться в самых тяжёлых моментах [Франкл 1990, с. 197].

² Гринзайд А., Прокофьева Т. Блокадной памяти страницы: сборник воспоминаний блокадников. Иерусалим: Филобиблон, 2018. С. 210.

³ Завинская Г.А. Воспоминания о блокаде Ленинграда [Электронный ресурс]. По адресу: <https://www.prlib.ru/news/2025891?ysclid=md8nthtgo2680982432> (дата обращения 8 июня 2025).

Вопреки общепринятому мнению, Дмитрий Тарасевич в своих воспоминаниях, вошедших в книгу «Блокадной памяти страницы», называет «сильным полом» женщин, имея в виду свою мать и сестру. Именно они, по его словам, спасли ему жизнь в самую суровую блокадную зиму: «Я сломался первым, а они вытащили меня. Последнюю крошку делили со мной, находили слова поддержки, не давали упасть духом»⁴.

В условиях дефицита еды, топлива, медикаментов приходилось искать нестандартные способы выживания. Женщины учились использовать всё, что было под рукой: изготавливать лекарства из трав, готовить пищу из непривычных продуктов, создавать одежду из подручных материалов. Адаптивность проявлялась и в социальной сфере – умение находить поддержку в соседях, организовывать взаимопомощь, создавать сообщества для совместного преодоления трудностей [Горбатова 2019, с. 54]. Из воспоминаний жительницы-блокадницы Марии Ивановны: «Мы менялись с соседкой. Она умела печь лепешки из отрубей, а я умела вязать. Мы помогали друг другу, чтобы не пропасть» [Соболев 2013, с. 234].

Несмотря на страх и усталость, блокадницы сохраняли способность к сочувствию и поддержке других. Взаимопомощь была важным фактором выживания – женщины ухаживали за больными, делились последними кусочками хлеба, поддерживали морально. Коллективизм и чувство общности создавали психологическую опору, снижали уровень стресса и одиночества [Куликова 2015, с. 47].

Голод и холод истощали организм, но женщины продолжали работать на заводах, в госпиталях, в тылу. Переживание голода – одно из самых тяжёлых испытаний для человека, особенно для женщин, оказавшихся в блокадном Ленинграде. Этот исторический период отличался высокой смертностью от голода, и современные исследования показывают, что потери были значительно недооценены. Изучались две группы женщин: эвакуированные до блокады и те, кто пережил зиму 1942 г. в осаждённом городе. Результаты показали, что женщины,

⁴ Гринзайд А., Прокофьева Т. Указ. соч. С. 121.

оставшиеся в блокаде, испытывали долгосрочные изменения в отношении к еде и пищевым привычкам, которые сохранялись многие годы. Среди эвакуированных таких изменений было значительно меньше. Это подчёркивает исключительную тяжесть физической депривации для женщин, переживших блокаду. При этом психологические последствия голода не зависят от пола: и женщины, и мужчины испытывали длительное влияние травмы. Однако для многих женщин блокада стала не только физическим, но и глубоким эмоциональным испытанием, последствия которого сохранялись на протяжении всей жизни [Баурова, Нечаев 2012, с. 140].

Физическая выносливость в блокадном Ленинграде сочеталась с упорством и волей к жизни. Многие рассказывали, что именно забота о близких и долг перед городом давали им силы вставать и идти дальше. Читая книгу «Блокадной памяти страницы», невозможно остаться равнодушным к воспоминаниям Татьяны Фрей о блокаде Ленинграда. Она рассказывает, как даже в самых нечеловеческих условиях люди находили в себе силы жить и бороться⁵. Особенно поражает история ее матери, которая, вопреки своему мягкому характеру, проявила железную волю, чтобы спасти своих детей. Каждый день она покупала хлеб на два дня и делила его на небольшие кусочки, чтобы кормить семью трижды в день. При этом она никогда не давала волю слезам и страху, демонстрируя непоколебимую уверенность в победе⁶.

Дневниковые записи Татьяны Савичевой – одной из блокадниц, стали символом страданий и стойкости Ленинграда. Её личная трагедия – потеря всей семьи, отражает судьбу многих женщин, демонстрируя, что даже в таких условиях сохранялась стойкость духа. В своём дневнике она писала: «Женя умерла 28 декабря 1941 года в 12 часов дня...». Эти слова отражают невыносимую боль потери близких и одновременно невероятную силу духа, чтобы продолжать жить и помнить [Соболев 2013, с. 254].

⁵ Фрей Т.Ф. Воспоминания о блокаде Ленинграда [Электронный ресурс]. По адресу: <https://www.prlib.ru/news/2025891?ysclid=md8nthtgo2680982432> (дата обращения 8 июня 2025).

⁶ Гринзайд А., Прокофьева Т. Указ. соч. С. 74.

Другие женщины, например, медсестры и санитарки, ежедневно рисковали жизнью, спасая раненых и больных, а работницы заводов обеспечивали фронт боеприпасами. Воспоминания блокадниц часто подчеркивают, что именно взаимная поддержка и чувство общности помогали им выжить. Из воспоминаний бывшей работницы столовой: «В столовой работали одни женщины. Мы старались готовить как можно вкуснее и сытнее, чтобы хоть как-то поддержать силы ленинградцев. Мы делали это как для своих родных» [Яров 2013, с. 145].

Нельзя промолчать о том, что в блокадном Ленинграде были женщины, не готовые помочь другому человеку, слабому. Они шли на всё, чтобы спасти и уберечь только себя. Зоя Матвеева, пережившая блокаду, помнит, как в детсаду её чуть не забрала незнакомка. Мать Зои Ивановны рассказала, что тогда воровали детей. Блокада породила людоедство и убийства [Волковский 2005, с. 436]. Она стала временем страшных моральных испытаний, когда голод толкал людей на немыслимые преступления. Сообщается о случаях, когда отчаявшиеся матери, чтобы выжить, шли на убийство ради продовольственных карточек, а другие – опускались до каннибализма. Один из самых жутких примеров – женщина, пытавшаяся продать на рынке человеческое мясо под видом говядины, чтобы прокормить своих детей [Волковский 2005, с. 436].

Однако большая часть женщин в блокадном Ленинграде имела огромное желание помочь другому, выручить и поддержать его. Никто ничего не просил взамен. Помогали чужим и незнакомым людям. В годы войны в окружённом городе сразу все становились друг другу родными.

Современная психология изучает выживание в экстремальных условиях, и опыт блокадниц является ценным материалом. Их психологическая устойчивость объясняется сочетанием факторов:

- Наличие внутреннего смысла и мотивации;
- Способность к эмоциональной регуляции;
- Социальная поддержка и коллективизм;

Этот опыт актуален и сегодня – в условиях кризисов, войн и катастроф [Горбатова 2019, с. 57].

Женщина-блокадница – это не просто выжившая, а защитница города, хранительница памяти и духа Ленинграда. Её психологический портрет – пример невероятной силы, которая способна преодолевать любые испытания. Её история вдохновляет помнить о цене мира и ценности человеческой жизни, учит стойкости и взаимопомощи в самых трудных ситуациях. Блокадницы остаются символом мужества и надежды для будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

- Баурова, Нечаев 2012 – *Баурова Н.Н., Нечаев А.П.* Оценка отдаленных психопатологических последствий у детей блокады Санкт-Петербурга (Ленинграда) в 1941–1944 гг. // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2012. Т. IV. 140 с.
- Волковский 2005 – *Волковский Н.А.* Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М.: АСТ, 2005. 436 с.
- Горбатова 2019 – *Горбатова Е.В.* Психологические аспекты выживания в экстремальных условиях // Психологический журнал. Серия: психологические науки. 2019. № 1. С. 54–57.
- Куликова 2015 – *Куликова А.В.* Психология выживания. Харьков: Гуманитарный Центр, 2015. 47 с.
- Магаева, Тервонен 2011 – *Магаева С., Тервонен А.* Блокадные дети. М.: Эко-Пресс, 2011. 106 с.
- Соболев 2013 – *Соболев Г.А.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2013. С. 184-254.
- Франкл 1990 – *Франкл В.* Человек в поисках смысла: Сборник. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
- Яров 2013 – *Яров С.В.* Блокадная этика: представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М.: Центрполиграф, 2013. 145 с.
- Яров 2018 – *Яров С.В.* Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М.: Молодая гвардия, 2018. 203 с.

REFERENCES

- Baurova, N.N. and Nechaev, A.P. (2012), *Otsenka otdalennykh psikhopatologicheskikh posledstviy u detei blokady Sankt-Peterburga (Leningrada) v 1941–1944 gg.* [Assessment of long-term psychopathological consequences in children of the siege of St. Petersburg (Leningrad) in 1941–1944], *Mediko-biologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychaynykh situatsiyakh*. Vol. 4, Saint Petersburg, Russia.
- Frankl, V. (2006), *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's Search for Meaning], AST, Moscow, Russia.
- Gorbatova, E.V. (2019), “Psychological aspects of survival in extreme conditions”, *Psikhologicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 54–57.
- Kulikova, A.V. (2015), *Psikhologiya vyzhivaniya* [The psychology of survival], Gumanitarnyi Tsentr, Kharkov, Ukraine.
- Magaeva, S. and Tervonen, L. (2011), *Blokadnye deti* [Siege children], Ehko-Press, Moscow, Russia.
- Sobolev, G.L. (2013), *Leningrad v bor'be za vyzhivanie v blokade. Kniga pervaya: iyun' 1941 – mai 1942* [Leningrad in the struggle for survival in the siege. Book one: June 1941 – May 1942], Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, Saint Petersburg, Russia, pp. 184–254.
- Volkovskii, N.L. (ed.) (2005), *Blokada Leningrada v dokumentakh declassified arkhivov* [The Siege of Leningrad in documents from declassified archives], AST, Moscow; Saint Petersburg, Russia.
- Yarov, S.V. (2013), *Blokadnaya etika: predstavleniya o morali v Leningrade v 1941–1942 gg.* [Siege ethics: ideas about morality in Leningrad in 1941–1942], Tsentrpoligraf, Moscow, Russia.
- Yarov, S.V. (2018), *Povsednevnyaya zhizn' blokadnogo Leningrada* [Everyday life in besieged Leningrad], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яна С. Якунина, студентка бакалавриата, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия; 660049, Россия, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89; yanohka050607@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yana S. Yakunina, bachelor student, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russia; 89, Ada Lebedeva St, Krasnoyarsk, Russia, 660049; yanohka050607@gmail.com

Социальное положение советских художниц
в 1930-х – начале 1950-х гг.

Наталья М. Емельянова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, emeljanova.natalya31@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию взглядов советских художниц официального и неофициального искусства на культурную, социальную и политическую ситуацию в СССР в 1930-х – начале 1950-х гг. Изучение данной социальной группы позволяет сформировать более полное представление о советском социуме в указанный период. Автор приходит к выводу о том, что художницы соцреализма перенимали основные положения официального культурного и политического дискурса, не будучи при этом безупречным воплощением образа советского гражданина, предлагаемого «сверху». Художницы неофициального искусства испытывали ряд ограничений, однако они оставались верны своим творческим принципам и стремились адаптироваться к советским реалиям, что, впрочем, удавалось не всегда. Некоторые из них продолжали верить в социалистические идеи, но придерживались мнения о примитивности современного агитационного искусства. Художниц обоих направлений объединяли взгляды на тендерные отношения: они придерживались традиционного распределения гендерных ролей, что соответствовало патриархальным установкам 1930-х гг. Однако на их представления о правах и обязанностях оказали влияние идеи о раскрепощении женщины, распространенные в 1920-е гг. Художницы как официального, так и неофициального направления в искусстве признавали определяющее значение творчества в их жизни.

Ключевые слова: советское искусство, официальное искусство, неофициальное искусство, соцреализм, художницы, советское общество

Для цитирования: Емельянова Н.М. Социальное положение советских художниц в 1930-х – начале 1950-х гг. // Молодой историк. 2025. № 2. С. 62-85.

Social status of Soviet female artists in the 1930s – early 1950s

Natalya M. Emelyanova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, emelyanova.natalya31@yandex.ru*

Abstract. The article examines official and unofficial female artists' views on cultural, social and political situation in USSR in 1930s – the beginning of 1950s. The study of this social group forms a more complete picture of Soviet society of the period in question. The author comes to the conclusion that socialist realist women artists adopted the main provisions of the official cultural and political discourse, though they were not an impeccable embodiment of the image of the Soviet citizen proposed «from above». Unofficial women artists experienced a number of restrictions, but they remained loyal to their creative principles and strove to adapt to Soviet realities, which was not always possible. Some of them kept believing in socialist ideas, but were of the opinion that modern propaganda art was primitive. The artists of both movements had similar views on gender relations: they adhered to the traditional distribution of gender roles according to the patriarchal principals of the 1930s. However, their opinions on rights and responsibilities were influenced by the ideas of women emancipation, widespread in the 1920s. Artists of both official and unofficial art movements acknowledged the key role of creativity in their lives.

Keywords: Soviet art, official art, unofficial art, socialist realism, female artists, Soviet society

For citation: Emelyanova, N.M. (2025), "Social status of Soviet female artists in the 1930s – early 1950s", *Young Historian*, no. 2, pp. 62-85.

В настоящее время в исторической науке активно развивается такое направление как гендерная история. В фокусе исследования зачастую оказывается социальное положение женщины в различных сферах деятельности, в том числе в сфере культуры и искусства. Настоящая работа посвящена изучению взглядов советских художниц официального и неофициального искусства на культурную, социальную и политическую ситуацию в СССР в 1930-х – начала 1950-х гг. Выбор данной социальной группы обуславливается важностью деятелей искусства для советского общества, так как именно они во многом создавали «социалистическую витрину» [Скиперских 2018, с. 194], необходимую государству. Кроме того, искусству социалистического реализма отводилась важная роль. По мнению исследователей, он был призван воссоединить «расколовшееся в ходе классовой революционной борьбы целостное русское культурное пространство» [Гончарова, Орлов 2023, с. 380]. Акцент на гендерной проблематике обуславливается трансформацией представлений о социальных ролях женщины в сталинскую эпоху. Обращение же к источникам личного происхождения позволяет рассмотреть «рождение советской женщины как модернистского субъекта, способного назвать и описать себя собственными словами» [Плунтян 2022, с. 246]. Таким образом, выбранный для исследования ракурс позволит сформировать более полное представление о советском социуме в указанный период.

Целесообразным представляется начать рассмотрение проблемы с анализа взглядов художниц официального искусства на культурную, социальную и политическую ситуацию в СССР.

Существует распространенное мнение о том, что искусство социалистического реализма являлось направлением, навязанным исключительно «сверху». Тем не менее в источниках личного происхождения можно проследить, что художницы, работавшие в рамках данного течения, проявляли личную заинтересованность и восхищение по отношению к своему ремеслу.

Наиболее ярко данную тенденцию можно определить по воспоминаниям С.И. Дымшиц-Толстой – художницы, получившей широкую известность в качестве авангардистки первой четверти XX в., однако впоследствии писавшей соцреалистические произведения. Она восторженно рассказывает о работе над портретами женщин, отличившихся в годы первых пятилеток (ударницы, председателя сельсовета и др.). Художница дает им положительные характеристики: «энергичная, умная, улыбчивая»¹, «дельная женщина – энтузиастка»². Особенное уважение прослеживается в том, как Софья Исаковна описывает процесс создания портрета. Ее героини, все время занятые работой, позировали в обеденный перерыв, засыпая от усталости, и художница занимала их веселыми рассказами, чтобы запечатлеть их такими, какими видела на работе – «смеющимися и глубоко верящими в цели нашего строительства»³. Художница в целом определяет свою приверженность искусству социалистического реализма следующим образом: «Путь для приобщения к новой эпохе, эпохе коммунизма был избран мною правильно»⁴. Таким образом, заметно искреннее восхищение художницы по отношению к моделям и их труду.

По мнению исследователей, у художников соцреализма был повод гордиться своим творчеством, так как это направление считалось «активным, прогрессивным искусством, направленным на построение нового мира в интересах угнетенных классов» [Воскресенская 2018, с. 176], противостоявшим пассивному искусству, не ставившему таких грандиозных задач.

Художницы не ощущали каких-либо ограничений в творчестве и не отмечали давления со стороны. Так, А.П. Остроумова-Лебедева была убеждена, что «художник может дерзать на все, в любом материале, в любой технике, но с условием быть искренним, правдивым в своем восприятии натуры»⁵.

¹ РГАЛИ. Ф. 2873. Оп. 1. Ед. хр. 448. Л. 66.

² Там же. Л. 68.

³ Там же. Л. 67.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2873. Оп. 1. Ед. хр. 448. Л. 71.

⁵ Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. М., 2003. Т. 3. С. 210.

Следовательно, ее взгляд на искусство не был кем-либо навязан, но был проявлением неподдельного интереса к окружающему миру.

Схожим образом вдохновлялась и фронтовая художница С.С. Уранова. Софья Сергеевна с искренним восхищением смотрела на советское вооружение: «Меня поразила какая-то новая красота наших могучих боевых гаубиц...»⁶. Фронтовые реалии открывали для нее совершенные композиции, которые она не смогла бы искусственно создать, находясь в мастерской, и она чрезвычайно ценила данную ей возможность: «Самое сильное воображение окажется несостоятельным рядом с этой природой, красотой и богатством жизни»⁷. О значимости искусства для художницы свидетельствует и ее непреодолимая тяга к творчеству даже в тяжелейших условиях войны, где она рисковала жизнью и здоровьем.

Пожалуй, рассматривая период 1930-х – 1940-х гг., необходимо более подробно остановиться на восприятии художницами Великой Отечественной войны.

Художницы соцреализма, описывая события 1941–1945 гг. в дневниках и воспоминаниях, во многом вторили официальной риторике. Их отношение к войне совпадало с предложенным «сверху» дискурсом, который становился их собственным мнением. Так, например, О.К. Матюшина с гордостью повествует о том, как успешно, несмотря на трудности, развивался СССР в предвоенное время: «Родина! Наша Социалистическая родина! 25 лет упорной созидательной работы. Голод, холод, а кругом раскрытые пасти капиталистических шакалов»⁸. Отношение же художницы к начавшимся событиям ярко отражает военизированное мышление, характерное для советских граждан в рассматриваемый период: «Я – мирный человек, но готова зубами перегрызть глотку Гитлера»⁹. И еще более показателен ее последующий комментарий: «И так

⁶ Уранова С.С. Четыре года в шинели: фронтовой дневник художницы 1942–1945. М., 1967. С. 37.

⁷ Там же. С. 81.

⁸ Ольга Матюшина. Дневник.

URL: <https://corpus.prozhito.org/person/2459> (дата обращения: 16.06.2025).

⁹ Там же.

мыслят, чувствуют все»¹⁰. Таким образом, художницы соцреализма в полной мере разделяли официальную риторику и считали ее общепринятой.

Еще одним примером веры в социалистические идеи и глубокой убежденности в скором торжестве коммунизма не только в Стране Советов, но и во всем мире, является позиция А.П. Остроумовой-Лебедевой. Застоя европейских народов она противопоставляла настоящее и будущее СССР: «У нас вихри, обновляющие жизнь человечества. У нас надежды на прекрасное будущее, не только для русских, но и для всех людей на земле!»¹¹.

Внимание также привлекает и милитаризация дискурса творческих деятелей соцреализма, что заметно на примере воспоминаний В.А. Раевской-Рутковской и А.М. Земцовой. Так, В.А. Раевская-Рутковская описывает занятие должности председателя Ленинградского Союза советских художников (далее – ЛССХ) В.А. Серовым как его становление «командиром отряда ленинградских художников»¹². Таким образом, художественной деятельности придается оттенок деятельности военной.

Еще более ярко данная тенденция проявляется у А.М. Земцовой. Ей близка точка зрения В.А. Серова, речь которого она пересказывает: «Оружием искусства нужно разить врага насмерть! Это помощь художников городу, фронту, стране»¹³. Художница ценит агитационное значение произведений, которые «разжигали чувство священной ненависти к врагу»¹⁴. Она отмечает, что устройство передвижных выставок сравнимо с наступлением войск, в чем она видела первостепенную задачу искусства: «Вместе с “катюшами” наше искусство гнало врага с советской земли!»¹⁵.

Целью же художников ставилось запечатлеть «мужественный облик родного города, героически

¹⁰ Там же.

¹¹ Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. С. 216.

¹² Раевская-Рутковская В. В осажденном городе. Художники города-фронта. Воспоминания и дневники ленинградских художников. Л., 1973. С. 47.

¹³ Земцова А. Выставки. Художники города-фронта. Воспоминания и дневники ленинградских художников. Л., 1973. С. 80.

¹⁴ Там же. С. 85.

¹⁵ Там же. С. 84.

сопротивляющегося фашизму»¹⁶. На первый план, таким образом, выходили не столько боль и ужас войны (как это будет у некоторых художниц неофициального искусства), но мужество и героизм, активно звучавшие в официальной пропаганде.

Героический образ народа, защищавшего Ленинград, представляет в дневнике и А.П. Остроумова-Лебедева. Художница характеризует народ «мужественным, стойким, жизнеспособным»¹⁷, чьи «бесстрашие, отвага, способность к сопротивлению – поразительные»¹⁸. Схожим образом в жителях Ленинграда видела в первую очередь героизм и С.К. Вишневецкая: «...в немыслимо трудных условиях, под непрерывным обстрелом изнуренные голодом и холодом люди отдают все свои силы обороне города»¹⁹. Софья Касьяновна остро чувствовала свое предназначение военной художницы и, например, когда во время атаки ее отвели в убежище, она не захотела «отсиживаться» в безопасности: «Для чего же я приехала? Видеть и рисовать войну или сидеть в этом бетонном ящике?»²⁰. Так, героизация войны и глубокое вовлечение в нее являются еще одной особенностью положения художниц социалистического реализма того времени.

В воспоминаниях В.А. Раевской-Рутковской отчасти зафиксирован и националистический дискурс, актуализированный к началу войны: «На улице слышу увертюру к “Руслану”, близкую, родную. Внезапное сознание: “Я – русская, Россия в страшной беде!” – и я не могу удержать слез»²¹.

Тем не менее В.А. Раевская-Рутковская не смотрит на войну лишь с позиции героизма, но и испытывает страх, сталкиваясь с ее проявлениями. Так, на занятиях по противовоздушной обороне, когда речь заходит о ядовитых газах, ей становится «тошно и страшно», и «невеселые мысли лезут в голову»²². А одно из ее первых дежурств в АССХ заканчивается так: «Мне становится не по

¹⁶ Земцова А. Выставки. С. 76.

¹⁷ Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. С. 263.

¹⁸ Там же. С. 272

¹⁹ Вишневецкая С.К. Из дневника. Художники города-фронта. Воспоминания и дневники ленинградских художников. Л., 1973. С. 363.

²⁰ Там же. С. 366.

²¹ Раевская-Рутковская В. В осажденном городе. С. 47.

²² Там же. С. 47.

себе, <...> удираю на лестницу, где и сижу всю ночь»²³. Так, образ войны в воспоминаниях художницы отличается от образа войны, предложенного официальной пропагандой, где акцент сделан на мужестве, бесстрашии и полной готовности к боевым действиям.

Стоит отметить, что отличительной особенностью творчества В.А. Раевской-Рутковской является обращение к детской тематике (художницы чаще проявляли интерес к подобным сюжетам, чем художники): она пишет работы «Маленькие снайперы», «Эвакуация детей», «Маленькие партизаны». Однако по заказу В.А. Раевская-Рутковская также трудилась над образами радисток, комсомольцев, партизан, что тоже представляло для нее интерес: «Это [отряд партизан в городе] необычайно красочное зрелище; бородатые лица, костюмы – неповторимы!»²⁴.

Помимо прочего, по источникам личного происхождения можно проследить такие характерные черты ментальности советского человека в целом и художниц соцреализма в частности, как дисциплинированность и исполнительность. Так, С.К. Вишневская волновалась перед первым выступлением с докладом, но все же осмелилась его прочесть, считая так: «Задание дано – надо его выполнять»²⁵. Причем художница не только сама следовала подобным принципам, но и транслировала их по отношению к другим. Например, когда с оформлением спектакля ей помогали не рабочие сцены, но хористы и танцоры, она, хотя и отнеслась к ним с пониманием, все же считала необходимым при работе с ними «сурово требовать, требовать и требовать»²⁶.

В целом, художницам соцреализма были близки ценности и представления, характерные для советского человека – например, почетность того или иного рода занятий, положительная оценка принадлежности к партийной организации. Так, М.А. Аллендорф, оценивая на балу конца 1930-х гг. одного из студентов, отмечал: «Этот человек показался мне очень симпатичным, тем более что он

²³ Там же. С. 47.

²⁴ Раевская-Рутковская В. В осажденном городе. С. 58.

²⁵ Вишневская С.К. Из дневника. С. 364.

²⁶ Там же. С. 371.

оказался инженером и работал “по постройке мостов”²⁷. Таким образом, в глазах художницы профессия инженера была престижной и вызывающей уважение. Про другого она говорит следующее: «Узнала, что Макаров поёт, хорошо учится, что он секретарь профкома, но не комсомолец»²⁸. Последнее обстоятельство художница считает довольно важным, учитывая, что она обращает на него внимание при знакомстве.

Любопытен также диалог М.А. Аллендорф со студентом, показавшимся ей неблагонадежным. Он признавался, что хотел бы уехать за границу, так как у него там живут родственники. На это художница отреагировала: «Я только открыла рот от изумления и исчезла, как тень отца Гамлета. Странный человек!..»²⁹. Учитывая, что запись относится к 1937 г., такая реакция неудивительна.

Тем не менее нельзя утверждать, что художницы социалистического реализма являлись безукоризненным образцом советского гражданина. Они могли неодобрительно отзываться о некоторых актах советской власти. Например, М.А. Аллендорф с сожалением отмечает состояние одной бывшей дворянской усадьбы, где теперь располагались частные квартиры: «Грустно видеть, в каком печальном состоянии находится он сейчас», — комментирует она запущенность дома, объединенную козами сирень и бельё на верёвках³⁰.

Кроме того, художницы также могли иметь более широкий взгляд на искусство, не клеймя авангардное прошлое, но признавая его достойной вехой в развитии живописи. С.И. Дымшиц-Толстая, например, вспоминает этот период творчества как эпоху «большой борьбы, больших исканий и дерзаний в живописи»³¹, когда вопросы искусства были «альфой и омегой» в жизни художников.

Более того, художницы соцреализма могли сталкиваться с трудностями в карьере, как это было в случае с А.П. Остроумовой-

²⁷ Марина Аллендорф. Дневник. URL:

<https://corpus.prozhito.org/notes?date=%221937-01-01%22&diaries=%5B366%5D>
(дата обращения: 16.06.2025).

²⁸ Там же.

²⁹ Марина Аллендорф. Дневник.

³⁰ Там же.

³¹ РГАЛИ. Ф. 2873. Оп. 1. Ед. хр. 448. Л. 27.

Лебедевой. В 1934 г. она согласилась преподавать в Академии художеств и справлялась с работой весьма успешно. Однако вскоре художница заметила со стороны дирекции «предвзятое, невнимательное и недоброжелательное» отношение и была вынуждена уйти³².

Нельзя не отметить и диссонанс между внешним признанием художниц и их внутренней неудовлетворенностью. Тем не менее, хоть многие из них и были востребованы, далеко не все они ощущали собственную важность и принятие со стороны. Так, Н.Я. Симонович-Ефимова, несмотря на множество обращенных к ней комплиментов, на деле чувствовала себя подавленно: «Я везде и всем чужая. <...> Я жалкое существо во всяком обществе. <...> Шелуха, носящаяся от легчайшего зефира»³³.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что художницы социалистического реализма перенимали основные положения официального культурного и политического дискурса, однако они не являлись безупречным воплощением образа советского гражданина, предлагаемого «сверху».

Далее закономерным будет перейти к анализу взглядов художниц неофициального искусства. Некоторые исследователи предлагают датировать зарождение этого направления еще первыми послевоенными годами, а не началом Оттепели [Соколов 2019, с. 91]. На наш взгляд, любопытно проследить трансформацию оценок художниц, творивших вне рамок соцреализма, в том числе в предшествующий войне период 1930-х гг.

Характерной чертой данной социальной группы было то, что художницы неофициального искусства в основном негативно отзывались о современной живописи. Их оценки могли ранжироваться от достаточно спокойных («унулая пустыня, — все приглушено, затерто»³⁴) до резко отрицательных («вульгарные, низкопробные вещи окончательно отравили им чистоту и

³² Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. С. 191.

³³ РГАЛИ. Ф. 2724. Оп. 1. Ед. хр. 430. Л. 36.

³⁴ Софронова А.Ф. Записки независимой: дневники, письма, воспоминания. М., 2001. С. 289.

самобытность восприятия»³⁵). Причем иногда художницы осуждали не только современное искусство, но и его деятелей, подчеркивая их негативные личностные качества: «Они тупы, самоуверенны, лишены критического чувства и полны гнилостного бахвальства и подхалимства»³⁶.

Любопытна точка зрения Н.А. Удальцовой и В.Ф. Степановой. «Амазонки авангарда», сотрудничавшие с советской властью с первых лет ее установления, несмотря на репрессии, все еще верили в социалистические идеи. Они были солидарны с необходимостью агитационного искусства, но их не устраивал уровень современных художников. Н.А. Удальцова осуждает примитивность исполнения подобных работ: «Агитационное искусство не должно же скатиться ниже плаката, ниже раскрашенного кинокадра, а оно часто ниже, и гораздо ниже»³⁷. В.Ф. Степанова, не видя в современном искусстве глубины, соответствующей масштабным планам построения коммунизма, хотела вместе с А.М. Родченко показать, «что такое настоящая жизнь, настоящее искусство и настоящие строители социализма, а не те, которые делают деревяшки и мажут жуткие изображения с фото»³⁸. Работа же, которую ей приходилось выполнять по заданию, казалась ей скучной и не заслуживающей затраты творческих сил: «Вот витрину первомайскую надо делать сейчас... Я этих дел прямо не выношу... И лозунги писать, ой, какая мура, неохота прямо идти...»³⁹.

Вполне ожидаемо, что возможности творческой реализации для художниц неофициального искусства были сильно ограничены. Так, несмотря на множество планов и замыслов, Н.А. Удальцова не могла их осуществить: «Столько погибших надежд, столько разбитых проектов»⁴⁰; «политика заела, всякие

³⁵ Глебова Т.Н. Рисовать как летописец (страницы блокадного дневника). Искусство Ленинграда. 1990. № 2. С. 18.

³⁶ Там же. С. 39.

³⁷ Удальцова Н.А. Жизнь русской кубистки: дневники, статьи, воспоминания. М., 1994. С. 92.

³⁸ Степанова В.Ф. Человек не может жить без чуда: письма, поэтические опыты, записки художницы. М., 2023. С. 353.

³⁹ Степанова В.Ф. Человек не может жить без чуда... С. 352.

⁴⁰ Удальцова Н.А. Жизнь русской кубистки... С. 76.

боязни»⁴¹. Причем речь идет не только об ограничении в искусстве, но и об ограничении в доходе: «Они сделали все возможное, чтобы уничтожить возможность не только творческой работы, но вообще работы»⁴².

С подобным столкнулись многие художницы. Во время блокады Ленинграда Т.Н. Глебова не раз получала отказ, подавая работы в АССХ, что грозило невозможностью обеспечить себе пропитание, хотя это было критически важным в условиях голода. Материальное положение в 1930-х – 1940-х гг. было затруднительным и у А.Ф. Софроновой. Она пыталась сотрудничать с Московской организацией Союза советских художников (далее – МОССХ) ради заработка, но не всегда предприятие оборачивалось успешно: «До сих пор в этот рай меня не пускают, да и не стала бы я в него стучаться, если бы не была так дорога картошка!»⁴³.

Период 1930-х – 1940-х гг. характеризуется определенной растерянностью для художниц, которые затруднялись составить четкое представление по поводу гонений на коллег: «В МОССХе идет такой бум, нет сил ни понять, ни разобраться...», – пишет В.Ф. Степанова⁴⁴. «По старой привычке ищут “левых”, а их нет, и в эти “левые” сейчас попадают неожиданные имена...», – считает художница⁴⁵. По ее мнению, на многочисленные выставки ходят, чтобы высказывать неприятные комментарии, поэтому Варвара Федоровна предпочитает в подобной ситуации никак не реагировать на происходящее.

Как отмечается в литературе, в 1940–1950-е гг. В.Ф. Степанова и А.М. Родченко были востребованы, «но не как создатели нового художественного направления, а как профессионалы в области полиграфического оформления» [Ахметова 2017, с. 191]. Художница вместе с мужем ощущала себя выключенной из современного творческого процесса, не допущенной к нему: «И ты, и я фактически оторваны от этой так

⁴¹ Там же. С. 77.

⁴² Там же. С. 78.

⁴³ Софронова А.Ф. Записки независимой... С. 285.

⁴⁴ Степанова В.Ф. Человек не может жить без чуда... С. 353.

⁴⁵ Там же. С. 353.

называемой художественной жизни МОССХа, мы не получаем отсюда никакой поддержки, не участвуем во всей этой странной борьбе, и все “блага” идут мимо нас»⁴⁶. Художнице казалось это несправедливым, учитывая творческую активность и ее самой, и ее мужа, а также их преданность идеям социализма: «А разве от этого ты хуже работаешь, разве ты чувствуешь себя оторванным от нашей строящейся жизни»⁴⁷.

Конъюнктурные веяния ощущала и А.Ф. Софронова. Ее работы в 1930-е гг. отказывались принимать, сопровождая решение комментариями наподобие: «Вы Вхутемасовка? Это никак не пройдет»⁴⁸. Выслушивая заниженную стоимость ее работ, художница писала: «Будто выкупалась в грязи!»⁴⁹.

Элементы травли упоминаются и у Т.А. Мавриной. Она фиксирует следующие эпизоды: в издательстве Academia, где работала художница, «отношение ко мне какое-то враждебное. Очень противно»⁵⁰, «К. [К. — Н.В. Кузьмин, художник, муж Т.А. Мавриной] ругали в газетах и на диспутах»⁵¹, «Унижение перед членами бюро, которые должны утвердить мое членство [в МОССХе]»⁵². Однако к большому удивлению художница в целом ощущала себя достаточно спокойно. Ее материальное положение было относительно стабильным, и, как будет подробнее показано ниже, она чувствовала определенную творческую свободу.

Важной чертой поведения художниц неофициального искусства была приверженность своим творческим методам и нежелание отказываться от своего взгляда на искусство. Верность собственному творческому пути была для них приоритетом: «Что же, спасать шкуру или все-таки идти по намеченному? Идти по намеченному! Радость-то моя в искусстве», — решает

⁴⁶ Степанова В.Ф. Человек не может жить без чуда... С. 354.

⁴⁷ Там же. С. 354.

⁴⁸ Софронова А.Ф. Записки независимой... С. 226.

⁴⁹ Там же. С. 233.

⁵⁰ Маврина Т.А. Цвет ликующий: Дневники. Этюды об искусстве. М., 2006. С. 33.

⁵¹ Там же. С. 28.

⁵² Там же. С. 66.

Н.А. Удальцова⁵³. Свою попытку обратиться к предметной живописи и натурализму художница считала ошибкой.

Некоторые художницы оставались верны принципам новаторского искусства. Так, Н.А. Удальцова продолжает мыслить в категориях авангарда, рассуждая, например, о ритмах цвета или цветовых плоскостях. Кроме того, она продолжает черпать вдохновение в тех же источниках, к которым обращались авангардисты начала века – в композиционных построениях старых мастеров и в иконописи («Веронезе и икона – мои водители»⁵⁴). Подобным образом, А.Ф. Софронова придерживалась мнения о том, что «образ – миг», и для достижения искренности в искусстве следует «стать ребенком или примитивом»⁵⁵.

При этом необходимо отметить, что художницы стремились встроиться в современную жизнь. Они не жили исключительно прошлым, но старались найти себя в настоящем, продолжая художественные поиски. Так, Н.А. Удальцова признавала результативными свои недавние наработки («прорыв сделан»⁵⁶, «так много было найдено за <19>47 год»⁵⁷) и не считала себя лишним человеком в современной обстановке.

Иногда художницам приходилось идти на компромисс, сотрудничая с художниками соцреализма, но обращаясь к нейтральным темам. Например, для выставки «Социалистическая Москва» А.Ф. Софронова дала несколько акварелей из серии «Зоопарк». Примечательно, что, если цену за работы сильно снижали, художница брала их обратно.

Особенно примечательной представляется творческая траектория Т.А. Мавриной. Н.В. Плунгян отмечает, что художница намеренно искала возможность увидеть женщину 1930-х гг. «вне советских амплуа и парадных общественных декораций» [Плунгян 2022, с. 251]. Несмотря на, казалось бы, строгие ограничения в живописи, Т.А. Маврина много писала в жанре ню, продолжала восхищаться авангардом и с одобрением оценивала работы

⁵³ Удальцова Н.А. Жизнь русской кубистики... С. 82.

⁵⁴ Удальцова Н.А. Жизнь русской кубистики... С. 74.

⁵⁵ Софронова А.Ф. Записки независимой... С. 227.

⁵⁶ Удальцова Н.А. Жизнь русской кубистики... С. 84.

⁵⁷ Там же. С. 84.

Н.В. Кузьмина в этом направлении. Художница обсуждала с мужем Сезанна, восторгалась Пикассо, вешала пейзажи Боннара. Кажется поразительным, как чета художников создавала произведения в неодолимых властью жанрах, но не боялась перспективы каких-либо преследований.

Однако приспособиться к советской действительности художницам удавалось не всегда. Примерами дезадаптации к реалиям советского общества – еще одной поведенческой стратегией художниц – являются случаи О.Н. Гильдебрандт-Арбениной и Л.В. Шапориной.

О.Н. Гильдебрандт-Арбенина в 1940-е гг. жила воспоминаниями о дореволюционной эпохе – единственном времени, когда она чувствовала себя счастливой. Она ностальгировала по старому быту, по временам молодости и признавалась: «...не умею я устроиваться!! Господи, я совершенно “беспольная тварь” – “голубая кровь”...»⁵⁸. Свое положение в советской действительности она кратко описывает так: «Голодно. Дорого. Помощи ждать – неоткуда»⁵⁹.

К личным переживаниям прибавлялось и разочарование в стране, где она не чувствовала себя спокойно и безопасно: «Счастливы умершие – в этой стране нет места для жизни»⁶⁰. После войны (впрочем, вероятно, и до нее – когда был арестован ее муж, Юрий Юркун) художница остро ощущала несправедливость проводимых репрессий и недоумевала: «Почему судят немцев в Нюрнберге – разве Освенцим и Майданек хуже, чем то, что делалось в Советской России – над русскими невинными людьми?»⁶¹. Все это формировало мировосприятие художницы, более не видевшей смысла в дальнейшем существовании. В смерти она видела способ «уйти от позора страшной неволи»⁶².

Л.В. Шапорина также не была удовлетворена жизнью в Советском Союзе в 1930-е гг. Она считала, что «...Россией правит

⁵⁸ Гильдебрандт-Арбенина О.Н. «Девочка, катящая серсо...»: Мемуарные записи, дневники. М., 2007. С. 238.

⁵⁹ Там же. С. 211.

⁶⁰ Там же. С. 210.

⁶¹ Там же. С. 209.

⁶² Там же. С. 210.

чудовищный бред сумасшедшего»⁶³ и жизнь здесь «унизительная до последней степени»⁶⁴. Художница отмечала нравственный упадок при советской власти и с презрением характеризовала не только власть, но и народ. Она задается риторическим вопросом: «...Можно ли жить среди тупых, мрачных, озлобленных людей, злополучной, голодной, обманутой черни, мнящей себя властительницей»⁶⁵. И в целом Л.В. Шапорина дает себе ответ: «Людам со свободным духом здесь не место, и надо направить все усилия, чтобы в будущем экспатрироваться»⁶⁶.

Тем не менее, несмотря на существенные различия, представляется возможным выделить определенные точки соприкосновения среди художниц официального и неофициального искусства. Во-первых, для художниц обоих направлений искусство было важнейшей частью жизни, что свидетельствует о желании быть искренними в своем творчестве в обоих случаях. Так, для А.П. Остроумовой-Лебедевой искусство – это «страсть, которая всю жизнь владела мной»⁶⁷, как и для Т.Н. Глебовой нет ничего «серьезней, содержательней и глубже»⁶⁸, чем занятие живописью.

Во-вторых, многим из художниц обоих направлений была свойственна религиозность. Об этом иногда могут свидетельствовать лишь краткие фрагменты в тексте. Например, упоминание М.А. Аллендорф о встрече с другом в церкви или выразительное сравнение у В.А. Раевской-Рутковской («подобно тощим фараоновым коровам, мы не толстеем»⁶⁹). Знакомство с библейскими сюжетами не говорит напрямую о религиозности художницы, но так или иначе привлекает внимание, так как для представителей соцреализма подобное, казалось бы, должно быть несвойственно.

⁶³ Шапорина Л.В. Дневник. М., 2011. Т. 1. С. 86.

⁶⁴ Там же. С. 95.

⁶⁵ Там же. С. 93.

⁶⁶ Там же. С. 95.

⁶⁷ Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. С. 30.

⁶⁸ Глебова Т.Н. Рисовать как летописец... № 1. С. 30.

⁶⁹ Раевская-Рутковская В. В осажденном городе. С. 47.

Однако вопросы веры могли действительно занимать значительное место в жизни художниц. Особенно примечателен в данном отношении фрагмент из записной книжки Н.Я. Симонович-Ефимовой, где признанная художница описывает, как во время болезненной процедуры зондирования она вспоминала наизусть места из Евангелия, псалмы и акафисты, считая, что именно в такие минуты «представление о Боге очищается»⁷⁰.

Художницы неофициального искусства находили в религии облегчение, духовное озарение и покой. Так Т.Н. Глебова в блокадном дневнике делится опытом чтения Библии перед сном: «Засыпала с просветленным сердцем и чувствовала, как вера по капле просачивается в сердце»⁷¹. А для А.Ф. Софроновой Писание – «живая вода, горячий ключ»⁷². Художница жалеет, что начала читать Библию только в зрелом возрасте, но считает, что раньше бы не поняла ее настоящую суть.

Т.А. Маврина также интересовалась религиозными сюжетами. Она читала Библию, следила за церковными праздниками, положительно отзывалась об иконах, «недостижимых по цвету и мастерству»⁷³ в одних случаях, но декоративных и неодоухотворенных в других. Больше всего ее впечатляла церковная архитектура, которую она часто изображала на холсте. Она говорила о памятниках так: «Влюбилась в них, как в человека»⁷⁴; «творения русского архитектурного гения я не перепахну»⁷⁵.

Религиозность О.Н. Гильдебрандт-Арбениной и Л.В. Шапориной – художниц, которые так и не смогли адаптироваться к советским реалиям – так или иначе связана с политической обстановкой. В первом случае тема веры поднимается, когда художница рассказывает, как заходила в церковь, чтобы поставить свечку за репрессированного мужа, но не

⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 2724. Оп. 1. Ед. хр. 430. Л. 38.

⁷¹ Глебова Т.Н. Рисовать как летописец... № 2. С. 24.

⁷² Софронова А.Ф. Записки независимой... С. 250

⁷³ Маврина Т.А. Цвет ликующий... С. 59.

⁷⁴ Маврина Т.А. Цвет ликующий... С. 74.

⁷⁵ Там же. С. 74.

имея о нем новостей, решила поставить и за здравие, и за упокой. Кроме того, она упоминает празднование церковных торжеств, которые было затруднительно отмечать в современных условиях («Едва набрали денег на Пасху»⁷⁶). Во втором случае религиозность Л.В. Шапориной демонстрирует, что, несмотря на ее крайне негативное восприятие советского государства, она испытывает теплые чувства по отношению к самой стране, что прослеживается в таких записях, как «Больно. Святая Русь»⁷⁷ или «Когда я заходила в церковь, я не могла не молиться за Россию»⁷⁸. Религиозность, таким образом, была одним из признаков оппозиционности.

В-третьих, художниц как официального, так и неофициального искусства объединяли схожие взгляды на гендерные отношения: в партнерстве они придерживались традиционного распределения гендерных ролей и соответствующих им обязанностей, несмотря на то, что это представляло препятствие для их творчества. Наиболее ярко данная тенденция прослеживается на примере ведения быта. Художницы нередко состояли в браке с художниками, поэтому вопрос о занятии домашним хозяйством был вопросом и о том, кто будет уделять творчеству меньше времени.

Как известно, во время руководства Сталина наблюдается актуализация патриархальных принципов в тендерных отношениях. Однако на художниц оказала влияние и политика раскрепощения, проводившаяся в 1920-е гг. В связи с этим они предполагали, что ведение домашнего хозяйства уже не является их непреложной обязанностью и рассчитывали на помощь со стороны супругов. «...Строя жизнь вместе, надо и эту сторону строить совместно», – считала Н.Н. Агапьева⁷⁹. Художница понимала связанные с таким распределением обязанностей трудности: «Творчеству это, конечно, мешает. Но ведь и моему тоже»⁸⁰. Однако в итоге бытом занималась исключительно Н.Н. Агапьева, что ощущалось для нее нелегко: «Я раздражалась,

⁷⁶ Гильдебрандт-Арбенина О.Н. «Девочка, катящая серсо...»... С. 211.

⁷⁷ Шапорина Л.В. Дневник. С. 93.

⁷⁸ Там же. С. 90.

⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 2958. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 1.

⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 2958. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 1.

огорчалась и барахталась в этом, не находя ни в ком помощи и не имея сил своих»⁸¹. Иногда художницы могли обращаться за помощью в ведении быта к супругам, но это могло обернуться ссорой. Т.А. Маврина вспоминала: «Я начала ворчать и ругать К., что мне слишком много приходится заниматься хозяйством. <...> Он обиделся, и долго мне пришлось умолять его любить меня снова»⁸².

Чаще же всего как сами художницы, так и их окружение считали традиционное распределение обязанностей естественным. А.П. Остроумова-Лебедева вспоминает, как сотрудники и ученики ее мужа, выдающегося химика С.В. Лебедева, считали, что ее «гражданский долг беречь и охранять его»⁸³. Она этот долг выполняла: «Конечно, все бытовые дела и заботы я взяла на себя, как делала и раньше»⁸⁴. Вполне ожидаемо, что такой порядок препятствовал ее творческой деятельности, что не могло не огорчать художницу: «Частенько я подходила и с тоской смотрела на свой рабочий стол, не имея возможности сесть за работу»⁸⁵. Тем не менее А.П. Остроумова-Лебедева не жаловалась на подобный порядок и относилась к нему с пониманием.

Художницы в целом перенимали патриархальную модель поведения, что отражалось не только на обустройстве быта, но и на их ценностных ориентирах. Одной из стратегий поведения для художниц было самопожертвование ради партнера. Так, Н.Н. Агапьева описывает, как вскоре после начала ее болезни заболел и ее муж, И.И. Захаров. Художница сразу забыла о себе: «Вопрос обо мне, естественно, отпал, надо было делать все, чтобы лечить его»⁸⁶. Н.Н. Агапьева перешла к строгой экономии, что считала вполне естественным, и ожидала такой же помощи от мужа после улучшения его самочувствия, однако он, в свою очередь, ничего не предпринял⁸⁷.

⁸¹ Там же. Л. 1.

⁸² Маврина Т.А. Цвет ликующий... С. 51.

⁸³ Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. С. 183.

⁸⁴ Там же. С. 183.

⁸⁵ Там же. С. 183.

⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 2958. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 1 (об.).

⁸⁷ Там же. Л. 1 (об.) – Л. 2.

Такое отношение не было редкостью (как, впрочем, и правилом). Л.В. Шапорина, например, жаловалась на безответственность мужа, композитора Юрия Шапорина: по ее словам, он не заботился о детях, не беспокоился об их здоровье и материальном благополучии. Художница хотела в ближайшее время найти источник самостоятельного дохода, чтобы не зависеть от мужа, «освободиться от него, расстаться как можно скорее»⁸⁸.

Возвращаясь к Н.Н. Агапьевой, отметим, что, по ее словам, она была готова даже отказаться от некоторых личностных качеств ради мужа: «Ведь Ваня не знает, что я очень гордая, очень свободолюбивая <...> – ибо в той жизни, которую Ваня мне дал – ни свободолюбию, ни гордости места не было»⁸⁹. И.И. Захаров являлся для нее непоколебимым приоритетом, стоявшим даже выше, чем творчество: «Искусством я поступалась. А вот Ваней никогда»⁹⁰.

Подобным образом В.Ф. Степанова ценила творчество А.М. Родченко больше своего и, например, в обстановке войны считала первостепенным создать ему условия для работы, а не писать самой: «Теперь основная задача, чтоб дать тебе возможность заняться живописью...»⁹¹.

Любопытно, но иногда в риторике художниц сохраняются определенные стереотипы. Так, например, Н.Я. Симонович-Ефимова замечает: «...как женщина я по преимуществу в живописи не умственна»⁹². Впрочем, подобная позиция была скорее исключением, и по большей части художницы признавали важность своего собственного творчества.

Патриархальные ценности нашли яркое отражение в дневнике М.А. Аллендорф. Примечательно, что в период ведения дневника она еще не была признанной художницей, но лишь училась в техникуме. Подобного рода источники личного происхождения (когда автор является не выдающейся фигурой, но скорее типичным представителем) считаются наиболее

⁸⁸ Шапорина Л.В. Дневник. С. 78.

⁸⁹ РГАЛИ. Ф. 2958. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 3 (об.).

⁹⁰ Там же. Л. 3.

⁹¹ Степанова В.Ф. Человек не может жить без чуда... С. 362.

⁹² Симонович-Ефимова Н.Я. Записки художника. М., 1982. С. 74.

подходящими для изучения истории повседневности: зачастую они иллюстрируют достаточно распространенное поведение и общепринятые социальные нормы. Традиционные взгляды в случае М.А. Аллендорф проявляются в следующем: ей нравится вести себя загадочно и кокетливо, она нередко беспокоится о внешнем виде, желая выглядеть аккуратно и подчеркнуто феминно. Художница считает, что знаки внимания, оказываемые мужчиной женщине, это «должная дань её красоте и молодости»⁹³.

Кроме того, представления М.А. Аллендорф о нравственности и пристойности достаточно высоки, что заметно при ее описании студенческих балов-маскарадов в конце 1930-х гг.: «Разумеется, тех студентов, которые позволяли себе больше, чем следует, пожатие рук и т. д., я бросала и больше с ними не танцевала»⁹⁴. Когда один из студентов попросил поцеловать ее, она отплатулась и «не столько обиделась, сколько удивилась»⁹⁵. Также любопытно, что в ответ на предложение закурить, она «разумеется, <...> отказалась»⁹⁶, причем ремарка «разумеется» свидетельствует об очевидности такого поведения для художницы.

Однако политика гендерного равноправия, проводимая советской властью, безусловно, сказалась на представлениях художницы о себе и взаимоотношениях с партнером. Благодаря такой предложенной «сверху» социальной норме она чувствует определенную свободу выбора, уверенность в себе и ожидает от других уважения к этим принципам («Мы с ним условились, <...> что он не будет обижаться, если я буду уходить от него и говорить, и танцевать с кем хочу»⁹⁷).

Но в исследуемый период на представления художниц все же больше влияла ориентация власти на традиционность. Так, например, в дискурсе Т.А. Мавриной, наоборот, прослеживается подчиненная позиция по отношению к мужу, которую она не хотела бы менять: «Привыкая во всех делах с ним советоваться и его считать за главного, в нерешительности, не знаю, что

⁹³ Марина Аллендорф. Дневник.

⁹⁴ Марина Аллендорф. Дневник.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же.

предпринять»⁹⁸, «...проглатываю оскорбление за оскорблением...»⁹⁹. Так, определенная патриархальность казалось для художницы естественным и привычным порядком.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать целый ряд выводов. Художницы соцреализма перенимали основные положения официального культурного и политического дискурса, однако не являлись безупречным воплощением образа советского гражданина, предлагаемого «сверху». Художницы неофициального искусства испытывали ряд ограничений, однако они оставались верны своим творческим принципам и стремились адаптироваться к советским реалиям, что, впрочем, удавалось не всегда. Художниц обоих направлений объединяли взгляды на гендерные отношения: они придерживались традиционного распределения гендерных ролей, что соответствовало патриархальным установкам 1930-х гг., однако на их представления о правах и обязанностях оказали влияние идеи о раскрепощении женщины, распространенные в 1920-е гг. Художницы как официального, так и неофициального направления в искусстве в своем большинстве признавали определяющее значение творчества в их жизни.

ЛИТЕРАТУРА

-
- Ахметова 2017 – *Ахметова Д.И.* Жизнь и судьба «амазонки» русского авангарда (В.Ф. Степанова) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2017. № 3–4. С. 182–193.
- Воскресенская 2018 – *Воскресенская В.В.* Искусство как средство миростроения: социалистический реализм (1930-е годы) // Художественная культура. 2018. № 1. С. 166–199.
- Гончарова, Орлов 2023 – *Гончарова В.А., Орлов П.П.* Генезис соцреализма: историческая закономерность или историческая случайность в художественно-культурном пространстве СССР? // Манускрипт. 2023. Т. 16. № 6. С. 376–381.

⁹⁸ Маврина Т.А. Цвет ликующий... С. 67.

⁹⁹ Там же. С. 54.

- Плунгян 2022 – Плунгян Н.В. Рождение советской женщины. Работница, крестьянка, летчица, «бывшая» и другие в искусстве 1917–1939 годов. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2022. 284 с.
- Скиперских 2018 – Скиперских А.В. Официальное и неофициальное искусство в «молчащей» культуре: взгляд нонконформистов // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 1. С. 189–197.
- Соколов 2019 – Соколов Г.А. Ранний период неофициального искусства: ленинградский контекст // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. 2019. № S1. С. 90–94.

REFERENCES

- Ahmetova, D.I. (2017), “The Life and Fate of the ‘Amazon’ of the Russian Avant-garde (V.F. Stepanova)”, *Ekho vekov*, no. 3–4, pp. 182–193.
- Goncharova, V.A. and Orlov, I.I. (2023), “The genesis of socialist realism: a historical pattern or historical accident in the artistic and cultural space of the USSR?”, *Manuskript*, vol. 16., no. 6, pp. 376–381.
- Plungyan, N.V. (2022), *Rozhdenie sovetskoy zhenshchiny. Rabotnica, krest'yanka, letchica, “byvshaya” i drugie v iskusstve 1917–1939 godov* [The Birth of the Soviet Woman. Worker, Peasant, Pilot, “Former” and Others in Art from 1917–1939], Muzej sovremennogo iskusstva “Garazh”, Moscow, Russia.
- Skiperskih, A.V. (2018), “Official and unofficial art in a “silent” culture: a nonconformist view”, *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*, no. 1, pp. 189–197.
- Sokolov, G.A. (2019), “The early period of unofficial art: the Leningrad context”, *Novoe iskusstvoznanie. Istoriya, teoriya i filosofiya iskusstva*, no. S1, pp. 90–94.
- Voskresenskaya, V.V. (2018), “Art as a means of world-building: socialist realism (1930s)”, *Hudozhestvennaya kul'tura*, no. 1, pp. 166–199.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наталья М. Емельянова, студентка бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; emelyanova.natalya31@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya M. Emelyanova, bachelor student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; emelyanova.natalya31@yandex.ru

УДК 94 (47+57)

Краеведческая периодика СССР в 1950–1980-е гг.: тенденции развития и влияние на прессу современной России

Виктория О. Торбик

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, vikatorbik@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена развитию краеведческой периодики и, в первую очередь, газет и журналов различных регионов СССР в период 1950–1980-х гг. Рассматриваются основные тенденции, тематика и роль местных изданий в формировании историко-культурного пространства и наследия страны. Особое внимание уделяется рассмотрению взаимодействия центральных и региональных нарративов. Автор анализирует влияние идеологических, партийных установок на краеведческий дискурс в период Оттепели, позднего социализма и Перестройки. На основе изучения периодики выделяются специфика освещения локальной истории, природы, культуры, достижений городов и регионов, а также инструменты популяризации краеведения среди широкой аудитории. Выявлена связь развития краеведческой периодики периода Перестройки с периодикой современной России.

Ключевые слова: краеведение, периодика, СССР, локальная история, советская пресса, региональный журнал, культурное наследие

Для цитирования: Торбик В.О. Краеведческая периодика СССР в 1950–1980-е гг.: тенденции развития и влияние на прессу современной России // Молодой историк. 2025. № 2. С. 86-103.

Local history periodicals of the USSR in the 1950–1980s:
development tendentious and influence on the press of modern Russia

Viktoria O. Torbik

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, vikatorbik@gmail.com

Abstract. The paper is dedicated to local history periodicals, and first of all, newspapers and journals from various regions of the USSR during the 1950–1980s. It examines the main tendencies, themes, and role of regional publications in shaping the historical and cultural space and heritage of the country. Special attention is paid to the analysis of the interaction between central and regional narratives, as well as to the influence of ideological and party directives on local history discourse during the Khrushchev Thaw, late socialism, and Perestroika periods. Based on the study of periodicals, the specifics of highlighting local history and culture, urban and regional achievements of cities as well as the tools used to popularize local history is also considered. The author reveals the links between local history periodicals during Perestroika and those of modern Russia.

Keywords: local history, periodicals, USSR, Soviet press, regional magazine, cultural heritage

For citation: Torbik V.O. “Local history periodicals of the USSR in the 1950–1980s: development tendentious and influence on the press of modern Russia”, *Young Historian*, no. 2, pp. 86–103.

Краеведческая периодика объединяет два важных аспекта: сохранение культурного и исторического наследия как всей страны, так и отдельно взятых городов и регионов, а также популяризацию краеведческого знания среди населения. В ней представлена ценная информация об истории и повседневности регионов, результаты работы местных краеведов, списки новой литературы о крае.

В настоящее время исследователи все чаще затрагивают тему региональной истории и культуры. Отдельное внимание уделяется средствам массовой информации в формировании исторической памяти и идентичности. Краеведческая периодика

СССР 1950–1980-х гг. представляет собой ценный источник для изучения взаимодействия центра и регионов, идеологического влияния государства на локальные сообщества и специфики освещения местной истории в условиях советской цензуры.

В послевоенное время в Советском Союзе «происходили существенные изменения в журнальном контенте». [Трофимов 2020, с. 713]. Это было обусловлено начавшимся периодом Оттепели. Журналы 1950-х гг. в первую очередь ставили перед собой цель сформировать у читателя «правильную» картину повседневной жизни (стандарты труда, отдыха и т. д.). Они также позволяют выявлять общественные представления и настроения, типичные проблемы и конфликты через рассказы, повести, переписки с читателями [Трофимов 2020, с. 714].

В данный период поднимается вторая волна региональных журналов (первая волна: период после Гражданской войны). С.Б. Ходов объясняет это созданием Союза писателей РСФСР в 1957 г. и оттепелью в сферах науки и культуры при Н.С. Хрущеве. Автор выделяет несколько особенностей в отношении к региональным журналам, которые сложились к началу 1960-х гг.

Прежде всего он говорит о том, что москвичи изначально проявляли к ним интерес, так как это явление было в новинку, но быстро сложился определённый стереотип восприятия: «...центральная критика, как правило, относилась к региональным коллегам несколько с высоко или даже с презрением» [Ходов 1998, с. 92]. Несмотря на то, что цензура в провинции была более серьезной, возникал феномен, совершенно противоречащий этому: в региональном журнале могли печатать то, что никак не могло попасть в столичную периодику («Когда в “Новом мире” появился <...> роман “Хранитель древностей” (вышедший в 1964 г.), ни один столичный журнал и ни одна газета не взялась печатать рецензию на него, и лишь “Сибирские огни” по своей отдаленности решились на это») [Ходов 1998, с. 93]. Но объясняется это тем, что до регионов нормы ценза доходили с запозданием, поэтому редакторы глубинки ориентировались на столичных. Например, роман «Хранитель древностей» Домбровского попал в печать, так как на тот момент в отрицательном контексте в столичной печати он не упоминался, а в 1958 г. «Сибирские огни»

приняли самое активное участие в травле Бориса Леонидовича Пастернака [Ходов 1998, с. 95].

Во второй половине XX в. советская печать играла ключевую роль в идеологическом воспитании населения, пропаганде достижений социализма и формировании коллективной идентичности. В этой системе краеведческая периодика занимала особое место, сочетая общегосударственные идеологические задачи с локальной спецификой. В период Оттепели, несмотря на жёсткий контроль со стороны партийных органов, краеведческие издания стали важным источником знаний о регионах, способствуя сохранению исторической памяти и культурного наследия.

Краеведческая дисциплина в период Оттепели стала приобретать новые витки развития благодаря решениям XX съезда КПСС. На этом съезде была поставлена задача комплексного развития экономики в регионах с максимальным использованием их природных и трудовых ресурсов. По окончании съезда советские историки приступили к теоретическому обоснованию его решений. Для достижения этой цели требовалось систематически и всесторонне изучать историю, хозяйственную деятельность и культуру населения в каждом регионе. Периодика же играла роль народного просвещения в этой теме. «Печать – главное наше идейное оружие. Она призвана разбить врагов рабочего класса, врагов трудящихся. Как армия не может воевать без оружия, так и партия не может успешно вести свою идеологическую работу без такого острого и боевого оружия, как печать»¹.

В издаваемых ранее периодических изданиях начинает появляться все больше рубрик краеведческой направленности: в одну из старейших московских газет советского периода «Московская правда» (издается с 18 июля 1918 г.) включена рубрика «По московским адресам», в журнале «Огонек» появляются иллюстрированные очерки «Уголки старой Москвы».

В Ленинграде с апреля 1955 г. начал издаваться журнал «Нева». В основном в издании печатались и продолжают печататься

¹ Хрущев Н.С. За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа // Вопросы литературы. 1957. № 6. С. 23.

литературные произведения, однако встречаются и заметки, содержание которых составляют очерки об истории Ленинграда, Санкт-Петербурга сегодня, что также является неотъемлемой частью журнала. Публикации в журнале включали в себя историко-культурные очерки о памятниках архитектуры. Не последнее место было отведено литературному краеведению: статьи, посвященные великим писателям (например, А.С. Пушкину, Ф.М. Достоевскому) и их связи с различными местами Санкт-Петербурга (Ленинграда). Не могли не затронуть краеведческую часть журнала «Нева» заметки о блокадном Ленинграде, включая новые мемуарные свидетельства, что было одной из попыток расширения краеведческого дискурса в 1950-е гг. Важно отметить, что журнал иногда включал в своих выпуски информацию, которую получил из обратной связи от своих читателей, что присваивало определенную «народность», связь издания с людьми.

Как уже было упомянуто выше, одной из целей, поставленных перед краеведческим движением в период Оттепели, была идеологическая пропаганда достижений социализма. В провинциальных журналах Сибири и Урала делался акцент на индустриальных достижениях регионов. В Екатеринбурге с 1958 г. по настоящее время издается журнал «Уральский следопыт», который не просто включает краеведческие рубрики, а полностью направлен на тематику туризма и локальной истории. Так, в 1950-е гг. он был основной площадкой для освещения «индустриальных» тем: в нем публиковались очерки о достижениях шахтеров и геологов, очерки об истории городов. Рубрика «Легендарные места», посвященная заметкам от локальных достопримечательностей до городов, в выпуске журнала от 2 мая 1958 г. включала заметку о Екатеринбурге: «По сравнению со старым Екатеринбургом территория Свердловска расширилась сейчас примерно в 6,3 раза, более чем в 6 раз выросло его население. Новые дома, улицы, целые районы... Сейчас Свердловск по количеству жителей занял 10-е место по СССР»², а также небольшой очерк о Невьянской башне, расположенной в центре Невьянска, города в Свердловской области,

² Екатеринбург – Свердловск // Уральский следопыт. 1958. № 2. С. 39-40.

рассказывающий о ее строительстве: «Сотни рабочих людей копали глубокий котлован под фундамент дозорной башни. Глинотопы в деревянных клетках уминали глину босыми ногами...»³. В литературном журнале «Сибирские огни», издающемся с 1922 г. в Новосибирске, можно было встретить заметки о «стройках века», например, о строительстве Транссибирской магистрали и ее модернизации.

Освоение целинных земель стало одним из ключевых символов хрущевской эпохи, а краеведческие периодические издания сыграли важную роль в формировании общественного восприятия этой масштабной кампании. Уже в декабре 1953 г. в «Правде» поднимается вопрос о важности освоения данных земель, а в январе 1954 г. эта тема занимает едва ли не центральное место: «В совхозах Казахстана, Заволжья, Урала, Сибири имеются крупные массивы плодородных целинных земель, которые надо освоить под посевы пшеницы»⁴). В одном из следующих номеров «Правды» также подчеркивалось важное значение освоения целинных земель и отмечалось, что этот процесс приобретает «первостепенное значение»⁵. Пропаганда освоения целинных и залежных земель затронула и другие газеты и журналы, например: «Советская Сибирь», «Алтайская правда», «Кузбасс», «Бийский рабочий», «Барнаульский котельщик». Важно отметить, что издания, которые не публиковали информацию и заметки об освоении целины, получали критическую оценку. Так, в «Омской правде» критическая оценка была дана районным газетам «Коммуна», «Коммунист», «Колхозная правда» за то, что они «мало помещают материалов на эту животрепещущую тему» [Кузнецов, 2009, с. 139].

Несмотря на смягчение цензуры в период Оттепели, партия продолжала принимать постановления, которые ограничивали деятельность журналов и газет. Например, Постановление ЦК КПСС от 15 ноября 1958 г. «Об излишествах в расходовании средств государственными и общественными организациями на

³ Федоров В. Тайны Невьянской башни // Уральский следопыт. 1958. № 2. С. 41.

⁴ Всемерно улучшать работу совхозов // Правда. 1954. 7 янв.

⁵ Руководить сельским хозяйством со знанием дела // Правда. 1954. 15 янв.

выпуску газет и журналов», Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР от 6 января 1959 г. «О неправильной практике издания новых газет», Постановление ЦК КПСС от 11 февраля 1959 г. «О сокращении выпуска бесплатной литературы», Постановление ЦК КПСС от 1 октября 1959 г. «О мерах по улучшению розничной продажи газет и журналов населению».

Постановления строго исполнялись на практике: были доведены до региональных периодических изданий, вопросы редакции, издания и продажи жестко регулировались и обсуждались на различных уровнях. Это, безусловно, сильно сокращало тиражи выпусков, а, следовательно, негативно сказывалось на всей деятельности различных изданий. Так, например, к 1962 г. происходит сильное сокращение тиражей районных газет, и, как отмечает Р.В. Даутова в своей статье «Районные газеты автономных республик Поволжья в период Оттепели», это стало «причиной отчуждения коренного населения республик от политики партии и государства, а также затормозил развитие местной, особенно национальной, журналистики» [Даутова 2010, с. 80]. Также она приходит к выводу, что несмотря на всю возможную демократизацию Оттепели, одной из важнейших черт этого периода является продолжение политики централизации и сохранение партийного контроля в области культуры в целом и над периодикой в частности [Даутова 2010, с. 82].

Краеведческая периодика периода «позднего социализма» представляла собой сложное явление, где формально соблюдались партийные установки и фактически сохранялись элементы научного подхода, однако это не позволяло освещать все темы, интересные читателю. В эпоху Застоя началась борьба с крамольностью региональной периодики. Закрывать журналы никто не стал, однако им была дана рекомендация сосредоточиться на проблемах конкретных регионов, оставив общероссийские – столичным. «Открыто же такое сужение горизонта объяснялось необходимостью воспитания любви к “малой родине”» [Демин, Беневаленская 2018, с. 114–115].

Основными задачами, поставленными перед обществом в брежневский период были: привлечение широких слоев населения

к активному и непосредственному участию в охране исторических и культурных памятников, активное содействие государственным органам в пропаганде, сохранении, реставрации памятных мест, а также знаний среди населения о своем культурном наследии и, как следствие, воспитание патриотизма на этой основе, любви к Родине и ее истории [Пихоя 1998, с. 253]. Так, в 1960-е гг. в столице и в регионах краеведческим обществам необходимо было решить комплекс организационных, научно-исследовательских и просветительских задач, одними из которых являлись: сбор и изучение архивных, археологических и этнографических материалов в центре и на периферии, создание исторических архивов в краеведческих музеях, издание научной и краеведческой периодики, популяризация исторических знаний в народной массе [Карпухин 1998, с. 113].

Одной из основных линий исторического краеведения в 60-70-е гг. XX в. была идеологическая направленность. Все публикации, как и в период Оттепели, проходили строгую цензуру, которая усилилась к концу 1960-х гг. Основное внимание уделялось освещению роли КПСС, трудовых подвигов, героического прошлого (в основном периода Великой Отечественной войны) и социалистического строительства в регионах. Партия проводила одну из важнейших линий культурной политики через призму краеведения. Важно было сконструировать и поддерживать в умах людей концепцию «советского образа жизни», при этом маскируя проблемы сохранения регионального наследия. Так, в журналах и газетах могли печататься статьи, посвященные достопримечательностям и другим культурным ценностям городов и регионов, однако там могло не упоминаться о сносе важных с исторической точки зрения, но неудобных идеологии зданий (например, церквей, дореволюционных построек).

Говоря о краеведческой прессе, нельзя не затронуть тему туризма, так как обычно в ней представлена информация о памятниках материальной и духовной культуры, природными богатствами и достопримечательностях регионов и страны в целом. Кроме того, она служит средством патриотического воспитания населения, в частности молодежи. Так, в 1972 г. была проведена Всесоюзная туристско-краеведческая экспедиция, в которой

приняло участие от 14 до 16 миллионов учащихся [Любичанковский 2020, с. 65]. Бурное развитие туризма вызвало необходимость проанализировать и изложить опыт лет в документах, так как самодеятельность и самостоятельно составленные маршруты нередко были травмоопасны. Это стало одной из причин повышенного внимания исследователей к этой теме. Государство также старалось регламентировать нормы проведения экспедиций, туристических походов и т. д. (инструкция Министерства просвещения СССР 1974 г.).

Конструирование новых традиций — одна из задач, поставленных перед советской прессой в период позднего социализма. В газете «Красноярский рабочий», которая периодами выходила с 10 января 1920 г. до 5 раз в неделю, в 1981 г. была выпущена статья «Богатство Сибири — дар народу»⁶, что является примером приобщения людей к праздникам урожая.

С января 1966 г. в Москве стал выпускаться журнал «Турист», выходявший в довоенное время под названием «На суше и на море». «В нем освещались вопросы массового туризма и экскурсионного дела: давались описания маршрутов, самодельного походного снаряжения, консультации по видам путешествий, публиковались материалы по охране природы, по проблемам обслуживания на плановых маршрутах, экономике туризма» [Ростовская 2018, с. 28]. Журнал «Туризм» отличался от журнала «Вокруг света»: в нем было меньше исторических справок, обращений к культуре различных народов, то есть, журнал «Туризм» в первую очередь представлял из себя пособие для туристов и путеводитель по СССР. Опыт и практика советского туризма нашли отражение в таких периодических изданиях как «Бюллетень туристической информации», «Информационный бюллетень Комитета молодежных организаций СССР» [Ростовская 2018, с. 36].

В 1960-е гг. в журнале «Уральский следопыт» появляется регулярная рубрика «Краеведческая копилка», которая стала уникальной площадкой для сбора, систематизации и популяризации локальной истории Урала. Рубрика представляла

⁶ Богатство Сибири — дар народу // Красноярский рабочий. 1981. № 322. С. 9.

из себя сборник коротких заметок, архивных находок, читательских писем и малоизвестных фактов о природе, истории и культуре Урала.

В выпуске от 11 ноября 1970 г. была представлена заметка о Н.М. Брагине⁷, коренном екатеринбуржце, который был одним из старейших русских авиаторов и строителем русского и советского «воздушного флота». В заметке «Сёла-тёзки»⁸ (выпуск от 12 декабря 1970 г.) рассказывалось об организации членами колхоза им. Шевченко собственного музея, который рассказывает о быте более чем тридцати национальностей Советского Союза. Заметка в «Краеведческой копилке» в журнале от 6 июня 1974 г. была посвящена связям А.С. Пушкина с Уралом⁹, а в выпуске от 4 апреля 1978 г. была заметка про Л.Н. Толстого¹⁰. Важно отметить стиль «Краеведческой копилки». Это были короткие заметки на 1-2 страницы, что делало рубрику доступной для широкой аудитории, но при этом сохранялась историческая достоверность: публиковались ссылки на архивные документы и научные работы.

Краеведческая периодическая печать являлась и каналом передачи информации о трудовых успехах советских граждан. Так, например, в журнале «Красноярский рабочий» от 19 декабря 1976 г. была напечатана заметка «Красноярск-Барнаул»¹¹, посвященная трудовым подвигам тружеников Барнаульского и Красноярского химических заводов, их соперничеству друг с другом за наибольшую производительность.

Тиражи издаваемой краеведческой периодики в целом стремительно росли. Важно отметить, что происходило это и в связи с тем, что «...немногие краеведы имели возможность подготовить и издать обобщённый материал в виде книг и брошюр. Краеведческие публикации чаще появлялись только в

⁷ Волосатов А. Первый в уральском небе // Уральский следопыт. 1970. № 11. С. 43–45.

⁸ Брылин А. Сёла-тёзки // Уральский следопыт. 1970. № 12. С. 20.

⁹ Козлов А. Уточнение известного письма // Уральский следопыт. 1974. № 6. С. 57.

¹⁰ Колеватов Н. «Мысли ваши очень хороши...» // Уральский следопыт. 1978. № 4. С. 49.

¹¹ Борисов М. Красноярск-Барнаул // Красноярский рабочий. 1979. № 299. С. 2.

периодической районной печати» [Назарцева 2022, с. 17]. Помимо этого, в 1970-е гг. оживляется деятельность краеведческих музеев в издательстве: практически каждый областной музей имел собственный журнал, результатами работы которых активно пользовались различные государственные учреждения, организации [Евдокимова 2014, с. 55].

Со второй половины 1980-х гг. история страны в целом и проблемы советского общества в частности начинают вызывать у населения еще больший интерес, играя важную роль в актуальной повестке. Политика «гласности» периода Перестройки послужила импульсом к трансформации исторического дискурса, принятого в советской печати, в частности, в периодической. На примере Калининградской области можно отметить, что до этого в печати был провозглашен курс на «изгнание прусского духа», т.е. история данного региона до вхождения в состав СССР либо замалчивалась, либо имела негативный окрас – теперь же, благодаря идеологическим послаблениям Перестройки, стала прослеживаться тенденция к преодолению этого подхода [Саенко 2024, с. 89]. То же касается досоветской истории целого ряда других регионов и республик Советского Союза.

Политика «гласности» в период Перестройки кардинально изменила содержание и роль краеведческой периодики, превратив ее из инструмента сугубо партийной пропаганды в площадку переосмысления истории страны в целом. Этот процесс проходил в несколько этапов и имел важные последствия. Как отмечает А.Л. Посадсков, «невиданный, бурный расцвет краеведческих изданий наступил в России только с освобождением от пут цензуры, идеологического диктата и государственных запретов. В годы перестройки <...> краеведение стало полноправным компонентом общественной мысли» [Посадсков 2009, с. 19].

В самом начале периода Перестройки происходит процесс почти полного снятия идеологических запретов, что расширяет доступ исследователей к архивам. В журнале «Уральский следопыт» в выпуске от 12 декабря 1989 г. одной из первых была заметка «Что на чаше весов?»¹². Примечательна она тем, что автор рассказывает о

¹² Носков В. Что на чаше весов? // Уральский следопыт. 1989. № 12. С. 2–5.

проведении общественной дискуссии, посвященной судьбам археологических и исторических памятников Урала. Автор отмечает, что в зале на 500 человек была занята максимум половина мест. Этот момент показывает «неидеальность» советского общества, которое не интересуется в должной мере сохранением культурного наследия. Более того, эта заметка была пропущена в главный краеведческий журнал региона.

С 1988 г. начался процесс национализации краеведения. В республиканских журналах начинает делаться упор на историю республики. Помимо этого, становится возможным трактовать исторические события не через призму сугубо партийных установок: в журнале Латвийской ССР «Даугава» 1940-й год начал упоминаться как год оккупации; делается акцент на довоенной государственности. А в украинской прессе стали возможны публикации о Голодоморе.

В июне 1990 г. издается закон «О печати и других средствах массовой информации», который стал переломным моментом для советской периодики в целом и краеведческой в частности. Почти полная отмена цензуры и новые экономические условия радикально изменили содержание и тематику местных историко-культурных изданий. Также с 1990 г. начинается процесс политизации их содержания. Публикуются разоблачения экологических преступлений (например, в журнале «Сибирские огни» появляется целая рубрика, посвященная экологии¹³).

Политика «гласности» способствовала и организационным изменениям: появляются независимые издания, например, альманах «Тобольск и вся Сибирь», который издавался без партийного контроля, а газета «Московский краевед» находилась на частном финансировании. Это приводит к кризису государственной прессы.

Важно отметить туристическую прессу. Несмотря на ее изобилие в 1980-е гг., журналов и газет на тему туризма издавалось крайне мало, хотя спрос на нее был высок. Объяснить это феномен можно отсутствием элементов рынка в экономике, что

¹³ Сибирские огни. 1990. № 6. С. 133.

обуславливало «...“дефицит” тревел-изданий при повышенном спросе на них» [Ростовская 2018, с. 39].

Таким образом, политика «гласности» превратила историческое краеведение и краеведческую периодику в важнейший инструмент исторического просвещения, позволила начать восстановление «белых пятен» в истории России, а также стала катализатором национального возрождения в республиках СССР.

Краеведческая периодика 80–90-х гг. XX в. стала важным переходным звеном между советской и современной российской печатью. Ее развитие в период Перестройки и первых постсоветских лет заложило основы для многих тенденций, характерных для региональных средств массовой информации XXI в.

Со второй половины 1980-х гг. выпуск исторической и краеведческой периодики начинает возрастать. В эти годы наблюдается своеобразный расцвет краеведческих изданий, заключавшийся в появлении множества новых сборников, которые выпускали научные сообщества и вузы. Среди них можно выделить такие издания, как: «Тюменский исторический сборник», «Вопросы истории Камчатки», «Колымский гуманитарный альманах», «Иркутский историко-экономический ежегодник» и т. д.

Параллельно растет число музейных публикаций, многие из которых носят название «Краеведческие записки» (Алтайский краевой, Иркутский, Камчатский областные и другие краеведческие музеи). Особого внимания заслуживает «Краеведческий бюллетень», который с 1990 г. регулярно (4 раза в год) выпускает Южно-Сахалинский областной музей. «Наконец, краеведческие издания прямо перекликаются по тематике с “Вестниками” государственных архивов, которые сегодня издаются почти в каждой области, крае или национальной республике (“Архивы Кузбасса” с 1997 г., “Новосибирский архивный вестник” с 1991 г., “Читинский архивный вестник” с 2000 г., “Сибирский архив” в Иркутске с 2000 г., “Красноярские архивы”, “Якутский архив” и т. д.)» [Посадсков 2009, с. 24].

Краеведческая пресса 80–90-х гг. XX в. не просто адаптировалась к новым условиям, но и сформировала модель

развития, которая остается актуальной. Современные региональные средства массовой информации, сознательно или нет, продолжают традиции, заложенные в конце периода Перестройки – в 1990-е гг., сочетая просветительскую миссию, поиск исторической идентичности и инновационные подходы к подаче материала. Это наследие особенно важно в эпоху цифровизации, когда локальная периодика и журналистика ищут новые подходы к сохранению исторической и культурной памяти.

В конце хочется отметить интернет-ресурс «Краеведческая периодика России»¹⁴, в котором собраны периодические издания более чем 70-ти регионов, выходившие с 1991 г. по сегодняшний день. В работе Л.И. Новиковой и Е.И. Трубиной представлена подробная информация о составлении данного интернет-ресурса, о трудностях, с которыми сталкиваются создатели, а также информация о видах журналов, собранных на этом сайте. В базе данных представлены печатные и электронные краеведческие издания (журналы и альманахи, которые хотя бы часть времени своего существования ежегодно имели собственную нумерацию выпусков). Однако не учитываются краеведческие газеты, общественно-политические и литературно-художественные журналы, посвященные краеведению в целом, а не отдельным регионам, территориям, населенным местностям; календари знаменательных и памятных дат; материалы краеведческих чтений и конференций; литературно-краеведческие издания, где количество краеведческого материала составляет незначительную часть его объема [Новикова, Трубина 2011].

В период Перестройки деятельность краеведов сильно меняется. Краеведение превратилось в площадку для переосмысления национальной и локальной идентичности, чему способствует политика «гласности»: как минимум, сильно расширяется источниковая база, так как теперь открыт доступ ко многим архивам и засекреченным ранее материалам. Характеризуя теоретические основания краеведческой периодики, отметим, что развитие исторического краеведения как научной дисциплины в

¹⁴ Краеведческая периодика России. Электронный ресурс. Санкт-Петербург, 2018. URL: https://nlr.ru/kraeved_periodika/RA1788/O-proekte (дата обращения: 31.07.2025).

Советском Союзе с 1950-х по 1980-е гг. дало мощнейший импульс, который находит отклик вплоть до настоящего времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Даутова 2010 – *Даутова Р.В.* Районные газеты автономных республик Поволжья в период “оттепели” // История. 2010. № 39. С. 74–82.
- Демин, Беневаденская 2018 – *Демин М.А., Беневаденская Е.Н.* Библиотечное краеведение в социокультурном пространстве Алтая в эпоху “оттепели” // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств), 2018. № 2. С. 114–118.
- Евдокимова 2014 – *Евдокимова Н.В.* Особенности просветительской деятельности краеведческих музеев Ленинградской области в 60–80-е гг. XX в. // Царскосельские чтения. 2014. С. 49-54.
- Карпухин 1998 – *Карпухин О.И.* Культурная политика государства в условиях реформирования общества: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 355 с.
- Кузнецов 2009 – *Кузнецов В.В.* Периодическая печать о начальном периоде освоения целинных и залежных земель Западной Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-4. С. 138–140.
- Любичанковский 2020 – *Любичанковский С.В.* Эволюция места исторического краеведения в советской школе // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2020. Т. 2. № 1. С. 64–70.
- Назарцева 2022 – *Назарцева Т.М.* Краеведение и краеведы Омской области // Антология омского краеведения. Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 2022. Т. 4. 655 с.
- Новикова 2011 – *Новикова А.И.* Краеведческие периодические издания Российской Федерации на рубеже веков: пути и особенности развития // Библиосфера. 2011. № 2. С. 59–66.
- Пихоя 1998 – *Пихоя Р.Г.* Советский Союз. История власти. 1945-1991. М.: Директ-Медиа 1998. 655 с.

- Посадсков 2009 – *Посадсков А.А.* Историко-краеведческая периодика Сибири и Дальнего Востока в 90-е гг. XX – начале XXI в.: издательские и творческие аспекты // Библиосфера. 2009. № 4. С. 19–24.
- Ростовская 2018 – *Ростовская Ю.В.* Туристическая пресса в СССР: характер становления и развития // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7. № 1. С. 24–41.
- Саенко 2024 – *Саенко А.В.* Трансформация отношения к истории СССР в региональной прессе периода перестройки // Историческая информатика. 2024. № 2. С. 82–108.
- Трофимов 2020 – *Трофимов А.В.* Советская журнальная периодика 1950-х годов как источник по истории городской повседневности // Документальное наследие и историческая наука. Екатеринбург: УФУ им. Б.Н. Ельцина, 2020. С. 712–716.
- Ходов 1998 – *Ходов С.Б.* Специфика советского регионального журнала // Вестник Челябинского государственного университета. 1998. Т. 2. № 1. С. 91–98.

REFERENCES

- Dautova, R.V. (2010), “District newspapers of the autonomic republics of the Volga region during the Traw period”, *History*, no. 39, pp. 74–82.
- Demin, M.A., Benevalenskaia E.N. (2018), “Library local history studies in the socio-cultural space of Altai during the Traw period”, *Scientific notes (Altai State Academy of Culture and Arts)*, no. 2, pp. 114–118.
- Evdokimova, N.V. (2014), “The specifics of educational work in local historical museum of the Leningrad region during the 1960-1980s”, *Tsarskoye Selo readings*, pp. 49–54.
- Karpukhin, O.I. (1998), *Kul'turnaya politika gosudarstva v usloviyakh reformirovaniya obshchestva* [Culture policy of the state during societal transformation], Ph.D. Thesis (History), Moscow, Russia.
- Khodov, S.B. (1998), “The Specificity of the Soviet Regional Journal”, *Bulletin of Chelyabinsk State University*, vol. 2, no. 1, pp. 91–98.

- Kuznetsov, V.V. (2009), "The coverage of early virgin lands campaign in Western Siberia by periodical press", *Izvestiya of Altai State University*, no. 4-4, pp. 138–140.
- Liubichankovskiy, S.V. (2020), "The evolution of the role of historical local studies in Soviet schools", *Izvestiya of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences*, vol. 2, no. 1, pp. 64–70.
- Nazartseva, T.M. (2022), "Local history and local historians of Omsk region", in Vibe P.P. (ed.), *Antologiya omskogo kraevedeniya* [Anthology of Omsk regional studies], State Cultural Institution of the Omsk Region "Omsk State Museum of History and Local Lore", Vol. 4, Omsk, Russia, 655 p.
- Novikova, L.I. (2011), "Local history periodicals of the Russian Federation at the turn of the century", *Bibliosphere*, no. 2, pp. 59-66.
- Pikhoya R.G. (1998) *The Soviet Union. A history of power. 1945–1991*, Direct-Media, Moscow, Russia.
- Posadskov, A.L. (2009), "Historical and Local Studies Periodicals of Siberia and the Far East in the 1990s – Early 21st Century: Publishing and Creative Aspects", *Bibliosphere*, no. 4, pp. 19–24.
- Rostovskaya, Y.V. (2018), "Tourism Press in the USSR: Patterns of Formation and Development", *Issues of Journalism Theory and Practice*, vol. 7, no. 1, pp. 24–41.
- Saenko, A.V. (2024), "Transformation of Attitudes Toward USSR History in Regional Press During Perestroika", *Historical Informatics*, no. 2, pp. 82–108.
- Trofimov, A.V. (2020), "Soviet Magazine Periodicals of the 1950s as a Source for Urban Everyday Life History", *Documentary Heritage and Historical Science*, Boris Yeltsin Ural Federal University Press, Ekaterinburg, Russia, pp. 712–716.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктория О. Торбик, студентка бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; vikatorbik@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktoria O. Torbik, bachelor student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; vikatorbik@gmail.com

УДК 94 (47).027

«Луче сдѣ умру. Не иду».
Аутоагрессивное поведение в Древней Руси
на примере смерти Глеба Ростиславича в 1178 г.

Сергей Д. Гай

*Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия, sergey_guy0403@mail.ru*

Аннотация. Вопрос соотношения жизни и смерти является ключевым в мировоззренческой картине любого общества. Социум Древней Руси не стал исключением. До нас дошел существенный пласт источников, раскрывающих особенность регламентации жизни в Древней Руси. Однако реконструкция данных представлений осложнена церковной спецификой источников, часть из которых являются переводными. Вследствие этого возникает вопрос степени их актуальности для различных социальных слоёв Древней Руси. Восприятие смерти находит своё отражение в зафиксированных случаях аутоагрессии – нанесения вреда самому себе. Данное явление ярко прослеживается на примере судьбы рязанского князя Глеба Ростиславича. В 1178 г. князь проигрывает политическую борьбу и оказывается в заточении у Всеволода Большое Гнездо. Глебу Ростиславичу предоставляется возможность выйти на свободу, но он предпочитает остаться в заточении и вскоре умирает. Автор рассценивает данный случай как проявление аутоагрессии, рассматривая его в интеллектуальном контексте древнерусской книжности: «Моления Даниила Заточника», «Пчель», на основе которых вырабатывается идея «достойной смерти».

© Гай С.Д., 2025

Особое значение поступок рязанского князя Глеба приобретает в сравнении с более ранним случаем переяславского князя Андрея Доброго, который был готов умереть, чем отказаться от прав на землю. Оба князя не берегут свою жизнь, однако отличием служит окружающий их культурный и политический фон. В работе автор применяет текстологический метод анализа по отношению к различным редакциям памятника, а также анализирует Ипатьевскую, Лаврентьевскую и Новгородскую летописи на предмет расхождений в биографии князя. На их основе автор приходит к выводу, что причины аутоагрессивного поведения рязанского князя сокрыты под слоями литературных нарративов, выстраиваемых в зависимости от политических интересов летописца.

Ключевые слова: Глеб рязанский, аутоагрессия, культура средневековой Руси, Моление Даниила Заточника

Для цитирования: Гай С.Д. «Луче сдъ умру. Не иду». Аутоагрессивное поведение в Древней Руси на примере смерти Глеба Ростиславича в 1178 г. // Молодой историк. 2025. № 2. С. 104-120.

«Luche sde umru. Ne idu».

Autoaggressive behavior in Ancient Rus on the example
of Gleb Rostislavich's death in 1178 AD

Sergey D. Gay

Udmurt State University,

Izhevsk, Russia, sergey_guy0403@mail.ru

Abstract. The question of the relationship between life and death is a key one in the worldview of any society. This is the construction relevant for the society of Ancient Rus. We have some sources, thanks to which we can reconstruct the regalement of life and death there. However, the reconstruction of their worldview is being complicated by the specifics of certain sources, as some of them were translated. As a result, there arises the problem of the degree of their relevance for various social strata of Ancient Rus. The perception of death is reflected

in the recorded cases of autoaggression. One of those is the case happened in 1178 AD with Ryazan's prince Gleb. After the rivalry with Vladimir's prince Vsevolode Gleb was sent to jail's dungeon. Though he was granted the chance to be released, he preferred to remain in jail. The author regards this case as a manifestation of autoaggression, considering it in the intellectual context of ancient Rus' literature: "Prayer of Daniel Zatochnik", "Pchela", on the basis of which the idea of a "dignified death" is developed. Prince Gleb's act takes on special significance in comparison with the earlier case of Pereslavl's Prince Andrey the Kind, who was ready to die rather than give up his rights to land. Both princes did not care very much about their lives, but the difference is the cultural and political background surrounding them. The author applies the textual method of analyzing various editions of the monument. He also analyzes the Ipatiev, Laurentian and Novgorod chronicles to reveal the discrepancies in the biography of the Prince. Based on them, the author comes to the conclusion that the reasons for the autoaggressive behavior of the Ryazan Prince are hidden under the layers of literary narratives, arranged according to the political interests of the chronicler.

Keywords: Ryazan's prince Gleb, autoaggression, culture of Ancient Rus, Prayer of Daniel Zatochnik

For citation: Gay, S.D. (2025), " 'Luche sde umru. Ne idu'. Autoaggressive behavior in Ancient Russia on the example of Gleb Rostislavich's death in 1178 AD", *Young Historian*, no. 2, pp. 104-120.

Представления о жизни и смерти легли в основу мировоззренческой картины многих обществ. Социум Древней Руси не стал исключением. Действующие в нём нормы юридического и церковного права, социальные предрассудки, аграрные культы и философские концепции регламентировали быт человека. Попытки противостоять сложившимся порядкам, нарушить божественный промысел, зачастую порицались. Однако существовали такие ситуации, при которых аутоагрессия – причинение человеком самому себе вреда – допускалась. Данный феномен раскрывает особенности мировоззрения отдельной личности. Кроме того, деструктивное поведение человека демонстрирует его причастность к коллективу и степень

интеграции в социальную систему, неотъемлемой частью которой он является. В зависимости от установленных в обществе границы дозволенной смерти, можно выявить степень субъектности отдельного индивида.

Историографическая традиция изучения данной проблемы невелика. Вследствие сложившейся в современном обществе табуированности смерти, в работах по древнерусской ментальности танатологическим представлениям уделяется незначительное внимание. Упор делается на рассмотрение отразившейся в археологических памятниках ритуальной составляющей, а общественный дискурс по поводу данной темы остается лакунарным. Исследователи мимоходом отмечают, что в домодерновом русском социуме смерть регламентировалась церковными нормами [Паперно 1999, с. 66; Романова 2012, с. 82]. Но в действительности мировоззренческая картина была не столь однородной.

Общественное мнение по поводу смерти формировалось под влиянием христианства, норм светского и церковного права, фольклорных представлений и афоризмов античных философов. Причём по определенным вопросам источники расходились друг с другом, что порождало сложную дискуссионную систему взглядов. Наиболее острым являлся феномен самоубийства.

Церковная позиция опиралась на высказывания отцов церкви, которые отразились в Кормчей книге – своде церковных предписаний, известном на Руси с XI в. [Щапов 1978, с. 101]. По поводу членовредительства в ней присутствуют изречения Тимофея и Петра Александрийских, Тарасия и Генадия Константинопольских. Камнем преткновения для них являлось поминовение самоубийцы. Все авторы выступали с осуждением аутоагрессии, но Тимофей Александрийский считал, что к поминовению можно допускать, если человек «въистину несмыслънъ сы сътвори» [Бенешевич 1906, с. 546]. В историографии закрепились точка зрения, в рамках которой исследователями прерогатива отдаётся именно Тимофею Александрийскому. В действительности, по крайней мере до начала XV в., или даже до середины XVII в. концепция Тимофея Александрийского не выделяется среди остальных. Первый рубеж

определен на основе датировки самого раннего списка Мясниковской редакции постановлений Константинопольского собора 1276 г. В этом документе отражены ответы патриархов на вопрошания сарайского епископа Феогноста о самоубийцах. Однако в основной Кирилло-Белозерской редакции отсутствуют данные статьи. В Мясниковскую редакцию они вошли не от постановлений собора, а от внутренней практики [Корогодина 2025, с. 74–77]. На вопрос о возможности подношения за самоубийцу, если «ума целого не имеет», ответ был дан в ключе концепции Тимофея Александрийского [Бенешевич 1906, с. 115]. Но и на основе этого вопрошания нельзя утверждать о тотальном закреплении его идей. Вторая граница – это закрепление в Номоканоне требника 1658 г. исключительно концепции Тимофея Александрийского [Павлов 1891, с. 320–324]. То есть источниковая база не позволяет с уверенностью определить главенство идей того или иного епископа на ранних этапах русской истории.

Для аграрного населения Древней Руси особую ценность составляла земля. По поздним этнографическим данным известно, что самоубийц относили к нечистым покойникам [Зеленин 2022, с. 15]. Их боялись хоронить в земле, из-за чего возникал конфликт народа с церковью. Впервые данные воззрения зафиксированы в «слове блаженного Серапиона о маловерии», где епископ выступает с критикой выкапывания удушенных или утопленников¹. Однако этот памятник относится только к XIII в., в связи с чем воззрения людей предшествующих столетий остаются неизвестными.

Определенный вклад в развитие представлений о самоубийстве был внесён переводной литературой. В сборнике афоризмов «Пчела» отражены высказывания античных философов, которые отстаивают концепцию «достойной смерти». Вопрос самопожертвования также затрагивается в переводе «Иудейской войны» Иосифа Флавия. Существенной проблемой данного пласта источников является культурный разрыв между народами. Из-за этого трудно определить степень воздействия заложенных в них идей на древнерусский социум.

¹ БДР Т. 5. СПб., 2022. С. 382.

Таким образом, неоднородная мировоззренческая картина, составленная на основе разнovidных источников, на деле оказывается пустой. Для закрытия этой лакуны необходимо рассмотреть конкретные прецеденты, на основе которых с предельной достоверностью можно реконструировать представления об аутоагрессии. Повседневная история Древней Руси нашла своё отражение в летописях. Однако существенной особенностью данного источника является их политическая ангажированность и интертекстуальность. Поэтому для изучения древнерусской ментальности необходимо подвергнуть источники текстологическому анализу. И.Н. Данилевский отмечал, что основная цель текстологии – «реконструкции генеалогии текста... выявление в тексте исторического источника ретроспективной информации» [Данилевский 2024, с. 29–30]. Необходимо определить не только причины аутоагрессивного поведения в прошлом, но и особенности его фиксации.

Данное явление прослеживается на примере смерти рязанского князя Глеба Ростиславича. В 1178 г. он оказывается перед выбором: позорная свобода или верная гибель в темнице. Князь остановился на втором варианте. Для понимания причин его решения следует подробнее изучить ситуацию, выявить мотивы, а главное – культурный контекст. Помимо этого, необходимо уделить внимание имеющимся источникам и определить степень достоверности имеющихся сведений.

Судьба Глеба Ростиславича неразрывно связано с историей Рязани и тщетной попыткой вести суверенную политику в окружении могущественного Владимирского и Черниговского княжеств. Отец нашего героя, Ростислав Ярославич, в 1140–1150-х гг. ещё пытался следовать самостоятельному внешнеполитическому курсу, в рамках которого опирался либо на Смоленск, либо на Киев. Однако после ряда поражений в 1155 г. Ростислав был вынужден присягнуть Владимирскому князю: «Въ то же время Ростиславъ Мстиславичъ, Смоленскій князь, цѣлова хрестъ съ братьею своею с Рязанскими князи»² [Монгайт 1961, с. 342–243]. Политическую зависимость скреплял

² ПСРА Т. 1. СПб., 1946. С. 79.

субдинастический брак. Ростислав женился на дочери Ростислава Юрьевича – старшего сына Юрия Долгорукова – и в браке у них родился сын Глеб.

После смерти Ростислава Рязанское княжество переходит его сыну Глебу. С самого начала нового правления княжество находилось в вассальной зависимости от владимирского «самовластца» Андрея Боголюбского. По летописным источникам видно, что рязанские полки участвовали в кампании против Новгорода, Киева и Волжской Булгарии [Лимонов 1987, с. 92; Монгайт 1961, с. 348]. Однако, несмотря на столь активную вовлеченность в военные действия ростово-суздальского князя, Глеб сохранил идею о независимости собственного княжества.

Шанс на осуществление задуманного выпал после трагической смерти Андрея Боголюбского в 1174 г. На вакантный ростово-суздальский стол претендовали братья Андрея, Михаил и Всеволод, а также дети его старшего брата Ростислава – Ярополк и Мстислав, доводившиеся племянниками Глебу. В течении 3-х лет власть переходила от одной стороны к другой. Юрьевичей поддерживала владимирская знать и черниговский князь, а Ростиславичей поддерживало боярство Ростова, Суздаля и Рязанское княжество. Конфликт завершился тем, что в 1177 г. на р. Колокше Ростиславичи потерпели поражение и вместе со всеми союзниками были отправлены в поруб³.

После того как Всеволод Большое Гнездо привёл пленников во Владимир, в городе вспыхнул мятеж. Владимирские бояре и прочие горожане желали расправы над врагами. Ярополка и Мстислава обвиняли в том, что во время своего непродолжительного княжения они потворствовали рязанским и суздальским боярам в расхищении владимирских земель и храмов⁴. Возмущенный народ добился ослепления Ростиславичей, которые, однако, в день поминовения святого Глеба «чудесным образом» прозрели. Куда сложнее обстоит ситуация с Глебом Ростиславичем.

Историк Ю.А. Лимонов выдвигает точку зрения, согласно которой Глеб являлся серым кардиналом событий 1174–1178 гг.,

³ ПСРА Т. 1. СПб., 1846. С. 162–163.

⁴ ПСРА Т. 2. СПб., 1843. С. 342.

поскольку был заинтересован в смерти Андрея Боголюбского. Свое предположение историк обосновывает, во-первых, присутствием на похоронах Андрея Юрьевича и выборах нового князя рязанских послов. Во-вторых, связью Глеба с ростовскими боярами, которые именно через него выстраивали отношения со слабovolьными Ростиславичами [Лимонов 1987, с. 90–91]. Стоит признать, что в данной ситуации Глеб действительно являлся заинтересованным лицом, однако вряд ли обоснованно утверждать, что он являлся главным инициатором трагических событий в Боголюбове. Роль подстрекателей всецело принадлежит рязанским боярам, часть которых не удостоились даже почётногo плена⁵. А.А. Кузнецов предполагает, что, запечатленное сначала в Новгородской первой летописи, а позже в летописях Новгородо-Софийского свода, чудесное прозрение Ростиславичей в день памяти невинoубиенных Бориса и Глеба, говорит о том, что братья пострадали от своего дяди [Кузнецов 2008, с. 39–41]. Однако и это суждение не позволяет демонизировать Глеба, потому что, как утверждает сам Кузнецов, дата прозрения появилась в более поздних источниках: впервые в Ермолинской летописи, относящейся к традиции ростовского летописания [Кузнецов 2008, с. 42]. К тому же на основе данных построений негативное отношение летописца к Глебу должно было распространиться и на Мстислава, который подговорил Глеба к вступлению в конфликт.

Свой негативный образ в ходе событий 1174–1178 гг. в глазах летописца Глеб получил только в 1177 г., когда под уговорами Мстислава Ростиславича решил принять личное и активное участие в политическом противостоянии с Всеволодом Юрьевичем. Однако его авантюра изначально не предвещала удачного исхода, потому что к этому времени Ростиславичи уже утратили своих союзников во Владимирском княжестве, в связи с чем рязанский князь был вынужден прибегнуть к помощи половецкой орды. По сообщению Лаврентьевской летописи, тогда «много бог зла створили церкви Боголюбский... и ту церковь повель выбивше двери разграбити съ погаными; и села пожже боярская, а жены и дѣти и товаръ да поганымъ на щит, и многы

⁵ ПСРА Т. 1. СПб., 1846. С. 161–162.

церкви запали огнемъ... сего ради гнѣвъ простресея, они ведутъся полоней, друзіи посекаемы и до молодыхъ дѣтій, иные на мѣсть даемъ поганымъ, друзіи трепетаху. Зряще убиваемыхъ, такмо Глебъ князь Бога разгнѣви и святую Богородицу»⁶. После такихъ зверствъ и надругательствъ надъ храмомъ войска Глеба потерпели поражение, а самого князя взяли в плен. Примечательно, что в Ипатьевской летописи появление половцев на Руси никак не связывается с действиями Глеба, а момент разорения окрестностей Владимира летописцем не освещается, зато подробно описывается посольство по освобождению рязанского князя⁷.

После того как Глеб оказывается в заточении и разъяренная толпа угрожает ему расправой, его жена и зять (союзный смоленский князь Мстислав Всеволодович) просят черниговского князя Святослава Всеволодовича ходатайствовать об освобождении Глеба. Святослав послал епископа черниговского Порфирия и игумена св. Богородицы Офрема. Через них Святослав просил отпустить рязанского князя на Русь, но Глеб ответил: «Лучше сде умру. Не иду». Вскоре после этого, а именно 30 июля Глеб умер⁸. Важно отметить, что сведения об этом посольстве отражены исключительно в Ипатьевской летописи. В Лаврентьевской статья за 6685 г. обрывается и повествование остается незавершенным. А новгородские летописи ограничиваются скупой информацией: «Преставися Глебъ в порубе»⁹. Несмотря на ограниченную источниковую базу, можно допустить, что посольство имело место быть. Однако стоит к нему внимательно присмотреться.

Удивительно, что посольство для освобождения Глеба отправляет именно черниговский князь. Причѣм годами ранее Святослав и Глеб находились в противоположных лагерях. В 1176 г. между ними происходит прямой конфликт, когда сын Святослава Олег захватывает рязанский город Свирельск и присоединяет его к Чернигову¹⁰. Настораживают также кандидатуры посланников — Порфирий и Офрем. Черниговский епископ Порфирий, скорее

⁶ ПСРА Т. 1. СПб., 1936. С. 161–162.

⁷ ПСРА Т. 2. СПб., 1843. С. 118–120.

⁸ ПСРА Т. 2. СПб., 1843. С. 119–120.

⁹ ПСРА Т. 5. СПб., 1851. С. 16.

¹⁰ ПСРА Т. 2. СПб., 1843. С. 118.

всего, являлся тем же епископом, который в 1174 г. определил старшинство Юрьевичей над Ростиславичами. Офрем назван игуменом св. Богородицы, которую в тот же год беспощадно разграбил Глеб в союзе с половцами. То есть отправляющая сторона навряд ли испытывает симпатии к рязанскому князю. Интересно, что после неудачных переговоров Всеволод продержал у себя послов ещё 2 года. Каковы же были истинные цели посольства и почему оно потерпело неудачу? Можем предположить, что камнем преткновения стал не князь, а княжество. Святослав рассчитывал, что благодарный за возведение на престол Всеволод пойдёт на уступки и Рязань войдёт в политическую орбиту Чернигова. Однако Всеволод отпускает сына Глеба Романа, предварительно «укрепивше крестнымъ цѣлованием и смиривше зѣло»¹¹. После чего новый рязанский князь «изби много Половецъ»¹², то есть пошёл против прежних союзников. К тому же спустя несколько лет именно Владимирский князь выступает посредником в решении споров рязанских князей о власти¹³. Поэтому стоит признать, что черниговское посольство потерпело крах.

Вызывает также вопрос хронологическая последовательность действий. В летописях новгородско-софийского свода разрушение толпою поруба, ослепление Ростиславичей и смерть Глеба произошли одновременно¹⁴. По мнению А.А. Кузнецова это указывает на непричастность Всеволода к расправе над конкурентами и смерти Глеба от мстительной толпы [Кузнецов 2008, с. 4]. В первой новгородской летописи смерть Глеба и ослепление его племянников тоже свершается одновременно, но без участия народных масс¹⁵. Повествование в Ипатьевской летописи, снабженное сюжетом с посольством о вызволении Глеба, построено иным образом. В ней сразу после посольства умирает Глеб, потом отпускают его сына

¹¹ ПСРА Т. 10. СПб., 1885. С. 5.

¹² Там же. С. 6.

¹³ ПСРА Т. 1. СПб., 1846. С. 182.

¹⁴ ПСРА Т. 5. СПб., 1851. С. 167.

¹⁵ ПСРА Т. 3. СПб., 1841. С. 16.

Романа и только после этого ослепляют его племянников¹⁶. Исходя из этого сопоставления можем предположить, что Глеб, вероятнее всего, действительно стал жертвой разозленных на него бояр, тем более, в отличии от Ярополка и Мстислава, он никогда не правил во Владимирском княжестве, то есть был чужаком. Поэтому его племянники были отданы на милость Владимирского князя, а Глеб стал жертвой разъяренной толпы. Также на трагическую участь рязанского князя указывает и общая направленность нарратива: князь разгневал Бога и Богородицу. То есть сам летописец не сопереживает Глебу Ростиславичу и не осуждает народную расправу.

Можно допустить, что посольство действительно было направлено для спасения Глеба, но он отказался выходить на свободу, потому что терял вотчину, Рязанское княжение, которое вновь лишалось независимости. В данном случае важно не то, действительно ли Глеб отказался от свободы, а то, почему об этом написал летописец. Автор Ипатьевской летописи, несмотря на демонизацию Глеба в Лаврентьевской, решил показать, что князь принял достойную смерть. На самом деле данный троп имеет культурные корни. Слова, произнесенные рязанским князем в последние дни своей жизни, напоминают случай, произошедший на половину века раньше.

В 1138 г. переяславский князь Андрей Владимирович Добрый на предложение черниговского князя Всеволода Ольговича уйти из Переяславля в Курск ответил: «Лепыши ми того смерть и с дружиною на своей отчине и на дедине взяти, нежели Курское княжение. Отец мой Курьске не седел, но в Переяславли. Хочю на своей отчине смерть прияти»¹⁷. То есть для Андрея Владимировича смерть на земле, которой владел его дед была ценнее жизни в чужом княжестве. В отличии от высказывания Глеба речь Андрея была отражена во многих летописях, помимо Лаврентьевской в Никоновской, Ермолинской и др.¹⁸. Но настораживает, что именно в Ипатьевской летописи мы не находим её следов, в то время как поступок Глеба отражён исключительно в

¹⁶ ПСРА Т. 2. СПб., 1843. С. 119–120.

¹⁷ ПСРА Т. 1. СПб., 1846. С. 134.

¹⁸ ПСРА Т. 9. СПб., 1862. С. 164; ПСРА Т. 23. СПб., 1910. С. 31.

ней. Поступок Андрея отличался такой храбростью и патриотизмом, что стал культовым на Руси. Сам Андрей, как верно замечает П.П. Толочко, был признан местнопочитаемым святым и благоверным князем [Толочко 2003, с. 105].

Слова Андрея нашли свое отражение в знаменитом «Молении Даниила Заточника». Данный памятник имел множество редакций, вследствие чего их делят на различные произведения: «Слово», «Слово о мирских притчах», «Моление» и переделки. Авторство Даниила также подвергается сомнению. Принято считать, что было несколько авторов, подражающих несохранившемуся протографу. В самой ранней редакции XII – «Слове» – говорится: «Не лгаль бо ми Ростиславъ князь: льпше бы ми смерть ниже Курское княжение; льпше смерть, ниже продолженьъ животь в нищети» [Зарубин 1932, с. 10]. Причём в копенгагенском списке этого извода имя Ростислава заменяется на Ярослава. В «Слове о мирских притчах и бытийных вещах» – памятнике XII в., в котором сочетаются цитаты из «Слова Даниила Заточника и Мудрости Мендала» – эпизод с князем отсутствует, но сохраняется мораль о превосходстве смерти над бедностью [Зарубин 1932, с. 40]. В редакции XIII в., которое исследователи прозвали «Молением», структура та же, что и в «Слове» [Зарубин 1932, с. 62]. Существенные изменения происходят в переделках [Зарубин 1932, с. 88]. В первой переделке полностью пропадает имя князя, и лишь в 1 редакции «Моления» остаётся нарицательное курское княжение. Во второй переделке этот эпизод полностью исчезает [Зарубин 1932, с. 88].

Предполагается, что авторы различных редакций так или иначе обращаются к князьям Переяславля-Русского. Утерянный протограф цитирует Андрея, другие редакции – слова Ростислава Юрьевича и Ярослава Всеволодовича, некогда сидевших в Переславле [Безсонов 1856, с. 324–325]. Впоследствии имя Ростислава стало нарицательным, и книжники его использовали вне отсылки к определенному князю. А в поздних редакциях имя князя и вовсе пропадает, оставляя только общий посыл. В духовной культуре Древней Руси «Моление» становится специфическим носителем образца княжеского поведения, тем самым памятник закрепляет самоотверженности князя во благо своей земли.

В этом случае стоит обратить внимание на связь Даниила заточника с рязанским князем Глебом. Примечательно сообщение В.Н. Татищева о том, что посольство предлагало Глебу отправиться не просто на Русь, а в какой-то мелкий город [Татищев 1774, с. 228]. Возможно, данный оборот отсылает к нарицательному курскому княжению, которым пренебрёг абстрактный князь в «Молении Даниила Заточника». Можно также выдвинуть смелую гипотезу, что автором одной из редакций «Моления» может являться сам Глеб Ростиславович, которого политическая авантюра завела в темницу. Знакомство Глеба с сюжетом «Моления» могло состояться через его деда Ростислава Юрьевича, слова которого цитирует автор произведения. С другой стороны, Глеб мог познакомиться уже с литературной версией памятника, благодаря коллекции книг, которую его племянники вывезли из разграбленного Боголюбова в 1175 г. Среди этих же книг князь мог прочитать переводной сборник афоризмов «Пчела». Современные исследователи отмечают, что первые списки «Пчель» датируются XII в.¹⁹ Поэтому вполне вероятно, что Глеб мог знать и высказыванием Сократа «Оуче славноу мужьскы оумерети, нежели жить с срамомъ», которое отсылает к платоновскому диалогу «Федон»²⁰. В этом диалоге вырабатывается античное представление о «достойной смерти», которое впоследствии перекочёвывает в Средние века.

В то же время можно допустить, что как раз летописец на основе переводной литературы и «Моления Даниила Заточника» намеренно приписывает Глебу аутоагрессивное поведение. Руками книжника Глеб становится патриотом своей земли, который решил принять смерть, нежели зависимость от могущественных соседей.

Таким образом, аутоагрессия рязанского князя Глеба Ростиславича вызывает ряд вопросов. Сомнительна действительность посольства черниговского князя, направленного

¹⁹ См.: Пичхадзе А.А. Древнерусский перевод «Пчель» / «Пчела»: Древнерусский перевод. Том I. / Отв. ред. А.М. Молдован; Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. С. 7–8.

²⁰ См.: «Пчела»: Древнерусский перевод. Том I. / Отв. ред. А.М. Молдован; Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. С. 519.

на освобождение ненавистного рязанского князя. Но если посольство и имело место быть, то затруднительно определить его истинные мотивы. Такое состояние исторической неопределенности вынуждает обратить внимание на особенность источника. В результате текстологического анализа было установлено, что мотив осознанного причинения себе вреда имеет ранние прецеденты в летописях, интертекстуальные отсылки на другие произведения древнерусской и переводной литературы. То есть одиозный поступок рязанского князя не является чужеродным для русской культуры. Этот поступок – часть общественного восприятия жизни и смерти. Однако нельзя точно сказать, кто именно действует в рамках данной мировоззренческой картины – князь-авантюрист или же летописец, вплетающий события в общую культурную канву.

ЛИТЕРАТУРА

- Безсонов 1856 – *Безсонов П.А.* Несколько замечаний по поводу напечатанного в русской беседе слова Даниила Заточника // *Москвитянин*. 1856. Т. 2. № 5. С. 319–351.
- Бенешевич 1906 – *Бенешевич В.Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкования. Т. 1. СПб.: Типография императорской академии наук, 1906. 830 с.
- Данилевский 2024 – *Данилевский И.Н.* Историческая текстология: учеб. пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 556 с.
- Зарубин 1932 – *Зарубин Н.Н.* Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделками. Ленинград: Академия наук СССР, 1932. 182 с.
- Зеленин 2022 – *Зеленин Д.К.* Очерки славянской мифологии. М.: Вече, 2022. 384 с.
- Корогодина 2025 – *Корогодина М.В.* Правила константинопольского синода 1276 года. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. 344 с.
- Кузнецов 2008 – *Кузнецов А.А.* О происхождении даты «Прозрения» Мстислава и Ярополка Ростиславичей в русском

- летописании // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2008. № 2. С. 33–46.
- Лимонов 1987 – Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь: очерки социально-политической истории. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1987. 216 с.
- Монгайт 1961 – Монгайт А.А. Рязанская земля. М.: Изд-во Академии наук, 1961. 400 с.
- Павлов 1897 – Павлов А. Номаканон при большом требнике. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешкля, 1897. 520 с.
- Паперно 1999 – Паперно И.Б. Самоубийство как культурный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 256 с.
- Пичхадзе 2008 – Пичхадзе А.А. Древнерусский перевод «Пчель» / «Пчела»: Древнерусский перевод. Том I. / Отв. ред. А.М. Молдован; Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. С. 7–43.
- Романова 2012 – Романова Е.В. Массовые самосожжения старообрядцев в России в XVII–XIX веках. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге (Studia Ethnological; вып. 10), 2012. 288 с.
- Татищев 1774 – Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная. Книга третья. М.: Императорский Московский Университет, 1774. 530 с.
- Толочко 2003 – Толочко П.П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб.: Алетейя, 2003. 296 с.
- Фроянов 2012 – Фроянов И.Я. Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть: учебное пособие. М.: Русский издательский центр, 2012. 1088 с.
- Щапов 1978 – Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М.: Наука, 1978. 292 с.

REFERENCES

- Beneshevich, V.N. (1906), *Drevneslavyanskaya kormchaya XIV titulov bez tolkovaniya T. 1* [The Old Slavic helmsman of the XIV titles without interpretation Vol. 1], Tipografiya imperatorskoi akademii nauk, Saint Petersburg, Russia.

- Bezsonov, P.A. (1856), “Neskol'ko zamechanij po povodu napechatannogo v russkoj besede slova Daniila Zatochnika”, *Moskvityanin*, vol. 2, no. 5, pp. 319–351.
- Danilevskij, I.N. (2024), *Istoricheskaya tekstologiya: ucheb. gosobie* [Historical Textology: a textbook], House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia.
- Froyanov, I.Ya. (2012), *Drevnyaya Rus' IX-XIII vekov. Narodnye dvizheniya. Knyazheskaya i vechevaya vlast': uchebnoe posobie* [Ancient Russia of the IX-XIII centuries. Popular movements. Princely and Veche power: a textbook], Russkij izdatel'skij centr, Moscow, Russia.
- Korogodina, M.V. (2025), *Pravila konstantinopol'skogo sinoda 1276 goda* [The Rules of the 1276 Council of Constantinople], House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia.
- Kuznecov, A.A. (2008), “O proiskhozhdenii daty «Prozreniya» Mstislava i Yaropolka Rostislavichej v russkom letopisanii”, *Bulletin of Udmurt University. “History and philology”*, no. 2, pp. 33–46.
- Limonov, Yu.A. (1987), *Vladimiro-suzdal'skaya Rus' ocherki social'no politicheskoi istorii* [Vladimir-Suzdal Russia essays on socio-political history], “Nauka”. Leningradskoe otdelenie, Leningrad, USSR.
- Mongajt, A.L. (1961), *Ryazanskaya zemlya* [Ryazan land], Izd-vo Akademii nauk, Moscow, USSR.
- Paperno, I.B. (1999), *Samoubijstvo, kak kul'turnyj institut* [Suicide as a cultural institution], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Pavlov, A. (1897), *Nomakanon pri bol'shom trebnike* [Nomakanon at the great breviary], printing house of G. Lissner and A. Geschel, Moscow, Russia.
- Pichkhadze, A.A. (2008), Ancient Rus translation of “Pchely” in A.M. Moldovan (ed.) *«Pchela»: Drevnerusskii perevod. Tom I* [“Pchela”: Ancient Rus Translation. Vol. I], Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, Moscow, Russia. pp. 7–43.
- Romanova, E.V. (2012), *Massovye samosozhzheniya staroobryadcev v Rossii v XVII–XIX vekah* [Mass self-immolations of Old Believers in Russia in the XVII–XIX centuries], Izd-vo Evropejskogo universiteta v Saint-Petersburg (Studia Ethnological; vol. 10), Saint Petersburg, Russia.

- Shchapov, Ya.N. (1978), *Vizantijskoe i yuzhnoslavyanskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv.* [Byzantine and South Slavic legal heritage in Russia in the XI–XIII centuries], Nauka, Moscow, USSR.
- Tatishchev, V.N. (1774), *Istoriya Rossijskaya s samyh drevnejshih vremen neusybnymi trudami cherez tridcat' let sobrannaya i opisannaya*. Kniga tret'ya [Russian history from the most ancient times, collected and described by tireless efforts thirty years later. Book three], Imperatorskii Moskovskii Universitet, Moscow, Russia.
- Tolochko, P.P. (2003), *Russkie letopisi i letopiscy XI–XIII vv.* [Russian chronicles and chroniclers of the XI–XIII centuries] Aleteja, Saint Petersburg, Russia.
- Zarubin, N.N. (1932), *Slovo Daniila Zatochnika po redakciyam XII i XIII vv. i ih peredelkami* [The word of Daniel Zatochnik according to the editions of the 12th and 13th centuries and their alterations], Izd-vo Akademii nauk SSSR, Leningrad, USSR.
- Zelenin D.K. (2022), *Ocherki slavyanskoj mifologii* [Essays on Slavic mythology], Veche, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей А. Гай, студент бакалавриата, Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия; 426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2. sergey_guy0403@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey D. Gay, bachelor student, Udmurt State University, Izhevsk, Russia; bld. 1, Universitetskaya str., Izhevsk, Russia, 426034; sergey_guy0403@mail.ru

История о том, как три проститутки кооператив развалили:
опыт швейной мастерской г-жи Полянской
в контексте эпохи романа «Что делать?»

Мария С. Иванова

*Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия, 704241@list.ru*

Аннотация. В работе проводится анализ кооперативной теории Н.Г. Чернышевского и его отношения к «падшим женщинам» на примере романа «Что делать?». Оцениваются последствия произведения в социально-экономическом измерении, а также влияние поведенческих моделей русского общества 1850–1860-х гг. на портреты действующих героев романа. На основе мемуарных источников приводится опыт швейных мастерских 1860-х гг., а также причины их неудач. Особое внимание уделяется мастерской госпожи Полянской, которой удалось не только реализовать кооперативные идеи Чернышевского, но и спасти представительниц проституции, путем включения их в процесс производства. На данном примере иллюстрируется отношение интеллигенции к проблеме проституции, способах ее решения на примере спасения Кирсановым Насти Крюковой. Проводится параллель между психологией Насти Крюковой как «исправившейся падшей девушки», честной камелии Жюли и трех проституток мастерской госпожи Полянской. Особое место в статье уделяется поиску ответов на вопрос – почему же, несмотря на отличные условия мастерской, попытки образовать девушек и социализировать их не принесли никаких успехов. Всё это рассматривается в совокупности с контекстом «эпохи Чернышевского», влияния западной экономической мысли и объективными причинами неудач российских товариществ 1860-х гг.

Ключевые слова: проституция, Н.Г. Чернышевский, кооперативная теория, новые люди, экономика, швейная мастерская, «Что делать?»

Для цитирования: Иванова М.С. История о том, как три проститутки кооператив развалили: опыт швейной мастерской г-жи Полянской в контексте эпохи романа «Что делать?» // Молодой историк. 2025. № 2. С. 121-136.

The story of how three prostitutes ruined a cooperative:
the experience of Ms. Polyanskaya's sewing workshop
in the context of “What to Do?” novel

Maria S. Ivanova
Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg, Russia, 704241@list.ru

Abstract. The paper analyzes N.G. Chernyshevsky's cooperative theory and his attitude to “fallen women” while making use “What to Do?” novel. The article evaluates the consequences of the novel in the socio-economic dimension, as well as the influence of behavioral models of Russian society in the 1850s-1860s on the novel's characters. Making use of the memoir sources, the author of the article describes the experience of sewing workshops in the 1860s and the reasons for their failures. Special attention is paid to the workshop of Ms. Polyanskaya, who managed to realize Chernyshevsky's cooperative ideas and rescue prostitutes by involving them into the production process. This example illustrates the attitude of intellectuals to the problem of prostitution and the ways to solve it, using the example of Nastya Kryukova's being rescued by Kirsanov. A parallel is drawn to the psychology of Nastya Kryukova as a “reformed fallen girl”, honest camellia Julie and three prostitutes from Mrs. Polyanskaya's workshop. The author pays special attention to the question why, despite the excellent conditions of the workshop, all the attempts to educate and socialize girls have not brought any success. All these issues are considered taking into account “Chernyshevsky era”, the influence of Western economic thought, and

the objective reasons for the failures of Russian partnerships in the 1860s.

Keywords: prostitution, N.G. Chernyshevsky, cooperative theory, new people, economics, sewing workshop, “What to do?”

For citation: Ivanova, M.S. (2025), “The story of how three prostitutes ruined a cooperative: the experience of Ms. Polyanskaya's sewing workshop in the context of ‘What to Do?’ novel”, *Young Historian*, no. 2, pp. 121-136.

«Общественный идеал анархиста», «отец русской революционной мысли» Н.Г. Чернышевский запомнился не только своей политической концепцией, но и социально-экономическими идеями, воплощение которых нашло свое отражение в самом читаемом романе времени «Что делать?». Его роман «Отблески сияния» не оказал того влияния на русское общество, какое произвел его «собрат», однако также являлся продолжением кооперативных теорий Чернышевского. Так или иначе, именно кооперативная беллетристика данного социалиста-утописта произвела эффект «взрыва» на молодежь 60-х гг. XIX столетия, заставив ее окунуться в волну социальных экспериментов.

Идеи Н.Г. Чернышевского нельзя назвать полностью новаторскими – они были скорее следствием кооперативной европейской теории Роберта Оуэна, Анри Сен-Симона, Шарля Фурье, Луи Блана. «Отцы» теории предлагали создание ассоциаций для достижения благосостояния народа, путем изменения производственных отношений. Всё могло быть возможным в случае создания производительных ассоциаций. По мнению Чернышевского, именно товарищество являлось той самой идеальной формой объединения трудящихся. При этом достоинство такого способа организации составляло не большее количество прибыли, а удовлетворение потребности трудящихся в самостоятельности. Самостоятельность трудящихся, объединенная кооперативом, оказывалась, по его мнению, гораздо более выгодной для общества, а соответственно, и составляло его благо. Тем не менее Н.Г. Чернышевский делал из своих рассуждений вывод, что при такой форме организации производства дело

должно идти успешнее, нежели при хозяйстве отдельного капиталиста¹. Так, девизом нового дела становились такие слова как самостоятельность, добровольность, свобода выбора и отсутствие принуждения.

Сама история создания знаменитого романа «Что делать?», написанного Чернышевским в застенках Алексеевского равелина Петропавловской крепости, должна была казаться не лишённой драмы и романтизма молодым читателям. В художественном обрамлении кооперативные идеи Н.Г. Чернышевского были более понятны молодежи, нежели в сложном языке его статей. Однако даже в романе автор не скрывал того, что успех мастерской стоил многих вложений – материальных затрат самой Веры Павловны, ее хозяйственной хватки и равенства, как справедливого принципа распределения. Активно настроенная молодежь, чувствующая, что необходимо «делать дело», но не знающая где это дело искать, нашла наконец ответ с выходом в свет романа в 1863 г.

Мощнейшая волна, всколыхнувшая общество, подмечалась всеми, но каждый по-разному интерпретировал то, что смогли найти читатели в строках. Кто-то считал, что молодежь искала отклики на окружающую ее печальную реальность, кто-то портреты тех самых «новых людей», а кто-то пытался найти ответ на вопрос – что же делать? Итак, Чернышевский чутко ответил на социальный запрос общества, требовавшего конкретную программу действий и методов борьбы [Дианова 2022, с. 41]. Более того, план действий шел по мирному руслу изменений, еще не предлагая крови правительственной власти, что для развития социальной мысли начала 1860-х гг. было характерным штрихом. Таким образом, устроителем нового мира мог стать любой.

Публикация романа логическим образом породила последователей и подражателей как в положительном, так и в отрицательном плане. Н.Г. Чернышевский запустил череду создания многочисленных мастерских, производительных и потребительных ассоциаций, товариществ и коммун. Первые и последние плотно войдут в жизнь будущих народников, студентов и курсисток. Общие квартиры находились вблизи учебных

¹ Чернышевский Н.Г. Капитал и труд // Чернышевский Н.Г. Сочинения: в 2 т. М., 1987. С. 58–59.

заведений, а контингент этих квартир мог быть самым пестрым. Все полученные средства и имущество поступали в общее пользование. Особенно это было необходимо в условиях одного из главного бича эпохи – полного разрыва связи с родственниками, вне зависимости от степени их знатности и материального положения [Революционеры 1986, с. 67]. Эта черта особенно больно отзывалась для молодых девушек, вынужденных или бежать из родительского дома, или разыгрывать фиктивные браки с той же целью.

Интеллектуальный импульс Чернышевского оказался настолько сильным, что артельное движение ко второй половине 1860-х гг. охватило почти все ряды демократической интеллигенции и революционно настроенной молодежи. Конечно, к наиболее известным проявлениям кооперативных идей того времени можно отнести деятельность московского кружка «ишутинцев» или, как позже их назовут, «каракозовцев». В частности, женщины, привлекавшиеся по делу Д.В. Каракозова позднее, имели мало общего в политическом плане с основным кружком. Они были задействованы в ишутинской швейной мастерской сестер Ивановых, но мастерская являлась лишь одним из направлений деятельности ишутинцев. В.И. Засулич вспоминала, что «члены его обучали в школе, имели 2 ассоциации и сообщда устроенное общежитие»². Несмотря на то, что сам П.А. Кропоткин отмечал в воспоминаниях, что «в сравнении с последующими движениями каракозовцы стояли на наиболее практической почве»³, проблемы в мастерской сестер Ивановых обнаружились почти сразу. Стоит учитывать, что и «швейня Ивановых» являлась более поздним примером ассоциации, пропустившей первую волну кооперативного движения молодежи 1863–1864 гг.

Описание, данного в романе, было достаточно для создания швейной мастерской, но мало для ее реальной жизнеспособности. Экономическая неопытность, презрение девушек-нигилисток к «аристократическим замашкам», легкомысленность, конкуренция – всё это заставило закрыться ряд швейных мастерских в первый же

² Засулич В.И. Воспоминания. М., 1931. С. 17.

³ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 2022. С. 310.

год работы. Сама В.И. Засулич так характеризовала период ассоциаций в России: «ассоциации, по большей части швейные, росли как грибы, но большая часть из них вскоре распадалась, а некоторые кончались третейскими судами, ссорами»⁴. Та же самая участь ждала и коммуны. И хотя роман Чернышевского продолжал также жадно перечитываться молодежью, основной метод борьбы – создание ассоциаций, уже не удовлетворял запросы отдельной части граждан. Впрочем, кооперативная теория Н.Г. Чернышевского пережила и 1860-е гг., перейдя в следующее десятилетие с новым течением – народничеством.

Однако «Что делать?» вносил в сознание нового поколения не только идеи кооперативного производства. Кроме этого, Чернышевский отобразил еще одну характерную черту эпохи – фиктивный брак, дававший женщине возможность избавиться от родительского гнета и обрести собственную экономическую и социальную свободу. И хотя последний фактор в 1860-х гг. воспринимался как решающий шаг к полному освобождению женщины, сами представительницы женского освободительного движения в России в начале 1880-х гг. уже иначе смотрели на женские проблемы в трактовках Н.Г. Чернышевского. В частности, в письме М.К. Цебриковой, одной из борцов за равноправие женщин, встречается критика одной из ее современниц. Цебрикова в достаточно жесткой форме высказывает мысль, что не учеба и не заработок составляют экономическую свободу женщины – это только половина свободы [Павлюченко 1988, с. 207].

Вопрос женской эмансипации является отдельным столпом романа и проявляется в произведении не только в виде браков Веры Павловны. Русская литература, развивающаяся в своем реализме и отражающая общественную позицию на ряд проблем современности, начиная с 1840-х гг. активно обращалась к теме «социального дна» и проституции соответственно. Продолжая развивать идею того, что женщина может быть свободна лишь в случае своей экономической эмансипации, Н.Г. Чернышевский, как и ряд других русских классиков, рассуждал над темой спасения «падшей женщины» и степени ее испорченности в целом. Однако

⁴ Засулич В.И. Воспоминания. М., 1931. С. 18.

данные рассуждения еще были далеки от реальности и были скорее утопическими установками. Он рисует то портрет бывшей проститутки Насти Крюковой, спасенной Кирсановым и постепенно умирающей от чахотки, то Жюли Ле-Теллье, содержанки русского офицера. В самом начале романа Жюли говорит Вере Павловне, что «не тем я развращена, что тело мое было предано поруганию, а тем, что я привыкла к праздности, к роскоши, не в силах жить сама собою, нуждаюсь в других, угождаю, делаю то, чего не хочу, – вот это разврат!»⁵. Бывшую парижскую уличную проститутку Жюли, находящуюся в России в более «удачном» положении камелии (содержанки), Чернышевский рисует как женщину, осознавшую потерю собственной чистоты и страдающей от этого. Героиня Жюли делает простой вывод для читателя – лучше найти в себе силы быть уличной проституткой, чем опуститься жить в таком падшем обществе, где даже проститутка обладает большим великодушием. При этом, положение Жюли также не является прочным, хотя в романе и делаются упоминания того, что ее покровитель предлагал ей венчаться и что она известна всей аристократической молодежи столицы. В историко-статистических исследованиях М.Г. Кузнецова описывается случай, когда один богатый барин узнал в одной из бродяг «камелию, поражавшую всех своей красотой и роскошью и у которой этот самый господин не мог прежде заслужить внимания» [Кузнецов 1871, с. 21].

Роман буквально пронизан идеей спасения «падших женщин», что прослеживается в поступке Кирсанова – спасении Настасьи Крюковой. Он помог ей расплатиться с хозяйкой публичного дома, которой она должна была 17 целковых. Обычно женщины были поставлены в условия, в которых задолженность продолжала расти – сумму удваивали или даже утраивали наряды, пища и кров, предоставляемые самой содержательницей дома. Эта причина была одним из способов вербовки молодых девушек в бордели. «Дурные семейные примеры и поощрения к разврату со стороны родственников» [Кузнецов 1871, с. 18] являлись частой причиной становления молодых девушек и даже девочек

⁵ Чернышевский Н.Г. Что делать? М., 2022. С. 52.

проститутками. Пример Веры Павловны и Сторешникова строился на таком же принципе выгодной продажи со стороны ее матери.

В биографии революционера 1860-х гг., одного из членов ишутинской организации И.А. Худякова есть показательный момент. Его дом часто являлся местом обитания нуждавшихся и неимущих, получавших там не только кров и деньги, но и образование. Так, летом 1865 г. у семейства Худяковых поселилась молодая девушка Е.Д. Шемякина. Еще до этого она была пристроена в бесплатную женскую школу А.К. Европеус по просьбе другого народника, А.Н. Энгельгардта. Он желал вывести ее из-под влияния «не совсем нравственной семьи». Если ориентироваться на рассказы современников, ее сестрой была публичная женщина. Девушка прожила у Худяковых около трех месяцев [Виленская 1969, с. 60–61.].

Лейтмотив эпохи в спасении падших женщин ярко проглядывается и в жизни русского критика Н.А. Добролюбова. Его длительные отношения с Терезой Карловной Грюнвальд, бывшей проституткой, характеризовались всеми особенностями эпохи. В частности, попытками просветить представителей низкого сословия, приобщить бывших ночных жриц к интеллектуальному и более честному труду. Тереза предлагала свои услуги на частной квартире, где проживала с двумя другими девушками, а после попала в бордель. Глядя на быт Терезы, в своих записях Добролюбов отмечал, что «бедная, презренная обществом девушка говорила мне иногда такие вещи, которых напрасно стал бы добиваться я от женщин образованных» [Вдовин 2017, с. 99].

В середине 1857 г. произошло «спасение» Грюнвальд – Добролюбов оплатил за нее долг и снял для нее комнату. Общение с Добролюбовым уже после окончания связи приносило Грюнвальд интеллектуальную пользу – в своих письмах она просила бывшего любовника принести ей книг [Дамы 2022, с. 24]. В читательском «рационе» Терезы находились также небезызвестные «Современник», «Отечественные записки» и «Колокол». Кроме того, сами занятия Грюнвальд были уже другими. Она шила, выполняла мелкие поручения Добролюбова и, если верить ее дальнейшим письмам к нему, решила заняться медициной, в частности, стать повитухой. У самого Добролюбова

перед глазами был другой пример подобной благотворительности, когда его знакомый студент Евлампий Лебедев в 1856–1857 гг. спас некую Екатерину Ясунову [Дамы 2022, с. 30]. Таким образом, литературный пример Кирсанова был скорее отображением эпохи, уже взятым на заметку типом поведения. Но книжный интерес Грюнвальда не мог быть ее полноценным вхождением в революционную молодежь. Более полноценной попыткой «влиять» представительниц проституции в число «новых людей» явился пример мастерской госпожи Полянской.

Воспоминания Е.Н. Водовозовой отражают множество аспектов жизни дворянства и интеллигенции 1860-х гг., в том числе затрагивают и влияние романа на прогрессивные слои общества. В них же описывается несколько швейных мастерских. Первая мастерская просуществовала недолго и закрылась по тем же причинам, что и многие до нее. Вторая мастерская просуществовала значительно дольше и имела достаточно необычный опыт. Некий Д.С., знакомый Е.Н. Водовозовой, переехал из провинции в Санкт-Петербург. Как человек идейный и начитанный, ему не составило труда проанализировать причины неуспеха новых предприятий. Первая: женщины менее мужчин разбираются в экономических тонкостях и зря не обращаются к ним за советом. Вторая: во главе кооперативов стояли неопытные женщины, не знающие швейного дела. Третья: малограмотные швеи не поймут идеи романа в условиях, когда мастерская несет колоссальные убытки. Четвертая: при создании мастерской не стоит полагаться на кассовые сборы знакомых, а иметь свой запас средств. И, наконец, пятая: модный магазин, ориентированный на богатых заказчиц, не может иметь вид нигилистического сообщества.

Главной задачей мастерской является увеличение заказов, а соответственно и прибыли. Только в таких условиях делается возможным улучшение жизни швей и уровня их образования. По его мнению, «распорядительница мастерской обязана являться всегда одетою, как настоящая мадам, хотя бы она и презирала наряды; при этом она сама должна уметь прекрасно шить, кроить и

обладать изящным вкусом»⁶. Подобная мысль Д.С. вызвала протесты нового поколения, решительного настроенного на отрицание роскоши. На это Д.С. отвечал оппонентам, что «такими соображениями и сохранением внешних атрибутов своей принадлежности к “молодой России” можно пожертвовать для торжества высокого общественного идеала»⁷. «Цель оправдывает средства» – тривиально звучало между строк идеи.

Подобные споры отравили от Д.С. часть молодежи, опасавшейся ущерба своей демократической репутации, однако это не помешало ему набрать людей для исполнения нового дела, тем более, что он на практике показывал обоснованность своих доводов. Плюсом являлось и то, что Д.С. был знаком со многими богатыми и крупными чиновниками и имел возможность советовать мастерскую для заказов. Также он получал из дома 130 рублей, из которых на 30 рублей мог спокойно существовать, а остальные 100 обещал ежемесячно вносить в течении полугода на нужды предприятия. Кроме того, в его распоряжении находилась сумма в 1000 рублей, которая каким-то образом должна была пойти на дело, тесно связанное с новой мастерской. Таким образом, материальная основа нового товарищества была более устойчива и реальна.

Д.С. порекомендовал в качестве хозяйки-распорядительницы госпожу Полянскую, женщину лет сорока, обладавшую приятными манерами и знаниями иностранных языков. Полянская умела произвести впечатление на светских дам и кроме того основательно изучала кройку и шитье. Мотивы самой женщины тоже были непросты. С одной стороны, она выражала сочувствие «новым идеям» и предприятию, а с другой, осталась без средств к существованию после смерти мужа. Находя для себя неприличным идти в обычный модный магазин (что бы о ней подумали знакомые!), она была рада счастливому случаю помочь «идейной мастерской». В качестве помощи она предлагала обставить новую мастерскую своей мебелью и вещами, а также найти хороших клиентов. В целом, г-жа Полянская произвела

⁶ Водовозова Е.Н. На заре жизни: Воспоминания Е.Н. Водовозовой. СПб., 1911. С. 584.

⁷ Там же.

приятное впечатление на молодежь, хотя ее взгляды и слишком изящный вид не полностью понимались остальными. Но Полянская вовсе не читала знаменитого романа...

Организаторы поставили обязательным условием прочтение произведения, которое вскоре было выполнено. Удачная кандидатура Полянской вскоре нашла свое практическое подкрепление. Мало того, что заказов сразу обнаружилось больше, чем требовалось, так еще и изначальное устройство мастерской было выгодно и достаточно недорого обставлено. Заказчицы были очарованы советами Полянской, ее французским и английским говором, манерами и количество клиенток стремительно росло. Через три месяца мастерская уже не требовала тех ежемесячных ста рублей, которые вносил Д.С. Полянская предугадывала, что уже в следующий месяц, несмотря на дополнительные траты, должна получиться маленькая прибыль. Также ею было внесено изменение в рабочий уклад мастерской – она предложила сократить на час работу портних без ущерба заработной плате и выделить его на чтение. Идейные люди объясняли портнихам отрывки из Гоголя, Островского, Некрасова. Д.С. помогал Полянской и с набором новых портних, который он взял на себя. Первым делом Д.С. привел одну из новеньких к Водовозовой, которую попросил приютить ту на недельку-другую и заняться ее образованием. Новенькую звали Таней, ей было около 19 лет и по рассказам самой девушки, сложные взаимоотношения с мачехой вынудили ее бросить родную семью и уехать в Петербург. Она была почти безграмотна, плохо читала, еще хуже писала и не проявляла никакого интереса к прочитанному, «выражалась языком полуграмотных горничных»⁸. При этом о подробностях ее прошлого Водовозовой больше ничего не было известно. Она часто заставляла девушку в слезах, которая не знала, как ей приспособиться к новой среде. В ответ на расспросы Водовозовой Д.С. спросил ее, помнит ли она описание Жюли и Насти Крюковой в романе. Он указывал на то, что первая оказалась способной на бескорыстную привязанность, а вторая после спасения Кирсановым «переродилась в любящее, стыдливое

⁸ Там же. С. 587.

создание»⁹. Он приходил к выводу, что «нет такой девушки, у которой временный разврат мог бы загубить всякое нравственное чувство».

Таня рисовалась в рассуждениях Д.С. как жертва общества, его страстей и что именно такие создания заслуживают сочувствия больше остальных. «Самостоятельно же вырваться им из этого омута невозможно» – констатировал он. Именно здесь и был раскрыт план Д.С., на который он откладывал тысячу рублей: для Тани и двух других выкупленных девушек были заняты комнаты. Д.С. рассчитывал, что в скором времени они смогут существовать уже самостоятельным трудом. Можно ли говорить о том, что распорядитель всего этого мероприятия не знал о реакции самой Тани, ее слезах и отсутствии интереса к общественной идее? Нет, Е.Н. Водовозова рассказывала ему об этом. Скорее всего, он полагал, что это было лишь изначальное сопротивление новой среде со стороны «падших девушек», отголоски их прошлой порочной жизни. Более важным обстоятельством являлось то, что он решил не раскрывать прошлого девушек г-же Полянской, которая, по его мнению, не могла оценить глубины идеи из-за своей принадлежности к другому кругу.

Однако всё это вскоре проявилось на практике и уже не требовало никаких объяснений. На пятый месяц существования мастерской Полянская направила письмо, в котором просила избавить ее от трех предоставленных девушек. Характеристика, даваемая Полянской, была незавидной. Все трое не умели шить, пачкали материал, работали неохотно и недобросовестно. Поведение двух из них также оставляло желать лучшего. «Наглость и бесстыдность», оно заключалось в презрении к хорошо одетым заказчицам, которых бывшие проститутки догоняли и всячески дразнили – показывали языки, кричали срамные слова, делали непристойные жесты. После закрытия мастерской вульгарное поведение продолжалось. Две проститутки приплясывали и пели непристойную песню «во все горло», сопровождая «концерт» теми же неприличными жестами. Конечно, подобное не могло не отразиться на количестве клиенток, но мастерская также

⁹ Там же.

продолжала терять и талантливых портних. После вечернего концерта проституток в мастерскую вбежал отец одной швеи и потребовал срочного расчета дочери, так как ее и ее родителей были обязаны предупредить, что в мастерскую набирают проституток.

Таня, в отличие от своих подруг по ремеслу, хотя и не бунтовала подобным образом, но по-прежнему не проявляла интереса к делу. Она продолжала плакать и жаловаться на головную боль, шитье у нее не шло и выпадало из рук, а сама девушка все чаще уходила пораньше из мастерской. Полянская негодовала от того, как Д.С. извратил мысль романа и как грубо он пытался копировать спасение Кирсановым Крюковой. По ее мнению, Крюкова под влиянием своей чистой любви к Кирсанову и его руководством смогла исправиться и лишь после этого поступить в мастерскую. Про то, что портнихи должны набираться из бывших жриц любви, у Чернышевского ничего не было сказано. Кроме того, Полянская прямо заявила, что намерена в течение полторы недели покончить с работой и уйти из мастерской, даже если все три проститутки покинут заведение. По мнению Полянской, нововведение кружка скомпрометировало ее как честную женщину, сделав в глазах окружающих «начальницей проституткою», что в будущем могло лишить ее честного заработка. Она опасалась, что в будущем появится какая-то новая неожиданность, которая также поставит ее в неудобное положение. Уход Полянской обусловил закрытие мастерской, так как ей не было найдено достойной преемницы¹⁰.

Судьба троих проституток позже оказалась известной, но лишь частично. Все они, вероятно, сговорившись, исчезли за несколько дней до закрытия швейной мастерской. Позже Е.Н. Водовозова случайно пересеклась с оживленной, веселой и блестяще одетой Таней в театре, которая поведала ей, что находится на содержании у какого-то хорошего господина. В целом Д.С. оказался почти прав – Жюли Ле-Теллье воплотилась в девятнадцатилетней Тане, но, скорее всего, без тех нравственных ориентиров героини Чернышевского.

¹⁰ Там же. С. 588–589.

Как отмечала сама Водовозова, идея спасения падшей женщины пронизывала всю эпоху, что коснулось не только радикально настроенной молодежи, но даже и зрелых людей, заключавших браки с представительницами подобной профессии. Вместе с тем госпожа Полянская была права в отношении способов исправления проституток в романе Чернышевского. Как бы не были хороши нововведения некоего Д.С., его экономическая и финансовая подкованность, тем не менее его идеологический инфантилизм поставил крест на вполне успешном предприятии швейной мастерской. Излишняя идеализация попавших в беду молодых девушек, абсолютное незнание психологии и мира проституток и уверенность в том, что спасти требовалось абсолютно всех – все это было общей проблемой времени, а не только учредителя мастерской. Насильственное внедрение проституток в чуждую для них образованную сферу, даже с благородными попытками поправить их уровень грамотности и помочь финансово, не мог воспитать в них желания меняться и интересоваться конкретными вещами. Здесь и заключалась смешная горечь спасения – чтобы дать девушкам свободу выбора, они ее лишались самими «спасителями». Но все это прокладывало рассуждение над причинами и проблемами проституции, женской эмансипации и поисками удачных экономических моделей в новые десятилетия, время для которых только настаивало.

ЛИТЕРАТУРА

-
- Вдовин 2017 – *Вдовин А.В.* Добролюбов: разночинец между духом и плотью. М.: Молодая гвардия, 2017. 298 с.
- Виленская 1969 – *Виленская Э.С.* Худяков. М.: Издательство ЦК ВАКСМ «Молодая гвардия», 1969. 175 с.
- Дамы 2022 – *Дамы без камелий: письма публичных женщин Н.А. Добролюбову и Н.Г. Чернышевскому / Сост., науч. ред., авт. науч. ст. и коммент. А.В. Вдовин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики».* М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 238 с.

- Дианова 2022 – Дианова Е.В. Кооперативная беллетристика Н.Г. Чернышевского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44. № 8. С. 37–49.
- Кузнецов 1871 – Кузнецов М.Г. Проституция и сифилис в России: Историко-статистические исследования. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1871. 268 + 76 с.
- Павлюченко 1988 – Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении: От Марии Волконской до Веры Фигнер. М.: Мысль, 1988. 269 с.
- Революционеры 1986 – Революционеры 1870-х годов: Воспоминания участников народнического движения в Петербурге / Сост. В.Н. Гинев. Л.: Лениздат, 1986. 439 с.

REFERENCES

-
- Dianova, E.V. (2022), “Cooperative fiction by N.G. Chernyshevsky”, *Scientific Notes of Petrozavodsk State University*, vol. 44, no. 8, pp. 37–49.
- Ginev, V.N., ed. (1986), *Revolutionaries of the 1870s: Memoirs of participants in the narodnik movement in St. Petersburg*, Lenizdat, Leningrad, USSR.
- Kuznetsov, M.G. (1871), *Prostitutsiya i sifilis v Rossii: Istoriko-statisticheskie issledovaniya* [Prostitution and syphilis in Russia: Historical and statistical studies], Printing house of V.S. Balashev, St. Petersburg, Russia.
- Pavlyuchenko, E.A. (1988), *Zhenshchiny v russkom osvoboditel'nom dvizhenii: Ot Marii Volkonskoi do Very Figner* [Women in the Russian liberation movement: From Maria Volkonskaya to Vera Figner], Mysl', Moscow, USSR.
- Vdovin, A.V., ed. (2022), *Ladies without camellias: letters from public women to N.A. Dobrolyubov and N.G. Chernyshevsky*, National research. University of Higher School of Economics, Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia.
- Vdovin, A.V. (2017), *Dobrolyubov: raznochinets mezhdu dukhom i plot'yu* [Dobrolyubov: the difference between spirit and flesh], Molodaya Gvardiya, Moscow, Russia.

Vilenskaya, E.S. (1969), *Khudyakov* [Khudyakov], Publishing House of the Central Committee of the Komsomol “Young Guard”, Moscow, USSR.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мария С. Иванова, студент бакалавриата, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия; 460014; Россия, Оренбург, Советская ул., 19; 704241@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria S. Ivanova, bachelor student, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia; 460014; Russia, Orenburg, Sovetskaya str., 19; 704241@list.ru

Дореволюционное научное наследие С.Ф. Платонова
в советской историографии

Илья В. Пашков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, st-pashkov.i@rsggu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема трансформации восприятия дореволюционного научного наследия Сергея Фёдоровича Платонова (1860–1933) в советской историографии. В центре внимания исследования – оценки в советской исторической науке двух монографий С.Ф. Платонова по мотивам магистерской (1888) и докторской (1899) диссертаций как наиболее крупных научных работ учёного дореволюционного периода. Рассматривается критика советскими историками источниковедческой работы, оценок социально-экономического и политического кризиса в Московском государстве конца XVI – начала XVII в., опричнины Ивана Грозного, восстания Ивана Болотникова, народных ополчений, интервенции, историко-географической работы и в целом оригинальности концепции Смуты С.Ф. Платонова. В связи с последним аспектом отдельно показана проблематика научных связей С.Ф. Платонова с В.О. Ключевским в советской историографии. Выделение советскими учёными положительных сторон в работах С.Ф. Платонова и рост интереса советской исторической науки к его личности представляют самостоятельный предмет изучения. В исследовании также предпринимается попытка составления комплексного взгляда на научное творчество С.Ф. Платонова с точки зрения советской историографии как на наследие представителя дореволюционной исторической науки в целом.

Ключевые слова: Сергей Фёдорович Платонов, Василий Осипович Ключевский, советская историография, Смутное время, Смута, опричнина, восстание Ивана Болотникова, Московское государство

Для цитирования: Пашков И.В. Дореволюционное научное наследие С.Ф. Платонова в советской историографии // Молодой историк. 2025. № 2. С. 137-155.

Pre-revolutionary scholar heritage of S.F. Platonov
in Soviet historiography

Ilia V. Pashkov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, st-pashkov.i@rggu.ru*

Abstract. The article is dedicated to how the perception of the pre-revolutionary scholar heritage of Sergei Fedorovich Platonov (1860–1933) in Soviet historiography was transformed. The investigation focuses on the evaluation in Soviet historical science of two Platonov's monographs based on his master's (1888) and doctoral (1899) dissertations as the his most important scholar works of the pre-revolutionary period. The article examines the Soviet historians' criticism of source studies, assessments of the socio-economic and political crisis in the Moscow state of the late 16th – early 17th centuries, the oprichnina of Ivan the Terrible, the uprising of Ivan Bolotnikov, the people's militias, intervention, work in historical geography and, in general, the originality of S.F. Platonov's concept of Smuta. In connection with the latter aspect, the problems of scholar relations between S.F. Platonov and V.O. Klyuchevsky in Soviet historiography are demonstrated separately. The identification of positive aspects in Platonov's works by Soviet historians and the growing interest of Soviet historical science in his personality represent an independent subject of study. The author also attempts to compile a comprehensive view of Platonov's scholar activities from the point of view of Soviet historiography as the legacy of a representative of pre-revolutionary historical science as a whole.

Keywords: Sergey Fyodorovich Platonov, Vasilii Osipovich Klyuchevskii, Soviet historiography, Time of Troubles, Smuta, oprichnina, Uprising of Bolotnikov, Moscow State

For citation: Pashkov, I.V. (2025), “Pre-revolutionary scholar heritage of S.F. Platonov in Soviet historiography”, *Young Historian*, no. 2, pp. 137-155.

Широкий исследовательский интерес представляет научное наследие отечественного историка, академика Академии наук СССР Сергея Фёдоровича Платонова (1860–1933 гг.). С.Ф. Платонов считается крупнейшим позднеимперским и раннесоветским специалистом по отечественной истории XVI–XVII вв. и автором ряда ценных для исторической науки работ по отдельным сюжетам средневековой российской истории и петровской эпохи.

Научное творчество С.Ф. Платонова чётко разделяется на дореволюционный и советский периоды. Наиболее влиятельные крупнейшие труды историк написал в конце XIX – начале XX вв. В последние годы жизни С.Ф. Платонов опубликовал ряд биографических работ, исследования отдельных аспектов истории XVI–XVII вв. и эпохи Петра I, а также имел планы по написанию истории Древней Руси, которым не удалось реализоваться в полной мере [Брачев 1993, с. 120].

Дореволюционное научное наследие С.Ф. Платонова было предметом историографических исследований и дискуссий в советской исторической науке. Разнообразные оценки и критика отдельных аспектов исследований С.Ф. Платонова советскими историками уже сформировали широкое самостоятельное исследовательское поле, требующее критического историографического рассмотрения, что представляет собой научную проблему. Таким образом, настоящее исследование стремится охарактеризовать ключевые оценки дореволюционного научного наследия С.Ф. Платонова в советской историографии.

Первым трудом, благодаря которому С.Ф. Платонов получил научное признание от коллег, является его источниковедческое исследование «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник».

Работа над монографией велась в 1886–1888 гг., после чего С.Ф. Платонов защитил её в качестве магистерской диссертации 11 (23) сентября 1888 г. в Императорском Санкт-Петербургском университете. Впервые исследование было опубликовано в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1887–1888 гг., а затем издано отдельной книгой в том же году [Брачев 2010, с. 45, 59]. При жизни С.Ф. Платонова монография также была переиздана в 1913 г.

Изначально С.Ф. Платонов хотел изучить все литературные памятники XVII в., относящиеся к Смутному времени, но, постепенно углубляясь в тему, исключил практически все областные и местные сказания. В итоге учёный смог охватить более 60 произведений о Смуте по 150 рукописям из архивохранилищ Санкт-Петербурга, Румянцевского музея в Москве, Синодальной библиотеки, Библиотеки Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии, а также провинциальных архивов и библиотек благодаря усилиям управляющего делами Археографической комиссии А.Н. Майкова [Брачев 2010, с. 45–46].

В советской историографии было специально отмечено место исследования С.Ф. Платонова в отечественной исторической науке. Однако несмотря на научные достижения и организаторские заслуги С.Ф. Платонова перед советскими научными и культурными учреждениями, его судьба трагически закончилась поворотным для российской исторической науки «Академическим делом» 1929–1931 гг. В рамках процесса с 29 января по 16 февраля 1931 г. прошла серия объединённых заседаний Института истории при Ленинградском отделении Коммунистической академии и Ленинградского отделения Общества историков-марксистов, на которых были зачитаны разгромные доклады директора Института истории ЛОКИ Г.С. Зайделя и профессора Ленинградского института философии, лингвистики и истории М.М. Цвибака против историков Е.В. Тарле и С.Ф. Платонова соответственно. Несмотря на обстоятельства и тон текста, в докладе М.М. Цвибака о С.Ф. Платонове приводятся ценные биографические сведения и критика научных работ учёного.

М.М. Цвибак считал, что С.Ф. Платонов исследовал эпоху Смутного времени, потому что больше всего его «интересовала

контрреволюция, ликвидация “смуты”», чем историк собирался научно обосновать правление династии Романовых [Зайдель, Цвибак 1931, с. 79]. М.М. Цвибак также раскритиковал источниковедческую работу С.Ф. Платонова за простой поиск фактологии без классовой подоплёки, в результате чего обвинил его в правых взглядах. Примером тому служит, по мнению М.М. Цвибака, отношение С.Ф. Платонова к памятнику эпохи Смуты «Сказанье о бедах и скорбях», который исследователь отказался признать историческим источником из-за излишне предвзятого восприятия современных произведению политических событий с точки зрения низших слоёв общества [Зайдель, Цвибак 1931, с. 89].

Н.А. Рубинштейн отмечал труд С.Ф. Платонова в контексте российской исторической науки «эпохи империализма», когда источниковедческая работа часто предшествовала более крупному конкретно-историческому исследованию [Рубинштейн 1941, с. 492]. Именно в связи с этой тенденцией С.Ф. Платонов перед написанием фундаментального труда по истории Смуты углубил изучение источниковой базы эпохи. По мнению Н.А. Рубинштейна, благодаря исследованию С.Ф. Платонова историческую повесть удалось рассмотреть как источник сведений о социальной борьбе в Русском государстве конца XVI – начала XVII вв. [Рубинштейн 1941, с. 505]. В.Е. Иллерицкий также отмечал, что С.Ф. Платонов «проделал большую работу по изучению источников начала XVII века – сказаний и повестей, впервые опубликовав многие из них и написав специальный труд, посвящённый их анализу» [Иллерицкий 1957, с. 59–60].

С.Н. Валк заметил, что С.Ф. Платонов, приступая к изучению Смутного времени, поставил цель исследовать общественные отношения того времени для отслеживания развития событий и расширения их понимания и показал образцовый пример исследования такого сложного исторического источника. С.Н. Валк также подчеркнул достоинства исследования С.Ф. Платонова, заключающиеся в том, что он очень качественно отразил в источниковедческой критике контекст эпохи и обстоятельства, в которых возникали изучаемые источники, а также

то, как эти источники отражали борьбу социальных групп и их интересы [Валк 1948, с. 48].

С.М. Каптанов связал источниковедческие исследования литературных памятников в 1880-е гг. со стремлением изучать кризисные эпохи в истории России. Несмотря на то, что не все источниковедческие работы этого времени имели политический уклон, монография С.Ф. Платонова «живо переключалась с проблемами современности». По мнению С.М. Каптанова, С.Ф. Платонов свёл весь конфликт Смуты к внешнеполитической борьбе с врагами русской народности и православия, однако впервые в источниковедческих исследованиях второй половины XIX в. указал на политическую предвзятость авторов литературных памятников [Очерки 1960, с. 590–591].

В 1905 г. слушатели Петербургского археологического института издали литографированный курс лекций С.Ф. Платонова по источниковедению. С.М. Каптанов отметил, что, согласно этому курсу, в трактовке понятия исторического источника Платонов следовал воззрениям Ключевского, «разумая под источником “всякий остаток старины, который мы изучаем”» [Очерки 1963, с. 575]. При этом С.М. Каптанов раскритиковал классификацию исторических источников Платонова (разделение на летописные и юридические) как «лишённую историзма», так как тем самым С.Ф. Платонов отверг исследование классовый природы источника [Очерки 1963, с. 576]. М.В. Нечкина писала, что «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник» С.Ф. Платонова «были в числе новинок, которые легли на столе Ключевского, когда он впервые набросал план специального источниковедческого курса» [Нечкина 1974, с. 291].

А.А. Шапиро ставил в заслугу С.Ф. Платонову публикацию источников начала XVII в., ставшую ценным материалом для исследователей разных профилей. А.А. Шапиро также отметил источниковедческий анализ С.Ф. Платонова памятников начала XVII в. и восстановление учёным биографий авторов некоторых источников [Шапиро 1962, с. 46-47]. В этой связи Ю.А. Иванов заметил, что С.Ф. Платонов устанавливал социальный контекст происхождения изучаемых памятников, проверяя тем самым их

подлинность. Источниковедческая работа С.Ф. Платонова подготовила методологическую основу для его дальнейших исследований Смутного времени с точки зрения социальной и политической борьбы [Иванов 1983, с. 93–94].

По мнению В.А. Шарова, С.Ф. Платонов скрупулёзным анализом литературных источников начала XVII в. восполнил важный пробел в отечественной историографии. Учёный не только ввёл в научный оборот новые источники и дал им исчерпывающую критическую характеристику, но также создал основу для литературоведческих исследований той эпохи. Таким образом, С.Ф. Платонов смог выявить и опубликовать практически все известные в то время памятники, предварительно изучив их как источники общественно-политической мысли [Шаров 1984, с. 74].

А.Н. Цамутали считал источниковедческие исследования С.Ф. Платонова осмыслением современных ему событий. Исследователь объяснил изначальный интерес С.Ф. Платонова к народным ополчениям 1611–1612 гг. и их социальному составу, что в итоге привело его к источниковедческому исследованию, изменениям в политических взглядах, вызванных убийством императора Александра II в конце университетского обучения С.Ф. Платонова. Это событие привело к новым общественным вопросам, в частности, о тех общественных силах, которые могут восстановить государственный порядок, и ответ на это можно было найти в истории Смутного времени [Цамутали 1986, с. 82–83].

Главным научным трудом и творческим достижением С.Ф. Платонова, по его собственному признанию, является его монументальное исследование «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII в. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)», защищённое им в качестве докторской диссертации 3 (15) октября 1899 г. в университете Св. Владимира в Киеве и дважды переизданное при его жизни (в 1901 г. и в 1910 г.). С.Ф. Платонову удалось написать диссертацию «в рекордно короткий срок» – с января 1896 г. по лето 1899 г. – благодаря освобождению от ряда должностей и наличию основы из магистерской диссертации [Брачев 2010, с. 99–101].

В первой части своего исследования С.Ф. Платонов представил подробную географическо-экономическую справку о Московском государстве XVI в. и историю социально-экономического и политического кризиса второй половины XVI в., предшествовавшего Смуте. Во второй части, соответственно, в хронологическом порядке описывается сама история Смуты, разделённая на три периода и восемь «моментов» – от прерывания династии Ивана Калиты в 1598 г. до воцарения Михаила Романова в 1613 г. Кроме ранее изученных Платоновым древнерусских повестей и сказаний о Смутном времени, «широко использованы в “Очерках” и документы центрального и местного делопроизводства Московского государства: писцовые, переписные, дозорные и разрядные книги, монастырские грамоты, другие материалы» [Брачев 2010, с. 103–104].

Вскоре после следствия по «Академическому делу» 1929–1931 гг. часть историков, проходивших по нему, в том числе Е.В. Тарле, смогли вернуться из ссылки и вновь приступить к своей работе. Этого не застал С.Ф. Платонов, скончавшись в ссылке в Самаре. При этом сами инициаторы дела стали жертвами репрессий в 1937 г. Среди них были уже упомянутые Г.С. Зайдель и М.М. Цвибак, подготовившие разгромные доклады против «старых» историков, а также представители так называемой «школы М.Н. Покровского», лидер которой и организовал травлю учёных.

На фоне этих событий если не сам С.Ф. Платонов, то его научное наследие было в каком-то смысле «реабилитировано» посмертным переизданием «Очерков истории Смуты» в 1937 г. В рецензии Л. Иванова на переизданную монографию отмечается, что она представляет собой «ценный и полезный труд», но при этом в ней вся Смута сводится «к политической борьбе вокруг самодержавия», а также отсутствует «правильная оценка борьбы русского народа против “иноземщины”» [Иванов 1938, с. 155–156].

Ранее М.М. Цвибак обвинял С.Ф. Платонова в оправдании своим исследованием правления Романовых и в исключении им революции и общественного переворота ради борьбы за порядки конца XVI в. с помощью представителей «средних классов» – низовых дворян и посадских людей, составивших основу «контрреволюции» и формирования «самодержавно-

крепостнической России» вместо «капиталистической России». При этом С.Ф. Платонов, по наблюдениям М.М. Цвибака, не считал народное движение жизнеспособным, но и не критиковал его как классово враждебное [Зайдель, Цвибак 1931, с. 81–82].

Н.А. Рубинштейн установил, что С.Ф. Платонов рассматривал историю Смуты с точки зрения разрушения и восстановления государственного порядка, но его новшество для буржуазной историографии заключается во взгляде на Смуту с точки зрения социальной борьбы. При этом данная С.Ф. Платоновым в исследовании социальная характеристика «неопределённая и чужда самому понятию класса», а события всё же подчинены политике [Рубинштейн 1941, с. 504–505].

Н.А. Рубинштейн также обнаружил заимствование С.Ф. Платоновым у В.О. Ключевского идеи последовательного вовлечения в Смуту всех слоёв общества Московского государства [Рубинштейн 1941, с. 505]. М.В. Нечкина уточнила, что это положение Платонов взял из литографированного «Курса русской истории» В.О. Ключевского ещё до его официальной полной публикации [Нечкина 1974, с. 514–515]. В.Е. Иллерицкий практически отказал С.Ф. Платонову в оригинальности его концепции Смуты в пользу В.О. Ключевского и посчитал, что его исследование ещё теснее сблизило дворянскую и буржуазную историографию к концу XIX века из-за оценок Смутного времени с «монархических позиций» и отношения к народным движениям эпохи как «анархическим» [Иллерицкий 1957, с. 60].

А.А. Шапиро выявил приверженность С.Ф. Платонова «вульгарной буржуазной теории факторов» В.О. Ключевского из-за рассмотрения первым социального конфликта классов наравне с политической борьбой за престол и даже возвышения в истории Смуты политического фактора над экономическим. А.А. Шапиро также упрекнул С.Ф. Платонова в политической ангажированности за подчёркивание им особой роли служилого дворянства и посадских торговых людей в народных ополчениях в борьбе против интервентов [Шапиро 1962, с. 48–49].

А.В. Черешнин отмечал значительное количество исторического материала, изученного С.Ф. Платоновым, и считал его труд «достижением буржуазной историографии». Однако

привязка ученым Смуты к династическому кризису с последующим её разрешением за счёт избрания нового царя, а также рассмотрение им народных выступлений как общественного «недуга» свидетельствуют, по мнению А.В. Черепнина, о «консервативно-монархических взглядах» С.Ф. Платонова и о «торжестве самодержавия» как «оплота порядка» в его концепции истории Смутного времени [Очерки 1963, с. 317–318].

И.К. Додонов тоже отмечал масштабы охваченного С.Ф. Платоновым документального материала как одну из сильнейших сторон его монографии вместе с верным описанием причин кризиса конца XVI в., выросшего из опричнины и накопившихся противоречий среди московской элиты. Однако Платонов в большей степени, как считал И.К. Додонов, сконцентрировался на борьбе «верхов», не раскрыв тем самым классовых противоречий в Московском государстве и показав, чем может быть опасен кризис самодержавной власти [Историография 1971, с. 408–409].

А.М. Сахаров утверждал, что идеи русских книжников XVII в. о прямой связи Смуты с пресечением царской династии напрямую повлияли на политические взгляды и монархические убеждения С.Ф. Платонова. При этом учёный отметил богатство фактического материала исследования С.Ф. Платонова и качественное развёртывание им полной картины событий и связей эпохи, что позволило сохранить интерес советских историков к его монографии. Тем самым Платонов использовал достижения либеральной историографии для расширения методологической основы изучения Московского самодержавного государства XVI–XVII вв. [Сахаров 1978, с. 212].

Ю.А. Иванов обнаружил предложенную С.Ф. Платоновым периодизацию истории Смуты в «Новом летописце», которую ранее также взял В.О. Ключевский за основу своих построений [Иванов 1983, с. 96]. Платонов первым в дореволюционной историографии подробно изучил деятельность, состав и причины распада Первого ополчения, хотя, как считает Ю.А. Иванов, идея победы в Смуте «средних слоёв» общества и общие итоги кризиса, сформулированные Платоновым, не отличались от выводов Ключевского [Иванов 1983, с. 98–99].

В.А. Шаров назвал «самой разработанной» концепцию истории Смутного времени, предложенную С.Ф. Платоновым, возведя её к взгляду С.М. Соловьёва на Смуту как на реакцию государственной централизации на «анархические силы» [Шаров 1984, с. 125]. Среди достоинств работы С.Ф. Платонова В.А. Шаров отметил периодизацию изучаемой эпохи, систематизацию множества событий и фактов и создание цельной картины этого сложного периода в истории России [Шаров 1983, с. 161].

А.Н. Цамутали считал монографию С.Ф. Платонова первым в отечественной историографии специальным исследованием социально-экономического и политического кризиса в Московском государстве XVI – начала XVII в. При этом Платонов развил взгляды С.М. Соловьёва и В.О. Ключевского о значительном влиянии географического фактора на исторический процесс [Цамутали 1986, с. 83–84].

С.Б. Веселовский раскритиковал предложенную С.Ф. Платоновым трактовку опричнины Ивана Грозного, посчитав её не оригинальным исследованием, а обобщением существовавшей на тот момент историографии по этой теме [Веселовский 1963, с. 29]. С.Б. Веселовский назвал «сплошным недоразумением» и «запоздалой лет на сто» для времени Ивана Грозного концепцию опричнины, предложенную С.Ф. Платоновым, согласно которой московский царь боролся с бывшими удельными князьями, потому что считал их «могущественными феодалами» [Веселовский 1963, с. 32]. Историк также посчитал несостоятельным «заявление С.Ф. Платонова о том, что царь в опричнине отбирал земли у монастырей и раздавал их в поместья опричникам» [Веселовский 1946, с. 87]. По мнению С.Б. Веселовского, С.Ф. Платонов позаимствовал у С.М. Соловьёва идею перевоплощения опричнины в позднейший царский двор якобы в целях представления опричнины как продуманной государственной реформы [Веселовский 1946, с. 98].

С.Н. Валк высоко оценивал монографию С.Ф. Платонова в среде дореволюционной историографии и, в отличие от С.Б. Веселовского, считал оценки опричнины одним из достоинств работы С.Ф. Платонова наряду с характеристикой правления Бориса Годунова и описанием истории нижегородского ополчения

[Валк 1948, с. 52]. По мнению А.В. Черепнина, С.Ф. Платонову удалось углубить понимание опричнины и связать её с историей развития Русского государства в целом, а также доказать борьбу с политическими привилегиями боярства за счёт включения в опричнину земель княжат [Очерки 1963, с. 317]. И.К. Додонов утверждал, что С.Ф. Платонов перенял у В.О. Ключевского и С.М. Соловьёва идею борьбы государственного начала против «анархии», поэтому пришёл к выводу об опричнине как о ликвидации феодальной раздробленности с целью централизации государства [Историография 1971, с. 409].

Р.Г. Скрынников отметил, что С.Ф. Платонов наиболее полно в дореволюционной историографии раскрыл кризис второй половины XVI в., предшествовавший Смуте, но раскритиковал отдельные замечания С.Ф. Платонова о ходе событий Смуты, в частности о роли казаков и способствовании политики Бориса Годунова успеху самозванца [Скрынников 1985, с. 5]. В.А. Шаров скорректировал оценку позиции С.Ф. Платонова по опричнине, отметив, что ученый положительно относился к опричнине только в её целеполагании и замысле организатора, но его взгляд на реализацию и средства опричной политики «скорее отрицателен» [Шаров 1984, с. 124].

И.И. Смирнов считал, что С.Ф. Платонов воспроизвел взгляд В.О. Ключевского на восстание Ивана Болотникова как на борьбу низших классов против высших с той лишь разницей, что предпосылки восстания петербургский историк видел в конфликте «служилых землевладельцев» и «рабочих людей»; Платонов также более последовательно провёл мысль о социальном характере восстания, проанализировав политическую программу восставших [Смирнов 1951, с. 21–23]. А.А. Шапиро также отметил, что С.Ф. Платонов увидел причину восстания Болотникова в социальном конфликте служилого дворянства и трудовых масс, при этом Платонов первым в дореволюционной историографии указал на желание восставших совершить «коренной общественный переворот» [Шапиро 1962, с. 48]. По мнению А.А. Шапиро, Платонов видел сущность социального конфликта в недовольстве трудовых масс военными нуждами государства, но Р.Г. Скрынников заметил, что тем самым С.Ф. Платонов

обосновывал одну из причин Смуты в южных городах [Скрынников 1985, с. 143]. Ю.А. Иванов отметил, что С.Ф. Платонов называл «классовой борьбой» именно восстание Болотникова, но не считал таковыми выступления при Борисе Годунове [Иванов 1983, с. 97]. По оценке В.А. Шарова, Платонову удалось рассмотреть взаимоотношения всех социальных групп среди восставших, помимо одного лишь крестьянства [Шаров 1984, с. 138].

Говоря об историко-географическом очерке о Русском государстве в конце XVI в. в монографии С.Ф. Платонова, Н.Л. Рубинштейн отметил, что практически каждое крупное историческое исследование конца XIX – начала XX вв. сопровождалось подобным географическим введением [Рубинштейн 1941, с. 494]. В.К. Яцунский считал, С.Ф. Платонов составил географическую главу по данным из научной литературы и некоторых опубликованных источников [Очерки 1960, с. 650]. М.Н. Тихомиров высоко оценил географический очерк С.Ф. Платонова, хотя его «задача, впрочем, чисто служебная», поэтому в нём упущены вопросы о сельских местностях, деление по городам является условным, слабо разработаны хозяйственные особенности разных областей России и не затронут вопрос о территориальном делении [Тихомиров 1962, с. 4]. В.А. Шаров, наоборот, считает, что С.Ф. Платонову удалось охарактеризовать социально-экономическое состояние Русского государства и показать разницу жизнедеятельности людей и их социального состава в разных областях страны в описываемую эпоху [Шаров 1984, с. 90–91].

Дореволюционное научное наследие С.Ф. Платонова ещё при жизни учёного широко обсуждалось в академической среде и на страницах прессы. Фундаментальные исследования историка заполнили один из крупнейших и сложнейших пластов российской истории XVI – начала XVII вв. Величина и значение трудов С.Ф. Платонова всегда отмечались в советской историографии. Как и полагается для таких крупных научных работ, изыскания С.Ф. Платонова также оставили широкое поле для дискуссий по отдельным проблематикам, затронутых историком. Несмотря на трагическую судьбу С.Ф. Платонова и фактический

разгром его как научной фигуры в советской исторической науке в начале 1930-х гг., советская историография продолжала обращаться к дореволюционному научному наследию учёного и выделять преимущества и достижения в его исследовательской деятельности. К 1980-м гг. в советской историографии сложилась устойчивая научная биография С.Ф. Платонова и сформировались позиции по отдельным положениям концепции историка.

Оценки источниковедческой работы С.Ф. Платонова и отдельно его магистерской диссертации «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник» в советской историографии являются в целом положительными. Несмотря на критику частных сюжетов и неточностей в работе С.Ф. Платонова, во все времена ценился его значительный вклад в изучении и публикации древнерусских литературных памятников первой половины XVII в. С.Ф. Платонов редко позиционировался в историографии как историк-теоретик, но его подходы к источниковедческой работе привлекали интерес исследователей. Источниковедческие исследования С.Ф. Платонова также рассматривались в разрезе взаимоотношений учёного с В.О. Ключевским, оказавшим значительное влияние на научное и творческое формирование петербургского историка, но впоследствии разошедшимся с ним в исторических взглядах.

В советской историографии признавалось непреходящее значение главного научного труда С.Ф. Платонова «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII в. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)». Для советских историков во многом была характерна опора на политические взгляды С.Ф. Платонова при критике положений его исследования, хотя в точности его политическая позиция так и не была установлена: он считался то либеральным последователем В.О. Ключевского, то монархистом и консерватором. Хотя уже вскоре после смерти С.Ф. Платонова в советской исторической науке пристально разрабатывались отдельные проблемы, освещённые им в своей монографии, среди которых можно назвать географию и хозяйство Московского государства XVI в., опричнину Ивана Грозного, восстание Ивана Болотникова, народные ополчения и другие сюжеты истории Смутного времени.

В 1980-е гг. позиция С.Ф. Платонова по некоторым из этих вопросов была существенно уточнена, как и его интеллектуальные связи с В.О. Ключевским и С.М. Соловьёвым.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья выполнена в рамках проекта РГГУ «Интеллектуальная история как инструмент исторической экспертизы» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

ACKNOWLEDGEMENTS

This article was carried out within the RSUH project “Intellectual history as an instrument of historical expertise” (“Student Project Research Teams of the RSUH” contest).

ЛИТЕРАТУРА

- Брачев 1993 – *Брачев В.С.* Сергей Фёдорович Платонов // Отечественная история. 1993. № 1. С. 111–128.
- Брачев 2010 – *Брачев В.С.* Служители исторической науки. Академик С.Ф. Платонов. Профессор И.Я. Фроянов. СПб.: Астерион, 2010. 768 с.
- Валк 1948 – *Валк С.Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды Юбилейной научной сессии [1819–1944]: секция исторических наук: Сб. докладов. Отв. ред. А.И. Молок. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1948. С. 3–79.
- Веселовский 1946 – *Веселовский С.Б.* Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году // Вопросы истории. 1946. № 1. С. 86–104.
- Веселовский 1963 – *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 539 с.
- Зайдель, Цвибак 1931 – *Зайдель Г.С., Цвибак М.М.* Классовый враг на историческом фронте. Л.: Соцэкгиз, 1931. 232 с.
- Иванов 1938 – *Иванов А.* Рец.: Платонов, С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII веков. Опыт

- изучения общественного строя и сословных отношений в
Смутное время. Соцэкгиз. 1937 // Историк-марксист. 1938.
№ 4. С. 153-156.
- Иванов 1983 – *Иванов Ю.А.* Отечественная историография
классовой, социальной и национально-освободительной
борьбы в России в начале XVII века: Дис. ... канд. ист. наук.
Л., 1983. 235 с.
- Иллерицкий 1957 – *Иллерицкий В.Е.* Русская историография второй
половины XIX века (лекции для студентов Московского
государственного историко-архивного института). М.:
Типография МСХ РСФСР, 1957. 107 с.
- Историография 1971 – Историография истории СССР с
древнейших времён до Великой Октябрьской
социалистической революции / Под ред.
В.Е. Иллерицкого, И.А. Кудрявцева. Изд. 2-е. М.: Высшая
школа, 1971. 458 с.
- Нечкина 1974 – *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский:
история жизни и творчества. М.: Наука, 1974. 638 с.
- Очерки 1960 – Очерки истории исторической науки в СССР
/ Под ред. М.В. Нечкиной (глав. ред.) [и др.]. М.: Изд-во
АН СССР, 1960. Т. 2. 862 с.
- Очерки 1963 – Очерки истории исторической науки в СССР
/ Под ред. М.В. Нечкиной (глав. ред.) [и др.]. М.: Изд-во
АН СССР, 1960. Т. 3. 830 с.
- Рубинштейн 1941 – *Рубинштейн Н.А.* Русская историография.
М.: Госполитиздат, 1941. 659 с.
- Сахаров 1978 – *Сахаров А.М.* Историография истории СССР:
досоветский период: Учеб. пособие. М.: Высшая школа,
1978. 256 с.
- Скрынников 1985 – *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая
борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л.: Изд-во
Ленингр. ун-та, 1985. 326 с.
- Смирнов 1951 – *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова. 1606–1607.
Л.: Госполитиздат, 1951. 588 с.
- Тихомиров 1962 – *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М.: Изд-
во АН СССР, 1962. 583 с.

- Цамутали 1986 – *Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма: историографические очерки. Л.: Наука, 1986. 336 с.
- Шапино 1962 – *Шапино А.А.* Русская историография в период империализма. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 235 с.
- Шаров 1984 – *Шаров В.А.* Проблемы социальной и политической истории России второй половины XVI – начала XVII вв. в трудах С.Ф. Платонова: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 179 с.

REFERENCES

- Brachev, V.S. (1993), “Sergei Fedorovich Platonov”, *Otechestvennaya istoriya*, no. 1, pp. 111–128.
- Brachev, V.S. (2010), *Sluzhbiteli istoricheskoi nauki. Akademik S.F. Platonov. Professor I.YA. Froyanov* [Servants of historical Science. Academician S.F. Platonov. Professor I.YA. Froyanov], Asterion, St. Petersburg, Russia.
- Illeritskii, V.YE. (1957), *Russkaya istoriografiya vtoroi poloviny XIX veka (lektsii dlya studentov Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta)* [Russian Historiography of the Second Half of the 19th Century (Lectures for Students of the Moscow State Historical and Archival Institute)], Moscow, USSR.
- Illeritskii, V.YE. and Kudryavtsev, I.A. (ed.) (1971), *Istoriografiya istorii SSSR s drevneishikh vremen do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii* [Historiography of the history of the USSR from ancient times to the Great October Socialist Revolution], 2nd ed., Vysshaya shkola, Moscow, USSR.
- Ivanov, L. (1938), “Rev.: Platonov, S.F. Essays on the history of the Troubles in the Moscow State of the XVI–XVII centuries. The experience of studying the social system and class relations in the Time of Troubles”, *Istoriik-markсист*, no. 4, pp. 153–156.
- Ivanov, YU.A. (1983), *Otechestvennaya istoriografiya klassovoi, sotsial'noi i natsional'no-osvoboditel'noi bor'by v Rossii v nachale XVII veka* [Russian Historiography of the Class, Social and National Liberation Struggle in Russia at the Beginning of the 17th Century], Ph.D. Thesis (History), Leningrad, USSR.

- Nechkina, M.V. (1974), *Vasilii Osipovich Klyuchevskii: istoriya zhizni i tvorchestva* [Vasilii Osipovich Klyuchevskii: the story of his life and work], Nauka, Moscow, USSR.
- Nechkina, M.V. (ed.) (1960), *Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR* [Essays on the history of historical science in the USSR], vol. 2, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow, USSR.
- Nechkina, M.V. (ed.) (1963), *Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR* [Essays on the history of historical science in the USSR], vol. 3, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow, USSR.
- Rubinshtein, N.L. (1941), *Russkaya istoriografiya* [Russian historiography], State Publishing House of Political Literature, Moscow, USSR.
- Sakharov, A.M. (1978), *Istoriografiya istorii SSSR: dosovetskii period* [Historiography of the history of the USSR: the pre-Soviet period], Vysshaya shkola, Moscow, USSR.
- Shapiro, A.L. (1962), *Russkaya istoriografiya v period imperializma* [Russian Historiography in the Period of Imperialism], Leningrad University Press, Leningrad, USSR.
- Sharov, V.A. (1984), *Problemy sotsial'noi i politicheskoi istorii Rossii vtoroi poloviny XVI – nachala XVII vv. v trudakh S.F. Platonova* [Problems of social and political history of Russia in the second half of the 16th – early 17th centuries in the works of S.F. Platonov], Ph.D. Thesis (History), Moscow, USSR.
- Skrynnikov, R.G. (1985), *Sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Russkom gosudarstve v nachale XVII veka* [Socio-political struggle in the Russian state at the beginning of the 17th century], Leningrad University Press, Leningrad, USSR.
- Smirnov, I.I. (1951), *Vosstaniye Bolotnikova. 1606–1607* [Uprising of Bolotnikov. 1606–1607], State Publishing House of Political Literature, Leningrad, USSR.
- Tikhomirov, M.N. (1962), *Rossiia v XVI stoletii* [Russia in the 16th century], Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow, USSR.
- Tsamutali, A.N. *Bor'ba napravlenii v russkoi istoriografii v period imperializma: istoriograficheskie ocherki* [The Struggle of Trends in Russian

- Historiography during the Period of Imperialism: Historiographical Essays], Nauka, Leningrad, USSR.
- Valk, S.N. (1948), "Historical science at Leningrad University for 125 years", In *Istoricheskaya nauka v Leningradskom universitete za 125 let* [Proceedings of the Jubilee Scientific Session [1819–1944]: Section of Historical Sciences], Leningrad University, Leningrad, USSR, pp. 3–79.
- Veselovskii, S.B. (1946), "The establishment of the Oprichnina court in 1565 and its abolition in 1572", *Voprosy istorii*, no. 1, pp. 86–104.
- Veselovskii, S.B. (1963), *Issledovaniya po istorii oprichniny* [Research on the history of the Oprichnina], Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow, USSR.
- Zaidel', G.S. and Tsvibak, M.M. (1931), *Klassovyi vrag na istoricheskom fronte* [The class enemy on the historical front], State Publishing House of Socio-economic literature, Leningrad, USSR.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Илья В. Пашков, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; st-pashkov.i@rggu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya V. Pashkov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; st-pashkov.i@rggu.ru

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

УДК 271.21-764

Проблема российской собственности
на Святой Земле (конец XIX – начало XX века)

Анастасия В. Широких

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, st123142@student.spbu.ru*

Аннотация. С момента принятия христианства Россия, а на тот момент Древняя Русь, создала прочнейшую связь между Святой Землей и русским народом, что в свою очередь привело к формированию русского православного паломнического движения. Участие Российской империи в дипломатической защите отечественных паломников на территории Османского государства окончательно оформилось в XIX столетии. Деятельность государственных и религиозных структур привела к созданию феномена «Русской Палестины», что представляет собой условное наименование земельных владений и недвижимости на Святой Земле, принадлежащих Российской империи. Однако в связи со сложностью закрепления землепользования на территории Османской империи российские представители сталкивались с трудностями по юридическому оформлению российской собственности на Святой Земле. Определенного бюрократического вмешательства требовало получение разрешения на проведение раскопок, даже на территории, находящейся в частной собственности. Вопрос строительства порой встречал сопротивление не только со стороны турецкой власти, но и местного религиозного сообщества.

© Широких А.В., 2025

Ключевые слова. Святая Земля, Императорское православное палестинское общество, Палестина, Иерусалим, российская собственность, раскопки, султанский фирман

Для цитирования: Широких А.В. Проблема российской собственности на Святой Земле (конец XIX – начало XX вв.) // Молодой историк. 2025. № 2. С. 156-170.

The problem of Russian property
in the Holy Land (late XIX – early XX century)

Anastasia V. Shirokih
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia, st123142@student.spbu.ru

Abstract: Since the adoption of Christianity, Russia, and at that time, Ancient Rus, created a profound connection between the Holy Land and the Russian people, which in turn led to the formation of Russian Orthodox pilgrimage movement. The participation of the Russian Empire in the diplomatic protection of Russian pilgrims on the territory of the Ottoman state finally took shape in the XX century. The activities of state and religious structures led to the creation of the phenomenon of “Russian Palestine”, which is a conditional name for land holdings and real estate in the Holy Land belonging to the Russian Empire. However, due to the complexities of land use registration in the Ottoman Empire, Russian representatives encountered difficulties in the legal registration of Russian property in the Holy Land. A specific bureaucratic process was also required to obtain permission for excavations, even on privately owned territory. The issue of construction sometimes met with resistance not only from the Turkish authorities, but also from the local religious community.

Keywords: Holy Land, Imperial Orthodox Palestine society, Palestine, Jerusalem, Russian property, excavations, sultan's firmman

For citation: Shirokih, A.V. (2025), “The problem of Russian property in the Holy Land (late XIX – early XX century)”, *Young Historian*, no. 2, pp. 156-170.

Проблема оформления российской собственности в Палестине в конце XIX в. представляет собой сложный историко-правовой феномен, связанный с имущественным правом Османского государства и религиозным положением дел в Палестине. Интерес Российской империи к Святой Земле был обусловлен как интересом защиты своих сограждан, осуществляющих паломничество к Святым местам, так и усилением иностранной пропаганды в регионе, и, следовательно, геополитическими выгодами, которые получала Россия при активном участии в «жизни региона».

Однако, говоря о деятельности России, стоит отметить, что свое присутствие она осуществляла в основном не через военную или дипломатическую активность, а с помощью гуманитарных программ, научных и религиозных структур и, конечно же, своего народа в лице богомольцев, которые давали России право беспокоиться об их судьбе и о судьбе святынь так важных для православной Российской империи. Как результат, Российское государство на высшем уровне стало формировать маршруты и бюрократическое регулирование для осуществления паломничества, обеспечивать условия для нахождения на Святой Земле тысяч своих сограждан. Все это привело к масштабным земельным приобретениям, юридическое оформление которых требовало учета особенностей османского законодательства, межконфессиональной конкуренции и дипломатических соглашений. В статье рассматриваются ключевые аспекты данной проблемы, включая специфику взаимодействия российских консульских учреждений, церковных структур и османской администрации, а также анализируются стратегии преодоления юридических барьеров при закреплении прав на приобретенные участки.

Актуальность работы обусловлена контекстом современных государственных инициатив Российской Федерации по вопросу возврата утраченной собственности Российской империи на Святой Земле. В связи с этим практическую важность имеют исторические материалы и исследования связанные с деятельностью России в Святой Земле, история оформления и

владения русской собственностью, процессы религиозной и государственной политики России в регионе.

Именно поэтому целью настоящей работы является обзор правил, регулирующих право землевладения иностранными лицами земель на территории Палестины и исследование процесса юридического оформления российской собственности, известной под именем «Русская Палестина».

Историографический обзор проблематики российского присутствия на Святой Земле позволяет отдельно отметить труды, написанные современниками изучаемых нами событий – членами ИППО, РДМ или российскими государственными служащими. Здесь особое место занимают работы А.А. Дмитриевского¹ и архимандрита Порфирия (Успенского)². В середине XX столетия в связи с антирелигиозной направленностью советской политики изучение российского православного присутствия было практически остановлено. Ситуация изменилась к 1990-м гг., когда в российской историографии этой темой станет заниматься Н.Н. Лисовой³, внесший огромный вклад в том числе и в изучение аспекта российской собственности в Палестине. В дальнейшем изучением исторического феномена Русской Палестины стали заниматься А.А. Герд [Герд 2014], К.А. Вах [Вах 2015]. М.М. Якушев [Якушев 2011] рассматривал аспект межгосударственных связей между Российской и Османской империей, а также Палестиной. Не менее важными представляются зарубежные труды «Русское присутствие в Сирии и Палестине, 1843–1914 гг.» британского исследователя Дерек Хопвуда [Hopwood 1969] и «Интерес России к Леванту 1843–1848 гг.: Порфирий Успенский и основание первой русской духовной миссии в Иерусалиме» Теофаниса Джорджа Ставроу [Stavrou 1963].

¹ Профессор Алексей Афанасьевич Дмитриевский. Электронный ресурс. М., 2005. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Dmitrievskij/ (дата обращения: 10.05.2025).

² Епископ Порфирий (Успенский). Электронный ресурс. М., 2005. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Porfirij_Uspenskij/ (дата обращения: 10.05.2025).

³ Николай Николаевич Лисовой. Электронный ресурс. М., 2005. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Lisovoj/ (дата обращения: 10.05.2025).

В 1889 г. по решению Александра III была закрыта Палестинская комиссия, состоявшая при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Капиталы, обязанности и дела Комиссии были переданы в зону ответственности совета Православного палестинского общества. В 1889 г. Общество было удостоено звания Императорского православного палестинского общества (ИППО).

Стоит обратить особое внимание на вопрос российской собственности в Палестине. Все земельные участки на Святой Земле, которые ранее были приобретены на денежные средства бывшей Палестинской комиссии, 24 марта 1892 г., по Высочайшему повелению, были переданы в распоряжение Императорского православного общества⁴. Определенная доля этих участков была куплена на имена консулов, начальников Духовной миссии или драгоманов (переводчиков) по причине неимения другой возможности оформления недвижимости на территории Османской империи. Как сообщается в документах, части собственников на момент 1892 г. уже не было в живых. Другая доля участков была куплена или уступлена правительством Турции в пользу Российской империи.

В совете Императорского православного палестинского общества понимали, что неоформленное законным путем положение земельных участков, приобретенных ранее действовавшей Палестинской комиссией, может повлечь в будущем проблемы и спорные ситуации. Соответственно, вопрос переоформления всей собственности, теперь уже законным путем на имя Российской империи требовал безотлагательного решения. Данная информация была подробно изложена и направлена в Азиатский департамент Министерства иностранных дел 23 ноября 1892 г., так как сам совет ИППО «не считал себя вправе

⁴ Отношение совета Императорского Православного Палестинского Общества в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Санкт-Петербург. 23 ноября 1892 г. // Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Архив внеш. политики Рос. Империи МИД РФ. М., 2000. Т. 1. № 88.

непосредственно возбуждать этот вопрос перед Турецким правительством»⁵.

Причем члены совета упомянули, что Османское правительство могло воспрепятствовать получению от Султана необходимого фирмана для передачи указанных земельных участков в собственность Российской империи. Подобное переоформление земельной собственности де-факто могло бы означать фактическое признание экстерриториального статуса этих территорий. В совете понимали, что вероятнее всего, правительство Османской империи не согласилось бы на подобную «передачу собственности», по причине создания таким образом прецедента для западных держав. В связи с этим Палестинское общество нашло более рациональным оформить право собственности на эти участки в качестве частного владения на имя Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Александровича, первого председателя ИППО⁶.

В начале 1890-х гг. управляющий генеральным консульством в Иерусалиме А.Г. Яковлев начал работу по юридическому оформлению недвижимости, которая ранее находилась под управлением действовавшей тогда Палестинской комиссии, на имя Императорского Правительства. Это было связано с тем, что на тот момент вся недвижимость и земельные участки уже находились в ведении ИППО. По словам управляющего А.Г. Яковлева, окончательное разрешение этого вопроса практически на всецело находилось в компетенции регионального совета губернаторов, известного в Османском государстве как Меджлис-и-Идара или Административный совет⁷.

В османской административной системе ключевые лица, отвечавшие за вопросы недвижимости, как правило, состояли в родственных связях с муфтием. Контроль над недвижимостью в

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Доверительное донесение управляющего Генеральным консульством в Иерусалиме А.Г. Яковлева послу в Константинополе А.И. Нелидову. Иерусалим. 29 апреля 1895 г. // Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Архив внешне. политики Рос. Империи МИД РФ. М., 2000. Т. 1. № 16.

регионе Палестины при этом считался одним из наиболее прибыльных направлений государственного управления и администрирования.

«На некоторые участки мы (ИППО) имеем все права, но никаких серьезных документов»⁸. Вследствие этого для оформления собственности А.Г. Яковлев для легитимизации каждого российского имущества данного типа должен был собрать специальные акты – мазбат-мухтары. Такие документы нужно было получить у старшин тех мест или кварталов, в которых находились те или иные объекты российской недвижимости. В османской правовой практике эти акты часто становились ключевыми, а иногда и исключительными доказательствами прав владения. В них мухтар (т. е. староста) официально фиксировал и отмечал границы земельного участка, а также свидетельствовал, что участок находится во владении определенного лица в течение определенного периода времени, и что на данный момент нет процесса оспаривания прав собственника на тот или иной участок.

В 1893 г. состоялись переговоры между А.Г. Яковлевым, исполнявшим обязанности генерального консула в Иерусалиме, и высокопоставленным османским чиновником, в ходе которых последний указал на необходимость предоставления официально заверенных местными властями планов земельных участков для оформления их передачи в собственность Императорского Правительства. Как явствует из доклада, данная процедура оказалась крайне бюрократизированной: постоянное переложение ответственности между османскими должностными лицами создавало замкнутый круг, что существенно затягивало процесс. Лишь к 1894 г. удалось завершить юридическое оформление перехода указанных участков под юрисдикцию российского правительства⁹.

В дальнейшем, несмотря на успешную передачу основной части владений ИППО в собственность Российской империи благодаря усилиям Иерусалимского генерального консульства и российского посольства в Константинополе, аналогичные

⁸ Там же.

⁹ Там же.

сложности возникали при оформлении вновь приобретаемых участков.

Указанная проблема нашла отражение в официальном обращении помощника председателя ИППО М.П. Степанова к российскому послу в Константинополе И.А. Зиновьеву¹⁰. В документе подчеркивалось, что Общество сознательно ограничивало приобретение новых земельных участков по двум основным причинам: дефицит свободных денежных средств и чрезвычайная сложность процедуры легализации землевладения на территории Османской империи.

Тем не менее на протяжении первых 16 лет деятельности ИППО было вынуждено продолжать расширять свой земельный фонд, и при оформлении вновь купленных участков прибегать к практике оформления собственности на имя сотрудников организации, в связи со всеми сложностями по оформлению собственности непосредственно на имя Общества. Подобная схема приводила к значительным юридическим рискам. В частности, существовала реальная угроза утраты прав на участки в случае, если лица, которым по документам принадлежала собственность, могли умереть или покинуть службу в ИППО, в результате чего обнулялись бы денежные средства, затраченные на приобретение этих участков.

В силу этой ситуации, еще в 1892 г., в целях минимизации рисков по инициативе ИППО Великий князь Сергей Александрович дал согласие на переоформление имущественных прав на свое имя в соответствии с османским законодательством о землевладении иностранных частных лиц¹¹. Как отмечено в упоминаемом письме М.П. Степанова, предшественник И.А. Зиновьева в Константинополе посол А.И. Нелидов «не усматривал правовых препятствий для такой передачи земельных участков Палестинского Общества на имя Его Высочества». На основании этого Великий князь предоставил соответствующие

¹⁰ Письмо помощника председателя ИППО М.П. Степанова послу в Константинополе И.А. Зиновьеву. Санкт-Петербург. 21 апреля 1898 г. // Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Архив внеш. политики Рос. Империи МИД РФ. М., 2000. Т. 1. № 92.

¹¹ Там же.

доверенности¹² генеральным консулам Российской империи в Иерусалиме и Бейруте для осуществления юридической процедуры по передачи собственности¹³.

Подводя некий итог относительно ситуации с оформлением российской собственности в Палестине, можно проследить судьбу решения этого вопроса в докладе инспектора палестинских учебных заведений и управляющего подворьями от 9 июня 1915 г.¹⁴ Характеризуя положение дел в этот момент, он отмечал следующее:

1-я группа земельной собственности состояла из десяти участков, а также расположенными на них зданиями, элементами благоустройства и озеленения. Право собственности на данные земельные участки было закреплено султанскими ираде. Говоря более подробно, для Назаретского участка ираде от 25 сентября 1893 г. и для остальных девяти от 27 октября 1896 г. По приказу Великого визиря, данные земли были закреплены как собственность Российской империи, что удостоверялось специальными документами о праве собственности (иль-мухабар).

2-я группа состояла из восьми участков, юридически зарегистрированных как собственность покойного августейшего председателя ИППО Великого князя Сергея Александровича. Данные владения располагали надлежаще оформленными и юридически бесспорными документами (кушанами). «Кушаны могли потерять свою силу только в том случае, если данное имущество будет секвестровано турецким правительством в

¹² Доверенность, оформленная председателем ИППО Великим князем Сергеем Александровичем на имя генконсула в Иерусалиме А.Г. Яковлева. М., 23 января 1898 г. // Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Архив внеш. политики Рос. Империи МИД РФ. Москва. 2000. Т. 1. № 91.

¹³ Письмо помощника председателя ИППО М.П. Степанова послу в Константинополе И.А. Зиновьеву. Санкт-Петербург. 21 апреля 1898 г. // Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Архив внеш. политики Рос. Империи МИД РФ. М., 2000. Т. 1. № 92.

¹⁴ Доклад инспектора палестинских учебных заведений и управляющего подворьями П.И. Рязжского вице-председателю ИППО князю А.А. Ширинскому-Шахматову. Санкт-Петербург. 9 июня 1915 г. // Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Архив внеш. политики Рос. Империи МИД РФ. М., 2000. Т. 1. № 101.

качестве собственности одного из членов Русского Императорского Дома»¹⁵. Однако правовой статус этих объектов осложнялся отсутствием нотариально заверенных распоряжений покойного Великого князя, которые должны были фиксировать их правовой статус посредством османского нотариального оформления и определять будущее этих территорий. Сложившаяся ситуация и тот факт, что законные наследники не вступили в права наследования в установленные сроки, осложняло перевод участков на имя Правительства или Общества. В условиях военного времени, с момента вступления Российской империи в Первую мировую войну, российские власти предполагали в случае благоприятного исхода конфликта инициировать процедуру официальной перерегистрации указанной недвижимости на имя ИППО или российского правительства через обращение к центральным османским властям.

3-я группа была представлена тремя участками, зарегистрированными на имя бывшего инспектора учебных заведений Александра Ивановича Якубовича, с наличием полного комплекта документов (кушанов), устанавливающих право собственности.

4-я группа состояла из четырёх земельных участков, официально зарегистрированных как владения Искандера, сына Жубраила Кузмы (известного также как Александр Гаврилович Кезма) – подданного Османского государства, одновременно признанного российскими властями в качестве русского подданного.

5-я группа состояла из двух отдельных участков. Один участок был переписан на имя бывшего инспектора школ Павла Павловича Николаевского, а второй на имя бывшего консульского агента русского правительства Селима Константиновича Хури¹⁶.

¹⁵ Доклад инспектора палестинских учебных заведений и управляющего подворьями П.И. Рязского вице-председателю ИППО князю А.А. Ширинскому-Шахматову. Санкт-Петербург. 9 июня 1915 г. // Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Архив внеш. политики Рос. Империи МИД РФ. М., 2000. Т. 1. № 101.

¹⁶ Там же.

Одной из важных вех в деятельности ИППО было открытие подворий. Среди них – Сергиевское подворье, Вениаминовское подворье, Александровское подворье, Николаевское подворье, Назаретское подворье имени Великого князя Сергея Александровича.

Для более пристального рассмотрения взаимоотношений Российской и Османской империи по вопросу Святой Земли можно обратиться к истории диалога этих двух стран при строительстве Россией подворий на территории Палестины. Один из наиболее известных объектов «Русской Палестина» в культурно-историческом отношении – Сергиевское подворье, названное в честь председателя ИППО Великого князя Сергея Александровича. 14 мая 1886 г. участок был куплен на имя помощника председателя, на тот момент еще Православного Палестинского Общества М.П. Степанова. Денежные средства, недостающие Смышляеву, предоставил иерусалимский банкир Валеро, через которого и дальше осуществлялись другие финансовые операции Палестинского общества. Как пишет секретарь ИППО М.П. Степанов, для строительства подворий необходимо разрешение меджлиса на само сооружение. Султанский фирман требовался только для церкви, монастыря, школы и госпиталя¹⁷. Также султанский фирман требовался при строительстве сооружений российскими властями. Однако в том случае если постройка осуществлялась частным Обществом лишь на земле Российской империи, хотя и с согласия последней, то требовалось лишь получить разрешение меджлиса¹⁸. Разрешение меджлиса на постройку русских зданий было обязательным. При взносе пошлин от меджлиса выдавалась соответствующая квитанция¹⁹.

¹⁷ Письмо секретаря ППО М.П. Степанова уполномоченному Общества в Иерусалиме Д.Д. Смышляеву. Санкт-Петербург. 15 октября 1886 г. // Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Архив внеш. политики Рос. Империи МИД РФ. М., 2000. Т. 1. № 195.

¹⁸ Записка товарища Министра иностранных дел А.Е. Влангали к послу в Константинополе А.И. Нелидову. Конфиденциально. Санкт-Петербург. Октябрь 1886 г. // Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Архив внеш. политики Рос. Империи МИД РФ. М., 2000. Т. 1. № 245.

¹⁹ Письмо уполномоченного Православного Палестинского Общества в Иерусалиме Д.Д. Смышляева секретарю Общества М.П. Степанову.

В документах или как их называли в Османском государстве — кушанах, указывались лишь граничащие с участком собственники, при этом новому владельцу требовалось незамедлительно оградить территорию каменной стеной или другим возможным способом. В противном случае соседи могли начать увеличивать свои участки за счет соседнего не огражденного участка. При отсутствии ограждения владельцу того или иного земельного участка было необходимо тщательно контролировать поведение и действия соседей прилегающих территорий, поскольку оспорить в суде незаконный захват территории представлялось крайне трудоемкой задачей²⁰.

Причем все вопросы, связанные с покупкой, оформлением, получением разрешений зачастую, были многоуровневыми и имели «закулисные противодействия», поэтому не редко Обществу приходилось обращаться за помощью в посольство.

В 1859 г. первый российский консул В.И. Дорогобужинов приобрел участок земли в непосредственной близости от Храма Гроба Господня, где впоследствии было возведено Александровское подворье. В связи с тем, что на купленной земле обнаружилось значительное количество археологических артефактов, на которые у Палестинского комитета не было достаточно средств, строительство пришлось отложить. Однако с возникновением в 1882 г. Православного палестинского общества ситуация изменилась. Как следствие встал вопрос по поводу юридического аспекта оформления раскопок. Согласно турецкому законодательству, «официальные раскопки могли быть произведены только по особому разрешению османского правительства, при условии, что треть найденных древностей должна быть передана в турецкую казну»²¹. В результате этого

Иерусалим. 1 ноября 1886 г. // Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Архив внеш. политики Рос. Империи МИД РФ. М., 2000. Т. 1. № 196.

²⁰ Описание подворья ИППО в Назарете. Назарет. 4 октября 1905 г. // Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Архив внеш. политики Рос. Империи МИД РФ. М., 2000. Т. 1. № 297.

²¹ Секретное донесение посла в Константинополе А.И. Нелидова директору Азиатского департамента МИД. Пера (Константинополь). 16/28 декабря 1882 г. // Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Архив внеш. политики Рос. Империи МИД РФ. М., 2000. Т. 1. № 226.

посольство России в Константинополе посчитало более рациональным решить эту ситуацию без вмешательства османских властей: «Работу на русском месте представили, как чисто техническую очистку участка от векового мусора»²², без статуса археологических исследований. Работы по расчистке территории начались 7 марта 1883 г., в ходе которых были обнаружены Порога Судных Врат – путь, по которому, согласно преданию, Христос следовал на Голгофу.

Процесс получения разрешений на строительство российских объектов в Палестине иногда зависел не только от решений самого османского правительства, но и от позиции местных религиозных деятелей. Характерный пример подобной ситуации произошел при сооружении церкви Святого Александра Невского на территории Александровского подворья в честь императора Александра III. Возникли опасения, что Иерусалимская Патриархия может воспротивиться созданию нового места богослужений в непосредственной близости от Храма Гроба Господня²³. В данном контексте особый интерес представляет позиция председателя ИППО Великого князя Сергея Александровича, изложенная в официальном рескрипте. Князь соглашается с тем, что нельзя полностью исключить определенные трения с Иерусалимской Патриархией, однако, по его мнению, сложно предположить, чтобы православное духовенство принципиально возражало и предпринимало открытые действия против увековечивания памяти человека, который был покровителем и защитником Православия. Остальные препятствия и бюрократические сложности, как сообщает Сергей Александрович, могли бы быть легко разрешены путем переговоров с турецкими властями и католическим духовенством²⁴.

²² Там же.

²³ Доклад Министра иностранных дел Н.К. Гирса председателю ИППО Великому князю Сергею Александровичу. Санкт-Петербург. 20 декабря 1894 г. // Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Архив внеш. политики Рос. Империи МИД РФ. М., 2000. Т. 1. № 253.

²⁴ Рескрипт председателя ИППО Великого князя Сергея Александровича на Имя Министра иностранных дел Н.К. Гирса. Санкт-Петербург. 3 января 1895 г. // Россия в Святой Земле: Документы и материалы. Архив внеш. политики Рос. Империи МИД РФ. М., 2000. Т. 1. № 254.

Подворья ИППО, как и другие российские учреждения на Святой Земле, продолжали свою деятельность до осени 1914 г. Кардинальное изменение ситуации произошло в связи со вступлением Османского государства в Первую мировую войну на стороне германо-австрийского блока, что привело к прекращению деятельности российских институтов в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

- Вах 2017 – *Вах К.А.* Как начиналась Русская Палестина. Иерусалим в письмах Б.П. Мансурова и В.И. Доргобужина. 1858–1860. (Научная статья и публикация документов) // Иерусалимский православный семинар. Вып. 7. М., 2017. С. 111–255.
- Герд 2014 – *Герд Л.А.* Россия и православный Восток. X – начало XX вв. СПб: Санкт-Петербургская православная духовная академия, 2014. 80 с.
- Якушев 2011 – *Якушев М.М.* Из истории русского паломничества. Консульство в Яффе и русские паломники в 1820–1838 годах // Свободная мысль. 2011. № 1. С. 173–184.
- Hopwood 1969 – *Hopwood D.* The Russian Presence in Syria and Palestine, 1843–1914: Church and Politics in the Near East. New York: Oxford University Press, 1969. 232 p.
- Stavrou 1963 – *Stavrou T.G.* Russian Interest in the Levant 1843–1848: Porfirii Uspenskii and Establishment of the First Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem // Middle East Journal. 1963. Vol. 17, № 1/2. P. 91–103.

REFERENCES

- Gerd, L.A. (2014), *Rossija i pravoslavnyi Vostok. X – nachalo XX vv.* [Russia and the Orthodox East. 10th – early 20th centuries], Orthodox Theological Academy, St. Petersburg, Russia.
- Hopwood, D. (1969), *The Russian Presence in Syria and Palestine, 1843–1914: Church and Politics in the Near East*, Oxford University Press, New York, USA.

- Stavrou, T.G. (1963), "Russian Interest in the Levant 1843-1848: Porfirii Uspenskii and Establishment of the First Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem", *Middle East Journal*, vol. 17, no. 1/2, pp. 91–103.
- Vakh, K.A. (2017), "How Russian Palestine Began. Jerusalem in the Letters of B.P. Mansurov and V.I. Dorgobuzhinov. 1858–1860", *Jerusalem Orthodox Seminar*, Iss. 7, Moscow, pp. 111–255.
- Yakushev, M.M (2011), "From the history of Russian pilgrimage. Consulate in Jaffa and Russian pilgrims in 1820–1838", *Free Thought*, no. 1, pp. 173–184.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анастасия В. Широких, студентка бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191124, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 8-й подъезд; st123142@student.spbu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia V. Shirokih, bachelor student, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 1/3, Smolny st., Saint Petersburg, Russia, 191124; st123142@student.spbu.ru

Основные тенденции и проблемы
торгово-экономического взаимодействия
РСФСР (СССР) и Великобритании 1919–1929 гг.

Никита С. Панаев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, panaev.ns@rggu.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления торгово-экономических отношений РСФСР (СССР) и Великобритании в период 1919–1929 гг. С одной стороны, исторический контекст торгово-экономического взаимодействия между Советской Россией / СССР и Великобританией в 1919–1929 гг. представляет большой интерес, являясь важным индикатором того, как советская дипломатия через экономические механизмы стремилась выйти из изоляции, установив отношения с Лондоном. С другой, вопрос торгово-экономического сотрудничества Москвы и Лондона отражает изменения в отношении к СССР, которые имели место в 1920-е гг. в Великобритании и напрямую зависели от внутриполитической ситуации в этой стране. Автор исследует основные аспекты экономических связей между странами, включая торговлю, инвестиции и финансовые связи. Проанализировано влияние политических событий на развитие экономических отношений и дана оценка их значения для обеих сторон. Рассмотрены ключевые аспекты дипломатической стратегии СССР в контексте формирования отношений между двумя странами в указанный период.

Ключевые слова: РСФСР, СССР, Великобритания, торговля, экономика, торгово-экономическое взаимодействие, дипломатические отношения

Для цитирования: Панаев Н.С. Основные тенденции и проблемы торгово-экономического взаимодействия РСФСР (СССР) и Великобритании 1919–1929 гг. // Молодой историк. 2025. № 2. С. 171-179.

The main trends and problems of trade and economic cooperation between the RSFSR (USSR) and Great Britain in 1919–1929

Nikita. S. Panaev

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, panaev.ns@rggu.ru

Abstract. The article examines the main directions of trade and economic relations between RSFSR (USSR) and Great Britain in the period from 1919 to 1929. On the one hand, the historical context of trade and economic cooperation between Soviet Russia / USSR and Great Britain in 1919–1929 is of great interest, being an important indicator of how Soviet diplomacy sought to break out of isolation through economic mechanisms by establishing relations with London. On the other hand, the issue of trade and economic cooperation between Moscow and London reflects changes in attitudes towards the USSR that occurred in the 1920s in Britain and directly depended on the domestic political situation in that country. The author explores the main aspects of economic ties between the countries, including trade, investment and financial connections. The impact of political events on the development of economic relations is analyzed and an assessment of their significance for both parties is provided. The key aspects of the USSR's diplomatic strategy in the context of the formation of relations between the two countries during this period are considered.

Keywords: Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR), Union of Soviet Socialist Republics (USSR), Great Britain, Trade, Economy, Trade-Economic Cooperation, Diplomatic Relations

For citation: Panaev, N.S. (2025), “The main trends and problems of trade and economic cooperation between the RSFSR (USSR) and Great Britain in 1919–1929”, *Young Historian*, no. 2, pp. 171-179.

После окончания Первой мировой войны на международной арене началась новая фаза, в которой странам необходимо было решать задачи экономического восстановления и укрепления своих позиций. Для Великобритании, как одной из сильнейших и крупных экономик мира, важнейшим аспектом стало обеспечение своей промышленности сырьем. Для Советской России, только что сформировавшейся после Октябрьской революции, восстановление экономики было не менее важным, и налаживание внешней торговли и дипломатических отношений стало стратегической необходимостью. Несмотря на то, что сотрудничество и дипломатические контакты между Советской Россией и Великобританией были взаимовыгодным решением, достичь этого на практике оказалось не так просто.

Одной из характерных особенностей системы международных отношений, сформировавшейся в послевоенный период после завершения Первой мировой войны, по справедливому мнению ряда исследователей, явилось наличие ярко выраженного идеологического противостояния. Этот фактор стал определяющим элементом глобальной политической динамики практически на всём протяжении XX в. Обозначенный выше исторический этап ознаменовался началом торгово-экономического взаимодействия между Советской Россией (впоследствии – Советским Союзом) и Великобританией, несмотря на то, что процесс нормализации и развития двусторонних отношений сопровождался значительными трудностями и осложнялся влиянием многочисленных политических факторов и скрытой дипломатической борьбы.

После революции 1917 г. Советская Россия столкнулась с тяжелейшими последствиями Гражданской войны и внешней интервенцией, в том числе со стороны Великобритании. Россия переживала политическую и экономическую нестабильность, что значительно усложняло установление внешних торговых и политических отношений с западными странами [Гришин 2004]. Страна оказалась в изоляции, однако после Брест-Литовского мирного договора 1918 г., который завершил участие Советской России в Первой мировой войне, возникла возможность для постепенного налаживания дипломатических и экономических

связей с западными странами, прежде всего, экономических, ведь в случае, если Советская Россия установит экономические связи с одной из этих стран, де-факто это является со стороны последних признанием Советской России и власти большевиков.

Однако в политическом плане отношения оставались напряженными. Великобритания опасалась, что распространение коммунистической идеологии может угрожать внутренним стабильности и безопасности в Европе. Приведем одно из наиболее ярких и точных высказываний начальника Специального отдела Скотланд-Ярда Б. Томпсона, демонстрирующих отношение политической номенклатуры Великобритании к учению В.И. Ленина в те годы: «Большевизм – разновидность инфекционной болезни, распространяющейся быстро, но скрытно, пока, словно раковая опухоль, он не съедает без остатка ткань общества» [Сергеев 2018]. Эти опасения накладывались на уже существующие политические разногласия, связанные с революцией и социалистической политикой, проводимой в Советской России.

Несмотря на сохраняющуюся политическую напряженность, экономическая выгода для обеих стран оказывала значительное влияние на развитие двусторонних отношений. Советской Россией, естественно, были предложены Великобритании эти богатства ресурсов – нефть, уголь и сельскохозяйственная продукция. Промышленное оборудование из Великобритании, наиболее отчаянно необходимое для индустриализации будущей страны Советов, должно было поступить в обмен.

Таким образом, в 1919–1921 гг. СССР и Великобритания сосредоточили свое сотрудничество на обмене товарами, которые они могли предложить друг другу. Великобритания экспортировала в СССР текстиль, промышленное оборудование и технологии; взамен СССР поставлял зерно, нефть и другие ресурсы. Это сотрудничество заложило основу для дальнейшего развития экономических связей.

Для Советской России важнейшей вехой в торгово-экономических отношениях стало подписание в Лондоне в 1921 г.

соглашения¹, способствовавшему еще большему расширению двустороннего экономического обмена. Оно снизило таможенные барьеры и установило более гибкие условия торговли. Однако соглашение носило не только экономический, но и политический характер. Великобритания признала Советскую Россию де-факто. Вместе с тем стороны обязались воздерживаться от враждебных действий в отношении друг друга, а также не препятствовать торговым отношениям [Савосина 2011].

РСФСР активно искал иностранные инвестиции, и Великобритания была одним из крупнейших инвесторов. Одним из важнейших направлений англо-советских экономических отношений стала нефтяная промышленность, в рамках которой британские компании активно инвестировали в добычу и переработку нефти в Советской России [Шишкин 1997]. Британские компании, такие как «Англо-Персидская нефтяная компания» (ныне «ВР»), начали вкладывать капитал в нефтяную промышленность РСФСР, что способствовало развитию добычи нефти и ее переработки.

В декабре 1922 г. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР), Украинская ССР, Белорусская ССР и Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика (ЗСФСР) объединились, создав Союз Советских Социалистических Республик (СССР). Это объединение укрепило экономические и политические связи между республиками и помогло обеспечить коллективную безопасность в беспокойные послевоенные годы.

Создание на мировой арене такого крупного многонационального игрока повысило авторитет и влияние Советского Союза в рамках мирового сообщества. Объединение столь больших территорий позволило рассматривать новые пути экономического взаимодействия, что заинтересовало Соединенное Королевство и другие западные страны. Централизация власти в СССР позволяла советскому руководству координировать ряд вопросов на международной арене, в том числе в рамках торговли и экономических отношений с Великобританией. Само начало

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., С. 607–614; Т. 7. М., С. 609–636.

развития международных отношений СССР и Великобритании связано с постепенным признанием мировым сообществом легитимности советской власти [Савосина 2011]. Британское правительство и бизнес заметили потенциал в крупном советском рынке, а также увидели возможности для инвестиций и взаимовыгодной торговли.

В 1922 г. был создан Синдикат нефтяной промышленности – Нефтесиндикат, который занимался продажей нефти и нефтепродуктов за границу. Перед этой организацией ставилась задача по увеличению нефтеэкспорта, который поднялся до 2882 тыс. тонн в 1928 г. К 1928 г. доля советской нефти на мировом рынке составляла 5,2%. Нефтесиндикат проникал на мировой рынок как путем организации собственных контор за границей, так и совместных учреждений по торговле нефтью. Так, советская фирма «Russian Oil Products» (по первым буквам в русской транскрипции «РОП») работала в Великобритании с августа 1924 г.

Вместе с тем на фоне увеличивающихся экономических связей сохранялись и политические разногласия. Великобритания по-прежнему относилась с настороженностью к социалистическим реформам в СССР и пыталась ограничить влияние коммунизма, хотя экономические интересы продолжали оставаться приоритетом. Эти противоречия нашли свое отражение в вопросах контроля над активами и нефтяными месторождениями.

Помимо торговли и инвестиций, существовали проблемы, которые блокировали более глубокое экономическое сотрудничество между ними. Одной из проблем была национализация британских активов большевиками, поскольку это вызвало протесты британских властей и поставило под угрозу дальнейшее развитие совместных проектов [Майгур 2017]. В частности, это принесло проблемы в нефтяной промышленности, поскольку британские компании потеряли контроль над месторождениями из-за политики национализации в 1918 г., что стало основным источником напряженности между СССР и Великобританией. Например, технологии, поставляемые в Советскую Россию, могут помочь восстановить военную мощь, что вносило элемент подозрения и дополнительную напряженность. В частности, проблемы возникали в нефтяной отрасли, где

британские компании потеряли контроль над месторождениями в 1918 г. в результате политики национализации², что стало серьезным источником напряженности отношений между СССР и Великобританией.

Более того, Соединенное Королевство беспокоилось, что поставляемые Советской России технологии могут быть использованы для укрепления ее военной мощи, что также заставляло их сомневаться друг в друге и влияло на развитие двусторонних взаимовыгодных отношений.

Торгово-экономические отношения между СССР и Великобританией в 1919–1929 гг. были энергичными, но омрачались политической нестабильностью и разницей в экономических системах. Поскольку обеим странам требовалось найти пути взаимовыгодного сотрудничества, это стало основой для дальнейшего развития отношений [Adamthaite 1980]. Советский Союз поставлял в Великобританию природные ресурсы, а Великобритания предоставляла необходимые технологии и промышленное оборудование.

Несмотря на экономические успехи, политические разногласия продолжали оставаться препятствием для полноценного развития двусторонних отношений. Однако опыт этого периода стал важной основой для дальнейшего сотрудничества и развития торговых отношений в последующие годы.

ЛИТЕРАТУРА

- Гришин 2004 – *Гришин А.В.* Внешняя политика Советского Государства в первой половине 1920-х годов по англо-американской исторической литературе и источникам: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. БГУ им. академика И.Г. Петровского. Брянск, 2018. 262 с.
- Майгур 2017 – *Майгур А.В.* Политический и экономический контекст подписания советско-британского торгового

² Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2: 17 марта – 10 июля 1918 г. С. 459–460.

- соглашения // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 2. С. 105–110.
- Савосина 2011 – *Савосина Ю.В.* Англо-советские экономические отношения в 20-е гг. XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, Рязань 2011. 195 с.
- Сергеев 2018 – *Сергеев Е.Ю.* От интервенции «по соглашению» к «крестовому походу» против большевиков: Советская Россия и Великобритания в 1918–1919 гг. // Британия: история, культура, образование. Вып. 4: Сб. ст. Международной научной конференции, 13–14 сентября 2018 г. Ярославль: Изд-во Ярославского государственного педагогического университета, 2018. С. 321–327.
- Шишкин 1997 – *Шишкин В.А.* Власть. Политика. Экономика: послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 398 с.
- Adamthaite 1980 – *Adamthaite A.* The Lost Peace, International Relations in Europe, 1918–1939, London: Hodder, 1980. 256 p.

REFERENCES

- Adamthaite, A. (1980), *The Lost Peace, International Relations in Europe, 1918–1939*, Hodder, London, UK.
- Grishin, A.V. (2004), *Vneshnyaya politika Sovetskogo Gosudarstva v pervoi polovine 1920-kh godov po anglo-amerikanskoi istoricheskoi literature i istochnikam* [External Policy of the Soviet State in the first half of the 1920s according to Anglo-American historical literature and sources], Ph.D. Thesis (History), Petrovsky State University, Bryansk, Russia.
- Maigur, A.V. (2017), “Political and economic context of the signing of the Soviet-British trade agreement”, *Humanitarian and Legal Research*, no. 2, pp. 105–110.
- Savosina, Y.V. (2011), *Anglo-sovetskie ehkonomicheskie otnosheniya v 20-e gg. XX veka* [Anglo-Soviet Economic Relations in the 1920s], Ph.D. Thesis (History), Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan, Russia.

- Sergeev, E.Y. (2018), "From 'intervention by agreement' to the 'crusade' against the Bolsheviks: Soviet Russia and Great Britain in 1918-1919", In *Britaniya: istoriya, kul'tura, obrazovanie. Vyp. 4: Sb. st. Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 13–14 sentyabrya 2018 g.* [Britain: history, culture, education. Iss. 4: Collection of articles of the International Scientific Conference, September 13–14, 2018], Izd-vo Yaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, Yaroslavl, Russia, pp. 321–327.
- Shishkin, V.A. (1997), *Vlast'. Politika. Ekonomika: poslerevolutsionnaya Rossiya (1917–1928 gg.)* [Power. Politics. Economy: post-revolutionary Russia (1917–1928)], Dmitry Bulanin, St. Petersburg, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никита С. Панаев, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; panaev.ns@rggu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita S. Panaev, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; panaev.ns@rggu.ru

Миротворческая деятельность Российской Федерации
в рамках грузино-абхазского конфликта 1994–2008 гг.

Евгений А. Родионов

*Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова
Ульяновск, Россия, e.rodionov2001@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию деятельности Коллективных сил по поддержанию мира, развернутых в зоне грузино-абхазского конфликта. Работа охватывает ключевые события, предшествовавшие введению миротворческого контингента, включая эскалацию вооруженного противостояния в 1992–1993 гг. и последовавшие за ним процессы размежевания сторон. Предметной областью исследования являются действия Российской Федерации, направленные на реализацию миротворческой деятельности в зоне грузино-абхазского конфликта в 1994–2008 гг. Особое внимание уделено анализу сложившейся в послевоенный период гуманитарной ситуации: массовому перемещению населения, глубоким социально-экономическим проблемам и сохранившейся межэтнической напряженности в качестве главных вызовов, стоявших перед миротворческим контингентом в условиях действий по стабилизации обстановки в регионе. Основой для исследования послужили научные публикации, содержащие в себе данные о демографических и социологических процессах, происходивших в Абхазии после завершения активной фазы вооруженного конфликта в 1994 г., материалы периодической печати, посвященные деятельности миротворцев, а также нормативно-правовые документы, регулирующие деятельность Коллективных сил по поддержанию мира – в первую очередь Московское соглашение о прекращении огня и разъединении сил от 14 мая 1994 г., на основе которого контингент Вооруженных сил Российской Федерации и осуществлял свою деятельность.

Ключевые слова: миротворческие силы, постсоветское пространство, грузино-абхазский конфликт, Российская Федерация

Для цитирования: Родионов Е.А. Миротворческая деятельность Российской Федерации в рамках грузино-абхазского конфликта 1994–2008 гг. // Молодой историк. 2025. № 2. С. 180-190.

Peacekeeping activities of the Russian Federation
in the framework of the Georgian-Abkhaz conflict of 1994–2008

Evgeny A. Rodionov

Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov
Ulyanovsk, Russia, e.rodionov2001@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the study of the activities of the Joint Peacekeeping Forces deployed in the Georgian-Abkhaz conflict zone. The study covers the key events preceding the deployment of the peacekeeping contingent, including the escalation of the armed conflict in 1992–1993 and the subsequent separation of the parties. The central subject of the study is the functioning of the Joint Peacekeeping Forces, operating under the mandate of the Commonwealth of Independent States. Special attention is paid to the analysis of the humanitarian situation that developed in the post-war period: massive population displacement, deep socio-economic problems and lingering interethnic tensions as the main challenges facing the peacekeeping contingent given the actions aimed at stabilizing the situation in the region. The research was based on scientific publications containing data on demographic and sociological processes that took place in post-war Abkhazia, periodical materials on the activities of peacekeepers, and regulatory documents governing the activities of Joint peacekeeping Forces, primarily the Moscow Agreement on Cease-fire and Separation of Forces of May 14, 1994, on the basis of which the contingent of the Armed Forces of the Russian Federation carried out its activities.

Keywords: peacekeeping forces, post-Soviet space, Georgian-Abkhaz conflict, Russian Federation

For citation: Rodionov, E.A. (2025), Peacekeeping activities of the Russian Federation in the framework of the Georgian-Abkhaz conflict of 1994–2008, *Young Historian*, no. 2, pp. 180-190.

На исходе 1980-х гг. во многих республиках СССР возникли и начали набирать силу общественные движения, главными требованиями которых были выход из состава Советского Союза и проведение политики, в основе которой лежал национализм. Одной из таких республик стала Грузинская ССР, где деятельность грузинских активистов привела к обострению отношений между Тбилиси и абхазским населением.

Конфликт, для последующего урегулирования которого были привлечены российские миротворцы, берет начало на сходе абхазского народа в поселке Лыхны, состоявшемся 18 марта 1989 г. и собравшем порядка 30 тыс. человек. На нем было объявлено о том, что на фоне роста националистических и сепаратистских настроений в Грузии абхазский народ требует выхода из состава ГССР и восстановления Абхазии в том статусе, которой она имела до 1922 г.

Ответом на него с грузинской стороны стали массовые выступления в Тбилиси 9 апреля 1989 г., привлечшие порядка 9 тыс. человек. Собравшиеся требовали выхода Грузии из состава Советского Союза. К концу вечера собрание переросло в массовые беспорядки, а в Тбилиси были переброшены подразделения внутренних войск МВД СССР и армейские части, которые их подавили. Данные события стали ярким маркером, демонстрирующим весь масштаб проблемы, связанной с грузино-абхазскими отношениями, и стали для грузинской стороны точкой отсчета всего конфликта [Каменская 2006, с. 80].

Через несколько месяцев в Закавказье вновь произошли погромы – теперь стычки в Сухуме, причиной которых стал межэтнический конфликт. Спустя год Абхазия объявила о том, что больше не является автономией в составе ГССР и заявила о повышении своего статуса до союзной республики. Это действие, нарушало Конституцию 1977 г., но не повлекло последствий ни со стороны Тбилиси, ни со стороны Москвы [Авидзба 2006, с. 193].

Следующий этап эскалации начался в 1991 г. Во вторую годовщину тбилисских событий Грузия объявила о том, что она больше не является частью Советского Союза. Сухуми незамедлительно ответил на это, заявив о том, что Абхазия останется в составе СССР, так как её население проголосовало за сохранение Советского Союза на Всесоюзном референдуме, который грузинское руководство на своей территории не проводило [Клинов 2012].

В феврале 1992 г. Грузия отменила действие Конституции 1977 г. на своей территории и вернулась к Конституции 1921 г., которая не предусматривала какого-либо особого статуса для регионов, где проживают национальные меньшинства. Сухуми ответил на эти действия аналогично и вернулся к основному закону в редакции 1925 г., в котором Абхазия была обозначена как суверенное государство.

Официальный выход Абхазии из состава Грузии и создание новой республики подтолкнули Тбилиси к проведению крупной войсковой операции в непокорном регионе. 14 августа 1992 г. Эдуард Шеварнадзе объявил о начале операции, целью которой было вернуть контроль властей над Абхазией. Основу грузинских сил составляли слабо контролируемые правительством и разрозненные отряды местных полевых командиров, из-за чего центральное руководство слабо представляло ситуацию в регионе и с трудом контролировало действия лояльных ему сил.

В течение нескольких недель стало очевидно, что первоначальные действия грузинских сил оказались провальными: продвижение войск было остановлено, боевые действия вошли в позиционную стадию, в рамках которой ни одна из сторон не могла добиться уверенного превосходства над своим противником [Каменская 2006, с. 85]. В таких условиях вся инфраструктура, необходимая для полноценного функционирования социальных объектов и благополучной жизни жителей Абхазии, была практически полностью уничтожена, что поставило республику на грань гуманитарной катастрофы.

В районах, где происходили наиболее активные столкновения абхазских и грузинских сил, оказалось более 500 предприятий, которые были разрушены. Полностью перестала

функционировать коммунальная инфраструктура [Филимонов 2021]. В холодное время года в домах не было отопления, отсутствие водоснабжения провоцировало резкий уровень роста заболеваний и создавало благодатную почву для эпидемий, так как медицинские учреждения не функционировали.

Мирное население оказалось в крайне тяжелой ситуации. Оно подвергалось этническим чисткам или становилось жертвами банального разбоя со стороны маргинальных вооруженных формирований, составлявших основу сил подконтрольных Тбилиси. Не представлялось возможным для жителей, оказавшихся в зоне боевых действий, выбраться в безопасные зоны, так как колонны беженцев регулярно обстреливались [Дудин 2009, с. 41]. Также известны случаи, когда стороны конфликта брали в заложники население отдельных деревень, пытаясь повлиять на ход боевых действий и заставить противника отказаться от каких-либо маневров или других действий. Наиболее показательным примером описываемых выше эпизодов гуманитарной катастрофы стала продолжавшаяся более года блокада города Ткварчели. Перекрытие путей выхода из населенного пункта привело к катастрофической нехватке продовольствия и медикаментов, что привело к большому количеству голодных смертей и развитию эпидемии цинги [Андрианов 2012, с. 423].

По подсчетам исследователей, которые использовали в своих работах демографические данные, зону боевых действий в ходе конфликта смогли покинуть около 350 тыс. человек [Андрианов 2012, с. 427]. Это крайне большое количество, учитывая, что ни одна из сторон не согласилась организовывать гуманитарные коридоры для выхода гражданского населения и оказывать какую-либо помощь своим соотечественникам. Фактически все беженцы смогли добраться до безопасных зон, опираясь лишь на свои силы и во многом на простое везение. Единственными организациями, которые занимались помощью мирному населению обеих стороны и вели гуманитарную деятельность стали Министерство по чрезвычайным ситуациям Российской Федерации и российские Вооруженные силы [Дудин 2009]. Спасатели и военные доставляли критически необходимые медикаменты и продовольствие (в том числе и в осажденный

Ткварчели, где российские специалисты стали единственными источниками помощи) и помогали жителям Абхазии покинуть зону боевых действий.

В 1992–1993 гг., когда вооруженный конфликт между Абхазией и Грузией находился в наиболее острой стадии, Российская Федерация старалась придерживаться нейтралитета, используя для этого все возможные средства. Она неоднократно выступала с заявлениями, резко осуждавшими массовые нарушения прав человека со стороны как грузинских, так и абхазских вооружённых формирований, а также вводила санкции против обоих участников конфликта. Однако в зоне боевых действий оставались части Вооружённых сил России, переброшенные туда ещё в советское время, задолго до начала этнической напряжённости в Абхазии.

После подписания Сочинского соглашения о прекращении огня 27 июля 1993 г. российские войска получили статус миротворческих сил, поскольку уже находились в зоне конфликта. Российские власти рассчитывали, что их военное присутствие поможет предотвратить дальнейшее обострение ситуации и позволит выступить гарантом выполнения достигнутых договорённостей [Малышев 2021]. Однако уже осенью 1993 г., когда противостояние вновь усилилось, стало очевидно, что у российских военных нет достаточных полномочий и ресурсов для того, чтобы стабилизировать ситуацию или заставить противоборствующие стороны прекратить огонь. Постепенно выяснилось, что руководство Грузии также не приемлет нахождение российских миротворцев на территории, которую считает своей. 23 октября 1993 г. Эдуард Шеварднадзе принял решение о вступлении Грузии в состав СНГ, после чего Тбилиси дал согласие на сохранение российских военных баз на территории страны, а также принципиально одобрил проведение миротворческой операции российских войск в Абхазии.

Введение миротворческих сил было тщательно подготовлено заранее. Обе противоборствующие стороны предварительно согласились на полное прекращение огня. Россия в то же время добилась того, чтобы ООН признала её операцию как миссию СНГ. Мандат миротворческих сил, разработанный с

учётом операций по поддержанию мира, ранее проводившихся ООН, был чётко определён, а зона ответственности ограничена территорией Гальского района и прилегающими областями на границе с внутренними районами Грузии [Малышев 2021, с. 18].

14 мая 1994 г. при участии специального представителя генсека ООН и Москвы было достигнуто соглашение о прекращении огня и отводе вооружённых формирований обеих сторон с линии фронта в Абхазии, что послужило отправной точкой для начала операции Коллективных миротворческих сил СНГ в этом регионе. Подписанное соглашение закрепляло путь к мирному урегулированию конфликта и предусматривало решение гуманитарных вопросов. Россия при этом играла ключевую роль во всех указанных процессах: именно российские миротворцы отвечали за контроль выполнения условий соглашения и урегулирование возникающих конфликтных ситуаций.

В основные задачи, выполнявшиеся Коллективными силами по поддержанию мира (КСПМ), входило:

- Обеспечение соблюдения режима прекращения огня и установления мира, предотвращение возобновления военных действий в зоне конфликта путём разъединения вооружённых формирований конфликтующих сторон;
- Создание условий для безопасного и достойного возвращения людей, покинувших зону конфликта, в районы их прежнего постоянного проживания;
- Содействие в восстановлении района конфликта, в том числе в оказании гуманитарной помощи, проведении разминирования, восстановлении основных систем жизнеобеспечения населения;
- Обеспечение безопасности ключевых систем жизнеобеспечения;
- Принятие мер по пресечению действий террористических, диверсионных формирований и других вооружённых групп, находящихся в Гальском районе и проникающих извне¹.

¹ «Соглашение о прекращении огня и разъединении сил в зоне грузино-абхазского конфликта» (Московское соглашение) (Вместе с

Несмотря на усилия КСПМ, ежегодно происходило до пятидесяти нарушений режима прекращения огня, особенно в 1994–1995 гг. В 2004–2008 гг. число обстрелов населённых пунктов и постов КСПМ снизилось, но в то же время участились случаи минирования местности и провокаций против миротворцев [Иванов 2010, с. 17].

Наиболее острым эпизодом миротворческой операции стали события весны 1998 г., когда абхазские вооруженные формирования начали боевую операцию против неподконтрольных Тбилиси, но выступающих против Абхазии группировок в Гальском районе, что поставило под угрозу проживавших там этнических грузин. В сложившейся ситуации военнослужащим Коллективных сил по поддержанию мира удалось не допустить эскалации конфликта, несмотря на стягивание в район обострения дополнительных сил с обеих сторон и готовности применить их [Азьявин 2011]. Руководство миротворческого контингента смогло разрешить возникшую проблему путем ведения переговоров с уполномоченными лицами по обе стороны баррикад, параллельно оказывая помощь вынужденным переселенцам.

Что же касается общего хода операции КСПМ, то вопрос по возвращению мирного населения, покинувшего свои дома в начале 1990-х гг., так и не был решен. В регионе долгое время отсутствовали любые силы правопорядка за исключением представителей миротворческих сил, ресурсов которых было недостаточно для противодействия уголовным элементам, появившимся в условиях фактически безвластия. Кроме того, подавляющая часть местного населения получила на руки большой объем стрелкового оружия, что превращало любую возникавшую напряженность в очаг потенциального вооруженного столкновения [Андрианов 2012, с. 429].

За четырнадцать лет проведения миротворческой миссии из лагерей беженцев на родные места смогли вернуться лишь две тысячи человек, причем обеспечение их безопасности оказалось

«Протоколом, касающимся Миротворческих сил СНГ») // МИД РФ. Текст электронный. URL: <https://www.conventions.ru/int/15400/> (дата обращения: 01.07.2025).

весьма затруднительным [Азявин 2011, с. 156]. В 2008 г. начался вооружённый конфликт в Южной Осетии, в результате которого со стороны России последовало признание независимости Южной Осетии и Абхазии. После этих событий миротворческая операция утратила свою актуальность и была завершена.

Подводя итоги, стоит отметить, что в ходе проведения операции по поддержанию мира российским миротворцам удалось выполнить ряд важных задач. В 1990-е гг., когда ни Абхазия, ни Грузия не обладали институтами, способными обеспечить гражданскому населению безопасность и минимально приемлемые условия для его существования, а в зоне конфликта находились никем не управляемые вооруженные формирования, российские миротворцы оказались единственной силой, способной защитить мирных жителей и остановить превращение некогда процветавшей территории в несостоявшееся государство. Кроме того, подразделения Коллективных сил по поддержанию мира смогли предотвратить возобновление боевых действий в зоне конфликта во время эскалации 1998 г., а также обеспечить устойчивый режим прекращения огня на протяжении всего срока проведения операции.

ЛИТЕРАТУРА

- Авидзба 2016 – *Авидзба А.Ф.* О некоторых вопросах военно-политической истории Абхазии (1989–1999 гг.) // История, археология и этнография Кавказа. 2016. № 1. С. 185–198.
- Азявин 2011 – *Азявин Р.Н.* Социологический анализ особенностей процесса современного российского миротворчества // Вестник КРУ МВД России. 2011, № 3. С. 154–158.
- Андрианов 2012 – *Андрианов Н.С.* К вопросу о стабилизации грузино-абхазских и грузино-югоосетинских отношений // Вестник ННГУ. 2012, № 1. С. 421–433.
- Дудин 2009 – *Дудин П.В.* Миротворческая операция в Абхазии (1994–2008 гг.): основные задачи Коллективных сил по поддержанию мира в зоне межнационального конфликта // Армия и общество. 2009. № 4. С. 36–45.

- Иванов 2010 – *Иванов С.М.* Россия и региональные конфликты на постсоветском пространстве // *Обозреватель*. 2010. № 11. С. 63–74.
- Каменская 2006 – *Каменская Н.Г.* Грузино-абхазский военный конфликт 1992–1993 гг.: причины и последствия // *Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики*. 2006. № 24. С. 77–89.
- Клинов 2012 – *Клинов А.С.* К вопросу о выходе Абхазии из состава Грузии // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 2. С. 255–267.
- Малышев 2021 – *Малышев Д.М.* Миротворчество в СНГ и мировой опыт // *Свободная мысль*. 2021. № 5. С. 16–20.
- Филимонов 2021 – *Филимонов К.С.* Милосердие на поле брани: анализ миротворческой деятельности Российской Федерации на постсоветском пространстве (на примере Абхазии) // *Драгомировские образовательные чтения: сборник научных статей по материалам IV Международной научно-практической конференции*, Пенза, 25–26 ноября 2021 года. Т. 4. Пенза: Пензенский государственный университет, 2021. С. 123–131.

REFERENCES

- Andrianov, N.S. (2012), “On the issue of stabilization of Georgian-Abkhaz and Georgian-South Ossetian relations”, *Vestnik NNGU*, no. 1, pp. 421–433.
- Avidzba, A.F. (2016), “On some issues of the military and political history of Abkhazia (1989–1999)”, *Istoriya, arkeologiya i etnografiya Kavkaza*, no. 1, pp. 185–198.
- Azyavin, R.N. (2011), “A sociological analysis of the features of the process of modern Russian peacemaking”, *Vestnik KRU MVD Rossii*, no. 3, pp. 154–158.
- Dudin, P.V. (2009), “The peacekeeping operation in Abkhazia (1994–2008): the main tasks of the Collective peacekeeping forces in the zone of interethnic conflict”, *Armiya i obshchestvo*, no. 4, pp. 36–45.
- Filimonov, K.S. (2021), “Mercy on the battlefield: an analysis of the

- peacekeeping activities of the Russian Federation in the post-Soviet space (on the example of Abkhazia)”, in *Dragomirovskie obrazovatel'nye chteniya: sbornik nauchnykh statei po materialam IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Penza, 25–26 noyabrya 2021 goda. T. 4* [Dragomirov Educational readings : a collection of scientific articles based on the materials of the IV International Scientific and Practical Conference, Penza, November 25-26, 2021, Vol. 4], Penza State University, Penza, Russia, pp. 123–131.
- Ivanov, S.M. (2010), “Russia and regional conflicts in the post-Soviet space”, *Obozrevatel'*, no. 11, pp. 63–74.
- Kamenskaya, N.G. (2006), “The Georgian-Abkhazian military conflict of 1992–1993: causes and consequences”, *Nauchno-tekhnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki*, no. 24, pp. 77–89.
- Klinov, A.S. (2012), “On the issue of Abkhazia's secession from Georgia”, *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 2, pp. 255–267.
- Malyshev, D.M. (2021), “Peacekeeping in the CIS and world experience”, *Svobodnaya mysl'*, no. 5, pp. 16–20.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгений А. Родионов, студент магистратуры, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, Ульяновск, Россия; 125993, Россия, Ульяновск, 432071, Ульяновск, пл. Ленина, дом 4/5; e.rodionov2001@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny A. Rodionov, master's student, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia; 125993, 4/5, Lenin Square, Ulyanovsk, Russia, 432071; e.rodionov2001@mail.ru

УДК 930

«Казанские исторические чтения»:
межуниверситетский студенческий диалог

Артём В. Крестьянинов, Владимир И. Мухин
*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия, artkres@mail.ru, VlgMukhin@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена обзору результатов Всероссийской студенческой научно-практической конференции «Казанские исторические чтения. Российская империя периода кризиса на рубеже XIX – XX вв.», прошедшей в ноябре 2024 г. в стенах Казанского федерального университета. Основной целью конференции являлась научная рефлексия по ключевым проблемам, с которыми столкнулось Российское государство и общество в конце XIX – начале XX вв. Секции форума были организованы в соответствии с историографической традицией, сложившейся на кафедрах, специализирующихся в области отечественной истории, историографии и источниковедения Казанского университета на разных исторических этапах отечественной истории. Конференция стала пространством диалога молодых ученых не только по заявленным научным темам, но и вопросам, связанным с пониманием профессии историка и траекториям его профессионального развития. В частности, обсуждались проблемы, с которыми сталкиваются современные историки в стремлении определить свое место и роль в пространстве исторической науки.

Ключевые слова: научная школа, историческое знание, университет, Казанская историческая школа, Казанские исторические чтения.

© Крестьянинов А.В., Мухин В.И., 2025

Для цитирования: Крестьянинов А.В., Мухин В.И. «Казанские исторические чтения»: междуниверситетский студенческий диалог // Молодой историк. 2025. № 2. С. 191-198.

“Kazan historical readings”: inter-university student dialogue

Artem V. Krestyaninov, Vladimir I. Mukhin

Kazan (Volga region) Federal University,

Kazan, Russia, artkres@mail.ru, VIgMukhin@yandex.ru

Abstract. The article highlights the results of the All-Russian student scientific and practical conference “Kazan Historical Readings. The Russian Empire during the Crisis, late 19th - early 20th Centuries”, which was held in November 2024 at Kazan Federal University. The main goal of the conference was scholarly reflection on the key problems faced by the Russian state and society in the late 19th – early 20th centuries. The forum sections were organized in accordance with the historiographical tradition developed in the departments specializing in Russian history, historiography and source studies of Kazan University at different historical stages. The conference became a space for dialogue between young scholars specializing in both the stated topic and the issues related to the profession of a historian and his professional development trajectories. The problems faced by modern historians in an effort to determine their place and role in the space of historical science were also highlighted at the conference.

Keywords: scientific school, historical knowledge, university, Kazan Historical School, Kazan Historical Readings.

For citation: Krestyaninov, A.V., Mukhin, V.I. (2025), “ ‘Kazan historical readings’: inter-university student dialogue”, *Young Historian*, no. 2, pp. 191-198.

В современную эпоху вопрос о профессиональном самоопределении среди историков отнюдь не праздный. В среде обывателей же до сих пор сохраняется мысль о том, что историк есть или летописец, или хронист, или идеологический спекулянт. Примером историографической рефлексии, близкой данной

проблематике, является работа В.А. Бердинских, в которой представлены интервью историков разных поколений. Однако и он не решился сделать однозначных выводов о ремесле историка [Бердинских 2009, с. 203–218]. В то же время ученый признает, что случаи осознания историками принадлежности к профессии индивидуальны и влияют на них как моменты психологического взросления, так и годы обучения в университете (и состояние исторической науки в университете).

Большую роль в самоопределении историков на современном постсоветском пространстве, безусловно, играют источники, а скорее их доступность исследователю и тематическое разнообразие. Федеральные архивы столичных городов, богатые своими фондами и документальными коллекциями, позволяют молодым историкам выбирать «смелые» темы – те сюжеты, которые затрагивают ключевые проблемы общероссийской истории, и уже потом заниматься подбором источников. Параллельно с этим региональные историки, ограниченные фондами местных архивов, чаще всего вынуждены формулировать темы, на основании тех источников, которые есть в наличии и доступны для исследователей. Тем самым в работах региональных историков, как правило, сложно провести дисциплинарную границу между историей и краеведением. Однако это не снижает научную значимость таких работ, так как они позволяют увидеть многообразие стратегий и логик акторов исторического процесса на локальном уровне. Следовательно, пресловутый «провинциализм», часто постулируемый в российской исторической науке, исчезает в ситуации обсуждения той или иной проблемы на разных территориальных уровнях.

В условиях кризиса традиционного способа бытования науки и, в частности, исторической науки, на смену университетам приходят иные межвузовские точки диалога, призванные формировать исторические школы. Положительный пример подобного подхода представляет собой ежегодная конференция на базе исторического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королёва «Платоновские чтения», вышедшая за рамки одного университета и ставшая крупным студенческим научным центром притяжения в

Поволжье, отстаивающая принцип традиционной науки и служащая «пропаганде российского национального исторического наследия» [Кабытов, Дубман 2010, с. 239].

Для Казанского университета нехватка таких точек сопряжения для молодых исследователей проживается особенно остро. Всё чаще уходят из университета Учителя нынешнего поколения профессорско-преподавательского состава кафедр. За последние двадцать лет профессиональное историческое сообщество в Казани потеряло выдающихся историков, добрых коллег и близких друзей: Владимира Даниловича Жигунина (1943–2001), Григория Наумовича Вульфсона (1920–2002), Николая Петровича Мунькова (1923–2002), Нину Михайловну Силаеву (1930–2005), Рената Газеевича Кашафутдинова (1931–2007), Евгения Прокопьевича Бусыгина (1914–2008), Миркасыма Абдулахатовича Усманова (1934–2010), Юрия Ильича Смыкова (1931–2015), Фаину Адольфовну Литвину (1935–2015), Валентина Семёновича Королёва (1937–2018), Альберта Ильича Мухамадеева (1966–2018), Владимира Миннатовича Бухараева (1948–2020), Булата Файзхрамановича Султанбекова (1928–2021), Евгения Александровича Чиглинцева (1955–2021), Алтера Львовича Литвина (1931–2023), Измаила Ибрагимовича Шарифжанова (1940–2024) и многих других выдающихся учёных, широко известных в Российской Федерации и за её пределами.

Необходимость воспроизведения нового поколения учёных-историков и создания «мест памяти» о некогда едином историческом факультете КГУ, выдающихся историках прошлого привела к созданию новой конференции. Выбранная проблематика не была случайной, будучи связанной с историографической традицией изучения политической истории, сформировавшейся еще на кафедре истории СССР до начала XX в. исторического факультета КГУ. Она является базовой для большинства современных историков университета.

Конференция «Казанские исторические чтения. Российская империя периода кризиса на рубеже XIX – XX вв.» стала квинтэссенцией усилий сотрудников исторических кафедр Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета, на протяжении долгого

времени предпринимающих усилия для кооперации и совместного поиска облика историка настоящего, «историка XXI века».

В организационный комитет конференции вошли сотрудники различных кафедр института – кафедры отечественной истории и архивоведения, всеобщей и публичной истории, исторического и обществоведческого образования, регионоведения и цифровой гуманитаристики. Все обозначенные кафедры так или иначе были связаны с историческим факультетом Казанского государственного университета и Казанского государственного педагогического института. Ведущая тематика конференции включает в себя переломное время рубежа XIX – XX вв., по-своему величественное и в то же время трагическое в истории России. Практически все исторические кафедры нынешнего университета в своей научной деятельности в той или иной степени касаются вопросов эволюции государственного управления, социальной структуры, экономики России переходного периода: от Российской империи к Советскому Союзу. Во многом учитывая эту исторически сложившуюся и ставшую традиционной особенность кафедр, организаторы конференции подбирали хронологические и тематические рамки.

В рамках конференции были образованы самостоятельные секции конференции:

Секция 1. Опыт строительства российского парламентаризма.

Секция 2. Первая мировая война: несостоявшийся успех.

Секция 3. Осмысление двух революций – концепция Великой русской революции.

Секция 4. Русское крестьянство на распутье.

Секция 5. Поздняя империя как «место памяти».

Помимо необходимости увековечивания традиции изучения начала XX в. казанскими историками, конференция была призвана активизировать обсуждение проблем второй половины XIX – начала XX вв. в условиях кризиса империи, когда разные политические события и субъекты процессов формировали разные модели развития или направления хода российской истории. Конференция должна была стать пространством диалога между

молодыми исследователями как из столичных городов, так и региональных.

Важной особенностью конференции является её упор на обсуждение серьёзной научной проблематики при посредстве модераторов как из числа профессорско-преподавательского состава, так и студентов магистратуры, а также аспирантов. Такое модерирование секций, недавно ставшее новой тенденцией конференций в области студенческой науки, кажется важной составляющей установления не только межвузовского, но и внутриуниверситетского диалога между поколениями историков.

Конференция объединила 54 участника из более чем 21 города, в том числе города-героя Минска (Республики Беларусь). Очное участие смогли принять докладчики из БФУ им. И. Канта (Калининград), Уфимского университета науки и технологий (Уфа), Пензенского государственного университета (Пенза), Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Пермь). Для студентов Казанского университета и гостей конференции в первый день конференции были запланированы открытие конференции и широкая культурная программа, а во второй день состоялись заседания секций и подведение итогов конференции. Закономерным, но не менее положительным фактом прошедшего форума является и то, что все заявленные доклады были прочитаны, в рамках каждой секции состоялись дискуссии, была налажена научная коммуникация между студентами из разных университетов с общей научной проблематикой.

Проведенное мероприятие свидетельствует о новом этапе развития исторической науки в Казани, поскольку с 2019 г. постоянной ежегодной студенческой конференции в сфере отечественной истории всероссийского уровня, причем столь разнонаправленной, несмотря на общность хронологических рамок, не проводилось.

Необходимость создания единого пространства научных коммуникаций, которыми озадачены многие ведущие университеты России, сталкивается с рядом проблемных факторов, способствующих возникновению сложностей. В частности, можно выделить бессистемность постсоветской науки, с одной стороны,

возникшей вокруг высших учебных заведений, а с другой – отмежевывавшейся от университетов ввиду превращения последних в «бюрократически организованную и относительно автономную потребительски ориентированную корпорацию» [Ридингс 2021, с. 25]. Ещё один серьёзный вызов на пути выстраивания коммуникаций между различными историческими школами можно увидеть в существующем провинциализме в исторической науке, обуславливающим в том числе разрабатываемую научную проблематику и выборку источниковой базы [Бердинских 2009, с. 206]; и многое другое.

Сохранение конференции в качестве ежегодной позволит достичь все заявленные цели: как воспитание нового поколения историков Казанского университета, так и активное вовлечение молодых специалистов со всей России к обсуждению данного периода отечественной истории. В 2025 г. состоится II Казанские исторические чтения, в ходе которых произойдёт структурное обновление и изменение секционной проблематики, однако же ведущая тематика останется неизменной.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердинских 2003 – *Бердинских В.А.* Уездные историки: Русская провинциальная историография. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 528 с.
- Бердинских 2009 – *Бердинских В.А.* Ремесло историка в России. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 608 с.
- Кабытов, Дубман 2010 – *Кабытов П.С., Дубман Э.А.* Движение за увековечивание памяти академика С.Ф. Платонова в Самаре. «Платоновские чтения» и их роль в формировании новой генерации историков // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 3. С. 237–243.
- Ридингс 2021 – *Ридингс Б.* Университет в руинах. 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 304 с.

REFERENCES

- Berdinskikh, V.A. (2003), *Uezdnye istoriki: Russkaya provincial'naya istoriografiya* [County Historians: Russian Provincial Historiography], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Berdinskikh, V.A. (2009), *Remeslo istorika v Rossii* [The craft of a historian in Russia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Kabytov, P.S. and Dubman, E.L. (2010), "The movement for perpetuating the memory of Academician S.F. Platonov in Samara. Platonic Readings and their role in shaping a new generation of historians", *Bulletin of Samara State University*, no. 3, pp. 237–243.
- Rigings, B. (2021), *Universitet v ruinah* [The University in ruins], Izdatel'skiy dom Vysshej shkoly ekonomiki, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Артём В. Крестьянинов, кандидат исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; 420008, Россия, Республика Татарстан, Казань, ул. Кремлевская, 18, корп.1; artkres@mail.ru

Владимир И. Мухин, студент бакалавриата, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; 420008, Россия, Республика Татарстан, Казань, ул. Кремлевская, 18, корп.1; VIgMukhin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artem V. Krestyaninov, Cand. of Sci. (History), Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia; bld. 18, Kremlevskaya St., Kazan, Tatarstan, Russia, 420008; artkres@mail.ru

Vladimir I. Mukhin, bachelor student, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia; bld. 18, Kremlevskaya St., Kazan, Tatarstan, Russia, 420008; VIgMukhin@yandex.ru

Главный редактор

Барышева Елена Владимировна

Выпускающий редактор английского текста

Антонова Ирина Борисовна

Научный редактор и корректор

Бакланов Даниил Антонович

Дизайн и вёрстка

Тагильцева Софья Александровна

МОСКВА 2025

A low-angle, upward-looking photograph of a classical building's facade, featuring ornate columns and a pediment. The image is overlaid with a solid blue color. The email address 'molodoi.istorik@rggu.ru' is centered in white text with a thin underline.

molodoi.istorik@rggu.ru